

Администрация Главы и Правительства
Республики Дагестан
Институт философии РАН
Российское философское общество
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
ФГБУН «Дагестанский федеральный
исследовательский центр РАН»

Между философией и политикой

К 85-летию первого Президента РД М. Г. Алиева

Сборник научных статей

Под редакцией
доктора философских наук,
профессора М. И. Билалова

Издательский дом «Дагестан»
Махачкала 2025

ББК 87.524.81

УДК 1/14

М-43

М-43 Между философией и политикой: Сборник научных статей под редакцией д-ра филос. наук, проф. М. И. Билалова. — Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2025. — 296 с.

В сборнике статей Всероссийской научно-практической конференции «Между философией и политикой» изложены материалы участников: приветствия, доклады и выступления по значимым для судеб России и Дагестана вопросам цивилизационного будущего и перспектив этнических и конфессиональных отношений. В фокусе фундаментальных философских, культурологических, религиозно-политических и этнонациональных проблем изложено научное и философское творчество юбиляра – первого Президента Республики Дагестан Муху Гимбатовича Алиева, отметившего свое 85-летие.

ББК 87.524.81

УДК 1/14

ISBN 978-5-6055313-1-9

© Издательский дом Дагестан, 2025

ОБ АВТОРАХ И КЛЮЧЕВЫХ ИДЕЯХ СБОРНИКА

Сборник статей подготовлен по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Между философией и политикой», посвященной 85-летию первого Президента РД Муху Гимбатовича Алиева. Конференция была обстоятельной и солидной. Наш конференц-зал в ДГУ вмещает более 100 человек и он весь пленарный день был полон. 16 докторов наук, 18 кандидатов наук, магистранты, аспиранты, студенты приняли участие. И самое главное, принимал участие солидный чиновничий аппарат — Народное Собрание РД, почти все председатели комитетов Народного Собрания, несколько министров. Были представлены Общественная палата, другие объединения, советы и структуры.

Перед организаторами не стояла задача, чтобы просто заполнить зал, а участвовали те люди, которые должны знать эти вопросы и которым предстоит их реализовывать. Ну, каждому по своим направлениям — и экономисты, и работники образования и культуры. Ведь Муху Гимбатович занимался, будучи и в Народном Собрании, когда возглавлял Народное Собрание, и будучи первым Президентом Дагестана, можно сказать, почти всеми отраслями и народного хозяйства, и жизни республики.

Вот если географию назвать, то надо иметь в виду, что Муху Гимбатович последние 14 лет работает в Институте философии РАН, он главный научный сотрудник сектора социальной философии Института РАН, и мы, конечно, в основном пригласили представителей Института философии. Оттуда было 6 человек. Остальные представляли Краснодар, Грозный. Были выступления из Ульяновска, из Москвы, другие выступления. Не просто охват по географии, а охват по содержанию. А тематика на конференции, хотя назвалась она «Между философией и политикой», в основном была посвящена тем проблемам, которыми как ученый, как философ Муху Гимбатович занимается всю жизнь. Это вопросы, конечно же, актуальные для Дагестана,

Северного Кавказа и России: вопросы этнических отношений, вопросы межконфессиональных отношений, вопросы цивилизации, идентичности, цивилизационной идентичности. Вот цивилизационная идентичность имеет несколько слоёв слагаемых, и в этой связи рассматривались работы Муху Гимбатовича как монографического плана, так и научные статьи в различных журналах. Ну, та его работа, которая вышла накануне, она, можно сказать, юбилейная работа «Между философией и политикой», конечно, была основной. Собственно, это сборник его основных трудов, философских трудов, но есть несколько и публицистического плана, есть несколько выступлений на разные темы, начиная с 1990-х годов до последнего времени. Вот эти все проблемы были в центре осмысления философов — участников конференции.

Сегодня мы говорим о многополярном или точнее, полицентричном мире, о России как государстве-цивилизации, о чем Муху Гимбатович заговорил одним из первых в российской науке. По этим вопросам Муху Гимбатович давал большое интервью после его возвращения из поездок по Европе, участия во многих мероприятиях, реальных наблюдений. Он тогда говорил о старении Европы, говорил о возможных проблемах, если будет большая миграция в Европу трудовых гастарбайтеров, или, как их там называют, трудовых мигрантов. Он говорил, к чему это приводит. Все, с чем Европа сейчас сталкивается, это было сказано в те годы, почти 30 лет назад Муху Гимбатовичем заранее на основе тех наблюдений, которые он сделал тогда, что почти нет детей, что демографическая политика слабая, институт семьи потихоньку разрушается вот этими всеми нелегальными там меньшинствами и прочей политикой информационной нехорошей. Каким образом Муху Гимбатович мог осмысливать общение всего мира? Или он предвидел, может, глобализацию в результате информационного взрыва вот этих технологий, которые нас объединяют, интернет и т. д.? Специальная военная операция дала толчок поискам и выявлению нашей уникальной цивилизационной идентичности, и сегодня мы разрабатываем совершенно новые векторы развития в культуре, образовании

и философии. Дело в том, что то, что 30 лет назад было тенденцией, сегодня стало очевидным фактом. Сегодня вот тот однополярный мир, где глобализация с американским акцентом, лицом, вот, дошла и до России и заставила Россию, можно сказать, своим нашествием, идеологическим нашествием, нашествием СМИ, технологий, заставило в какой-то степени нашу интеллигенцию стать либерально-демократической. Ну, не всю, конечно, но какой-то авангард интеллигенции, политическую интеллигенцию. Это вот сегодня становится очевидно, что этот путь — путь кризиса. Значит, европейская цивилизация вместе с этой американской глобализацией находится в глубоком кризисе. И сегодня мы слышим даже устами самого президента США Трампа, что она обрушилась, она потерпела крах.

И возникают сегодняшние непростые вопросы для осмысления, в том числе настоящей конференцией. Все эти Обамы, Байдены, Макроны и другие, они сегодня оказались у разбитого корыта по существу. Сегодня мы говорим о многоцентричном мире, полицентричном мире. Иногда говорят, многополярный мир, ну, полярностей много не бывает. Мир полицентричен — это более точное название. Наш Институт философии, где Муху Гимбатович работает, сегодня эту концепцию разрабатывает, и мы во многих вузах поддерживаем эту концепцию.

Сегодня мы говорим о России как о самостоятельной, самостоятельной цивилизации, о государстве-цивилизации. Вот Муху Гимбатович в этом произведении и в ряде других произведений склонен считать, что у нас Россия, ну, он говорит, русская цивилизация, иногда российская цивилизация, что вот это автономная самостоятельная цивилизация. Вот вокруг этого тезиса, в частности, развернулась и дискуссия. С точки зрения моего подхода, ну не только моего, вот выступал там очень известный специалист, главный научный сотрудник Института философии Владимир Николаевич Шевченко, старейший наш ученый, он приверженец этой концепции, Резник, профессор, Смирнов, академик, который, кстати, у нас здесь был на телевидении, и лет, ну, десять назад он приезжал к нам в качестве руководителя делегации Института философии на нашу же

конференцию в ДГУ. Вот они придерживаются той линии, что всё же можно говорить о евразийской цивилизации, к которой принадлежит или составляет ядро этой цивилизации — российская цивилизация. Сюда я лично отношу и Белоруссию, Украину, Венгрию, Болгарию, Турцию, Азербайджан, Среднюю Азию, ряд других регионов постсоветского пространства. Это обширный регион, в котором вот эти евразийские ценности, в частности, мы говорим о трёх ценностях. Это, в частности, когда мировые религии — христианство и ислам — лежат в основе веры у людей, когда огромная территория, это самое большое геополитическое пространство, когда эта территория становится территорией, которую нужно осваивать и культурно, и политически, и экономически, во всех смыслах надо осваивать, всё ещё предстоит это осваивать. Это второй момент. И территории, где проживает огромное количество этносов, у которых вот те ценности, которые составляют евразийскую цивилизацию, оказываются вот близки к этим 17 базовым ценностям, о которых Владимир Владимирович Путин еще в 2022 году только вот началась специальная военная операция и говорил. А вот специальная военная операция как раз поставила точку над той политикой, которая явно или неявно была все же в России нового времени, в новой России. Сегодня мы разрабатываем совершенно иные векторы развития нашего общества и в культуре, и в образовании.

Какое значение имеют вот такие работы философские, как у Муху Гимбатовича, и в целом, работы в Институте философии РАН — философов по разработке вот этих направлений? Я вот просто прочитаю несколько наименований, в основном гостей. Руководил делегацией Павлов Александр Владимирович, доктор философских наук, член-корреспондент. Буквально два месяца назад он стал членом-корреспондентом РАН. Это руководитель сектора, где работает Муху Гимбатович. Вот у него — «Надзорный капитализм как угроза современной цивилизации». Профессор Шевченко Владимир Николаевич, главный научный сотрудник института — «Интерес как движущая сила современной политики, скрытая и явная». Беляева Людмила Александровна, тоже ведущий

научный сотрудник Института философии – «Вторичная модернизация в России и во фронтальном регионе, потенциал общего цивилизационного пути». Ну и ряд других. Вот Акаев, известный на Северном Кавказе, наш коллега – «Цивилизационное развитие народов Северного Кавказа в контексте модернизационных процессов России». Мой доклад тоже был посвящен цивилизационному статусу северокавказских и дагестанских народов в составе России. Вот эти все доклады как раз и говорят о том, что вот этот новый поворот совершенно не является неожиданным. Он давно отстаивался очень солидными философами. Ну, лично я никогда от этой тенденции не отказывался. Всегда знал, что европейская цивилизация в кризисе, Болонская система не годится для нас, ну и так далее, отсюда всё вытекающее. Но вот пока не было СВО, этого коренного поворота в нашей политике экономической, финансовой политике, в особенности идеологической политике, в политике мироустройства по существу не было. Эти ШОС-организации, БРИКС, ведь они появились именно после того, как СВО началась и внешняя политика сильно изменилась.

И вот после этого поворота, конечно же, значительно легче стало и философам, и политологам, и культурологам, и нашим чиновникам в образовании, в культуре, в медицине, во всех сферах. И этот поворот, он сегодня продолжается. Я хочу сказать, что конференция была инициирована Администрацией Главы Республики Дагестан. Глава РД Сергей Меликов является председателем оргкомитета этой конференции. Его заместитель – Гусейнов, он выступал на конференции. Рабаданов, ректор университета, Муртазаев, директор Федерального исследовательского центра, наш молодой академик, он совсем недавно стал академиком. Вот они активно участвовали, оргкомитет охватывал все вузы, все наши заведующие кафедрами вузов с хорошими солидными докладами проявили, показали себя и перед гостями, и перед Муху Гимбатовичем наш дагестанский потенциал философии. Так что в этом смысле организаторы очень довольны, хотя я всегда бываю критически настроен против многих наших мероприятий. То не успеешь, то не доделали, то ещё как-то.

На следующий день участников конференции принял наш молодой министр по национальной политике и делам религий Абуталимов Темирлан Умарович, участник СВО, Герой России. Буквально неделю он работает и очень душевная состоялась беседа в министерстве. И всегда это министерство отзывалось на какие-то философские новшества, новации, какие-то векторы нашей теории. Поскольку и религиозные отношения, и этнические отношения это же хлеб этого министерства. Был обстоятельный разговор на телевидении РГВК, там круглый стол был.

На следующий день конференция переехала в Дербент. Там целая программа. По инициативе Муху Гимбатовича практически-политическая и культурная программа конференции продолжилась на его малой родине — в Хунзахе. Посетили музей народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы, отца Расула Гамзатова.

Не могу здесь не сказать: Муху Гимбатович вообще не хотел проводить юбилей свой, тем более конференцию. «Ну, зачем столько людей собирать?» Если бы не ректор университета Муртузали Хулатаевич Рабаданов — он настоял. Он говорил, ни к кому не надо обращаться, университет берёт всё на себя. Но на себя основную нагрузку взяла Администрация Главы РД, очень тесно с нами сотрудничала Рашия Рустамовна Алиева, заместитель руководителя Администрации.

И еще — конференция называется «Между философией и политикой». И здесь не обойтись без очередного осмысления роли философов в современном обществе. Так повелось исторически — философам, в конце концов, по большому счету все равно, что о них подумают, что будет претворено в жизнь, не будет претворено — они рекомендуют, они стараются. И из-за того, что их рекомендации, пожелания зачастую противоречат установкам чиновников власти, их подвергают остракизму, начиная с Сократа. Первые жертвы философии, когда социальное окружение отвергало выдающихся философов — известны много веков. И мусульманские философы пострадали — были такие, которых власть держала на расстоянии. Ибн Сина, там, допустим, аль Газали и другие. Вот аль-Халадж — исламский философ, суфий. Его же четвертовали. После четвертования истекающего кровью

спросили его о его позиции — он сказал, я остаюсь при своём убеждении. Палачи решили ему голову отрубить: «он всё равно не отрешится от своего!». Вот такие были всегда.

Теперь возвращаемся к тому, почему наша конференция называлась и подняла тему — между философией и политикой. Как известно, философия, в силу своей сложности и инновационного характера, недоступна широкому населению. А политика, поскольку доступна широкому населению, управляет населением, но сами политики говорят, а зачем нам нести философские истины населению, если они этого не понимают? И они в какой-то степени, получается, извращают философию. Власть тоже потому и спрашивает: зачем нужна философия? А Муху Гимбатович своей и теоретической деятельностью, и своей каждодневной политической деятельностью реализовывал жизненно необходимую философию. С конца 1990-х годов, с начала нулевых годов, в 2000-м, почти 30 лет он был в активной политике.

Философов, как многих людей, разделяют языки, цвет кожи, нас разделяют государства, границы, политики, национальные идеи, партии, да что только не разделяет. Нас разделяют классы общественные — кто-то беден, кто-то богат, кто-то молод, кто-то стар, но идеи должны нас объединять. И мы надеемся, что идеи Муху Гимбатовича и других участников конференции, изложенные в данном сборнике прошедшей конференции, войдут в философию нашей страны, в сознание нашей интеллигенции и студенческой молодежи, будут изучаться и приниматься во внимание. Во имя укрепления единства народов! Во имя их решимости добиться справедливого мироустройства! Всем вам за это спасибо и ещё раз спасибо за ваши выступления!

*Координатор конференции,
ответственный редактор сборника,
заведующий кафедрой онтологии и теории познания ДГУ,
доктор философских наук,
профессор Мустафа БИЛАЛОВ*

ПРИВЕТСТВИЯ

*Меликов С. А.,
Глава Республики Дагестан*

Уважаемые друзья, с огромным удовольствием приветствую открытие Всероссийской научно-практической конференции «Между философией и политикой», ее участников, уважаемых ученых и гостей! Ваш научный форум рассматривает очень значимый для судеб России и Дагестана вопрос о цивилизационном будущем, о перспективах этнических и профессиональных отношений. В фокусе форума — научное и философское творчество нашего юбиляра — 85-летие первого Президента Республики Дагестан Муху Гимбатовича Алиева.

Муху Гимбатович многие годы возглавлял парламент нашей республики. Под его руководством приняты важные для Дагестана законы. Была проведена масштабная работа по преобразованию правовой системы. Осуществили конституционные реформы с принятием Конституции Республики Дагестан 1994 и 2003 годов. Подход Муху Гимбатовича к государственному строительству в сложный период истории основывался не на сиюминутных решениях, а на глубоком стратегическом мышлении и понимании общественных процессов.

Став первым Президентом Республики Дагестан, Муху Гимбатович взял на себя бремя и ответственность за будущее нашего родного края. Его политика была основана на мудром балансе между традицией и модернизацией, что позволило сохранить единство дагестанского народа и обеспечить поступательное развитие республики. Желаю всем участникам конференции конструктивных дискуссий и успехов в работе. Благодарю за внимание.

*Аскендеров З. А.,
председатель Народного Собрания РД*

Уважаемый Муху Гимбатович, уважаемые участники и гости конференции. Я с большим удовольствием принимаю сегодня участие в этом значимом событии Всероссийской научно-практической конференции «Между философией и политикой», которая собрала в этом зале профессиональное сообщество ученых, экспертов из разных регионов нашей страны. И особенно символично, что наша встреча проходит в честь юбилея первого Президента Дагестана Муху Гимбатовича Алиева.

Для всех нас он государственный высочайшего уровня, для которого политика всегда была не просто технологией управления, а именно служением, основанным на глубокой философии и, самое главное, ответственности. Уважаемые друзья, позвольте по поручению Главы Республики Дагестан Сергея Алимовича Меликова огласить его приветствие.

Уважаемый Муху Гимбатович, уважаемые коллеги, приглашенные, рад приветствовать вас на конференции «Между философией и политикой», приуроченной к 85-летию Муху Гимбатовича Алиева, выдающегося государственного общественного деятеля, видного ученого, талантливого, неординарного человека, обладающего политической мудростью и огромной жизненной энергией.

Где бы ни доводилось работать в науке и образовании во главе республики, в Совете Федерации России или в Конгрессе местных и региональных властей, Муху Гимбатович все свои знания, опыт, научный потенциал неизменно направлял на служение родному краю.

Являясь примером уникальной работоспособности, верности избранному пути, ответственной жизненной позиции, снискал высочайший непререкаемый авторитет и уважение среди дагестанцев. Я не измеряю свою жизнь победами или поражениями, отвечает Муху Гимбатович. Старался всегда быть самим собой, никого не копируя, никому не подражая. Готов был отстаивать

и отстаивал свои убеждения всегда, в том числе и в отношениях с вышестоящими органами власти. Считал себя правым.

Книга между философией и политикой посвящена актуальным вопросам имеющейся картины современного мира. Истории, теории, моделей опыта, модернизации, борьбы с терроризмом и религиозно-политическим экстремизмом. Особое внимание в работе уделяется устойчивому развитию региона. Эти темы, по словам автора, остаются особенно актуальным для Дагестана.

Отрадно, что такой солидный состав участников из разных уголков страны, насыщенная повестка позволяет вам в ходе открытых дискуссий обсудить широкий спектр социально-философских тем, познакомиться с результатами фундаментальных научных исследований, предложить новые подходы. Примите слова благодарности, дорогой Муху Гимбатович, за вашу мудрость, отзывчивость, созидательный труд на благо Родины.

Желаю Вам и всем участникам сегодняшней конференции успешной и плодотворной работы, новых идей благополучия и здоровья»

**Гусейнов А. А.,
директор Института философии
Российской академии наук**

Уважаемый Муху Гимбатович, уважаемый Заур Асельдерович, уважаемый Муртузали Хулатаевич, уважаемый Акай Курбанович, уважаемые коллеги, разрешите от имени Института философии Российской академии наук приветствовать наше собрание, которое счастливым образом соединило чествование 85-летнего юбилея Муху Гимбатовича Алиева с научной конференцией, посвященной соотношению философии и политики. Причиной соединения этих событий явился сам жизненный путь Муху Гимбатовича, который пролегал между философией и политикой и который отмечен его выдающимися достижениями в этих областях человеческой деятельности. Да и конкретный повод он дал сам, собрав в отдельный изданный в этом

году том те из своих трудов, которые подходят под эту рубрику, и назвал этот том «Между философией и политикой».

В юбилейных мероприятиях начала августа, непосредственно в день его рождения, которые проходили в Хунзахском районе, Махачкале, получили отражение в масс-медиа, о Муху Гимбатовиче говорили как о политике, его особой роли в общественно-политической жизни Дагестана, как первом Президенте Дагестана. Философская составляющая его личности и деятельности оставалась в тени. Можно подумать, что дизайн юбилейных мероприятий выстроен так, что философское творчество отнесено на сегодняшнее обсуждение. И в этом случае, казалось бы, наша задача должна состоять в том, чтобы сосредоточиться на философском творчестве Муху Гимбатовича, показать, что он не только политик, но ещё и философ. Такое разделение самих юбилейных мероприятий на две части можно признать разумным с чисто методической и организационной точек зрения, чтобы полнее охватить общественную значимость жизни Муху Гимбатовича, подчеркнуть важность его философских достижений. Но оно уязвимо с методологической точки зрения. Такой ход рассуждения по принципу «не только, но и» или по формуле «и то, и другое», является описательным, смазывает суть дела. В случае Муху Гимбатовича философия и политика составляют нечто единое, их нельзя разделять, отделять друг от друга без того, чтобы не обеднить каждую из них. И в качестве названия своей книги он взял не случайно выражение «между философией и политикой». Не «и», а «между». Его интересует именно это «между», эта связь. Он интересуется философией в ее нацеленности на политику, доводит ее до политических выводов и решений. И в политике он всегда учитывает ее глубинные основания, которые уходят в философию. Ценность опыта жизни и деятельности Муху Гимбатовича состоит именно в их соединении, во взаимодополняемых переходах.

Когда о Муху Гимбатовиче люди говорят как о политическом руководителе, они поступают совершенно правильно. Это первое, что бросается в глаза, что видно, запечатлено

в фотографиях, наглядно запечатлено, представлено в общественном сознании. Это то, в силу чего люди просто его узнают на улице. Вот и всезнающая Википедия характеризует его как советского и российского государственного и политического деятеля. Так оно и есть. Он последний руководитель Дагестанской Автономной Советской Социалистической республики, первый секретарь Дагестанского обкома КПСС, и он же первый Президент Республики Дагестан в составе Российской Федерации, то есть постсоветского Дагестана.

Да, он политик, политик высокой пробы, однако сам подход Муху Гимбатовича к политике, его политический стиль, если можно так выразиться, имеет ту особенность, что он доходит в политике до осознания и учета ее философских теоретических оснований. В самой политике он остается философом. Не буду углубляться в этот вопрос, на самом деле он требует особого и специального исследования. Когда-нибудь, наверное, о нем напишут монографии, защитят диссертации.

Остановлюсь только на одной характеристике. Кто-то сказал о Муху Гимбатовиче, что он является государственным, стопроцентным государственным. И это правильно, и, насколько я могу понять, Муху Гимбатович тоже не возражает против такой квалификации его общественного облика. Но что значит для политического руководителя быть государственным? Это ведь не просто владение искусством управления в иерархически упорядоченной системе общественной жизни, не просто навык подчиняться руководителю и руководить подчиненными, находить быстрые и нужные решения в сложных ситуациях и так далее. Без такого искусства политик, конечно, не может состояться, и, думаю, Муху Гимбатович владеет им сполна, об этом свидетельствует вся его биография, иначе она не была бы такой длительной и такой успешной. Для хорошей политики нужны, конечно, также знания, широкий кругозор, нужны риторические способности, и ими сполна обладает Муху Гимбатович, и он на самом деле является интеллектуалом высочайшего класса. Иногда поражаешься, как он помнит даже школьные знания.

Но ни того, ни другого на самом деле недостаточно. Это, я бы сказал, начальные и средние классы политики, а вот высшие ступени её, её университеты начинаются с понимания цивилизационных и идейных основ, на которых держится государство, его глубинной связи с народом. Это уже прямой переход от политической технологии и искусства управления, разных его хитростей к философии политики. Практический опыт и философское творчество Муху Гимбатовича ценны именно таким соединением философии с политикой, которое поднимает их на государственно значимый уровень. Ну, я бы так сказал, что он своей деятельностью самой дагестанской политике придал именно такой высокий государственный уровень. Да и в философии он по преимуществу интересовался теми исследовательскими проблемами и сюжетами, которые сопрягались с доминантами дагестанской политики, о чем свидетельствуют его обе (кандидатская и докторская) диссертации, работа в качестве главного научного сотрудника Института философии РАН.

Он понимает, что Дагестан это не просто один из регионов большой страны. Дагестан является регионом многонациональным и приграничным. Он является республикой! А это накладывает на него особую ответственность за поддержание федеративного характера нашего государства и его целостность. Вообще следует заметить, дагестанское самосознание характеризуется ярко выраженной политической доминантностью. Дагестанцы любят поговорить о политике. Само положение Дагестана в российском обществе и его ментальность требуют от его руководителей глубоко продуманной, стратегически ориентированной политической деятельности. От них, в частности, требуется своя особая национальная политика, постоянная забота о развитии культуры и языков коренных народов Дагестана, о поддержании этнического баланса в общественно-политической жизни и в кадровой политике. Далее: обостренно-негативное отношение к проявлениям сепаратизма. Воспитание российского патриотизма в контексте многовековой выстраданной борьбы дагестанских народов за независимость. Это суть цели, которой он, Муху Гимбатович,

руководствовался в своей политической деятельности, никогда не порывал с философией, постоянно обращается к её аргументам, к её методологии, исследует в научных трудах.

Позвольте мне закончить своё рассуждение на эту тему высказыванием самого Муху Гимбатовича, которое в каком-то смысле резюмирует его собственный политический опыт и в то же время может рассматриваться как наизидание на будущее. Цитирую: «Сложности современного Дагестана последних десятилетий, на мой взгляд, во многом связаны с отсутствием анализа происходящих процессов сквозь призму истории республики, исторических уроков, непреходящих ценностей дагестанского прошлого, характеризующих менталитет народа. Это приводит к тому, что из общественного сознания дагестанцев исчезает чувство исторической преемственности».

Завершая этим замечательным высказыванием, хотелось бы пожелать успехов конференции, пожелать, чтобы конференция стала событием научной и общественной жизни, сама оказалась точкой соединения философии и политики.

*Рабаданов М. Х.,
ректор Дагестанского государственного
университета*

Уважаемые коллеги, заканчиваю на этом приветственные части. Я бы только хотел сказать, что у Муху Гимбатовича особое отношение к Дагестанскому госуниверситету. Он окончил Дагестанский госуниверситет. И вот две траектории: и философская, и политическая — у Муху Гимбатовича по сути начались с Дагестанского государственного университета. Муху Гимбатович был аспирантом у нас, защитил кандидатскую по философии у нас, а по политической части Муху Гимбатович возглавлял тогда комитет ВЛКСМ ДГУ, это была большая, чуть ли не самая большая комсомольская организация у нас в республике. Вот эти две ветви у Муху Гимбатовича пошли с нашего университета. Ну, и у университета особое отношение к Муху

Гимбатовичу. Я очень рад, что конференция, которую мы сегодня проводим, имеет такой хороший, высокий статус. Порядок работы у нас следующий.

У нас три пленарных заседания и пленарная дискуссия. Все это будет проходить в этом зале в течение дня. У нас три кофе-брейка, всё будет в этом зале. Единственное, у нас обед с 13.30 до 14.30 запланирован. Он будет проходить в ресторане здесь рядом. Всё остальное время мы работаем здесь. Уважаемые коллеги, разрешите мне начать первое пленарное заседание. У нас 7 докладов, 100 минут, по 12 минут на каждый доклад и 2 минуты оставляем на вопросы ответить.

Это не касается Муху Гимбатовича, всех остальных докладчиков касается. Муху Гимбатович, пожалуйста, Вам слово, первый доклад. Доклад называется «Обгонять не догоняя». Доктор философских наук, профессор, почетный профессор ДГУ, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии, Российская академия наук, первый Президент Республики Дагестан.

«ОБГОНЯТЬ, НЕ ДОГОНЯЯ»

*Алиев М. Г.,
Институт философии РАН, г. Москва*

Аннотация. Выбор собственного пути развития, модели возможного будущего страны: «Кто мы?», «Какое общество строить? «Куда идти?» – в современных условиях имеют как большое теоретическое, так и практическое значение, выдвигаются на передний план, становятся главной отечественной философской, политологической проблемой, проблемой социально-гуманитарных наук.

В Концепции внешней политики, утвержденной Президентом страны Указом от 31 марта 2023 года, новая парадигма развития страны, ее будущее связывают с реализацией идеи государства – цивилизации. После нескольких веков следования то за Западом, то за Востоком, Россия возвращается на собственный путь цивилизационного развития. Она позиционируется в концепции как независимая самостоятельная цивилизация, не являющаяся частью никакой другой цивилизации.

Поскольку проработка понятия «государства-цивилизации» ещё не завершена, в стране идут дискуссии, на которых, одобряя, как правило, курс государства-цивилизации, высказывается немало предложений, связанных прежде всего с его реализацией.

Чтобы эта идея не стала очередной умозрительной концепцией, утопией, важна не только риторика, но и реальная политика, обеспечивающая на деле ответы как на внешние, так и на внутренние вызовы страны. Среди вопросов внутренней политики особого внимания требуют вопросы сохранения единства многообразия наших народов, культур, этнокультурных идентичностей в рамках единой российской цивилизационной идентичности, противостояния этническому национализму, а также связанной с ним попытки нивелирования, выравнивания народов по одному какому-то лекалу этническому, конфессиональному и т. д., то есть не по сценарию единства

народов, как вытекает из концепции государства-цивилизации, а по сценарию их однообразия, тождества, эксклюзивистских притязаний.

Государство-цивилизация не может быть монокультурным в стране, сформировавшейся «именно как многонациональное и многоконфессиональное государство с первых шагов, и что, ставя под вопрос нашу многонациональность, начиная эксплуатировать тему русского, татарского, кавказского, сибирского и какого угодно еще другого национализма и сепаратизма, мы встаем на путь уничтожения своего генетического кода» (В. В. Путин).

А это требует внимания и такта к решению вопросов национальных языков, национальной литературы: «Вы знаете, я с интересом узнал (не знал даже), в советское время так внимательно к этому относились, почти каждый маленький народ имел свое печатное издание, поддерживались языки, поддерживалась национальная литература. **Кстати говоря, многое из того, что делалось в этом смысле раньше, нам нужно бы вернуть и взять на вооружение** (выделено мною. — М. А.)» (В. В. Путин).

Широкое публичное обсуждение этих и других вопросов может стать продуктивным как для понимания нового проекта государства — цивилизации, так и для участия народа в его реализации, а также для устранения всех неопределенностей, связанных с этим. Тогда и проект цивилизационного развития для России станет общим делом всего общества, без деления на идейно противостоящие лагеря.

Ключевые слова: государство-цивилизация, идентичность, этнический национализм, опережающая модернизация, единство многообразия, идеология, социальная справедливость, менталитет, ценности.

OVERTAKING WITHOUT CATCHING UP

*Aliyev M. G.,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow*

Abstract. Choosing your own path of development, a model of the possible future of the country — «Who are we?», «What kind of society should we build? «Where to go? «– is of great theoretical and practical importance in current conditions. It is coming to the fore, becoming the main Russian philosophical, political issue, and the issue of social and humanitarian sciences.

In the Concept of Foreign Policy, approved by the President of the country by Decree dated March 31, 2023, a new paradigm of the country's development and its future are related to the implementation of the idea of a state-civilization. After several centuries of following either the West and or the East, Russia is returning to its own path of civilizational development. It is positioned in the concept as an independent, self-reliant civilization that is not part of any other civilization.

Since the elaboration of the concept of «state-civilization» has not been completed yet, discussions are underway in the country, where, as a rule, approving the course of the state-civilization, many proposals are made, primarily related to its implementation.

To prevent this idea from becoming another utopia, it is important not only to use rhetoric, but also to implement real policies that provide practical answers to both external and internal challenges of the country. Among the issues of domestic policy, issues of preserving the unity of the diversity of our peoples, cultures, and ethno-cultural identities within the framework of a single Russian civilizational identity, and countering ethnic nationalism require special attention, as well as related attempts to level out and align peoples according to some kind of pattern, ethnic, confessional, etc., that is not determined by the scenario of the unity of peoples, as follows from the concept of the state-civilization, but goes by the scenario of their uniformity, analogy and exclusivist claims.

A state-civilization cannot be monocultural in a country that developed «precisely as a multinational and multi-religious state from the very first steps, and that, by questioning our multinational character, starting to exploit the issue of Russian, Tatar, Caucasian, Siberian and any other nationalism and separatism, we embark on the path of destroying our genetic code» (Putin).

And this requires attention and tact to address issues of national languages and national literature: «You know, I found out with interest (I didn't even know), in Soviet times they were so attentive to this, almost every ethnic minority had its own press, languages were supported, national literature was supported. **By the way, there used to be a lot of practices applied in this respect, that we should go back to and adopt** (highlited by me. — M. A.)» (Putin).

A broad public discussion of these and other issues can be productive both for understanding the new project of the state-civilization, and for the participation of the people in its implementation, as well as for eliminating all the uncertainties associated with it. Then the project of civilizational development for Russia will become a common cause of the whole society, without splitting into ideologically opposing sides.

Keywords: state-civilization, identity, ethnic nationalism, advanced modernization, unity of diversity, ideology, social justice, mentality, values.

Я начну с пары предварительных пояснений, чтобы дальше легче было понять, о чем пойдет речь.

Первое: Слова «обгонять не догоняя» принадлежат Игорю Васильевичу Курчатову. Точнее эти слова означали принцип, выдвинутый нашим знаменитым ученым, для определения прорыва в развитии страны в середине XX века, когда перед учеными — основателями атомной отрасли руководством страны была поставлена сложнейшая задача — в сжатые сроки с нуля создать высокотехнологичную атомную отрасль. Этого тогда требовала напряженная политическая обстановка в мире, речь шла о судьбе СССР.

Постановка вопроса о прорывном развитии актуальна и для современной России, которая начинает не только осознать, но и защищать свои национальные интересы. К нам пусть и с опозданием пришло понимание, что, двигаясь проторенными дорогами догоняющего развития, ставших уделом России практически на протяжении всей истории, по крайней мере, последние триста лет, задач прорывного развития страны мы не решим.

Концепция «догоняющего развития» применительно к России, как известно, была сформулирована еще знаменитым историком С. М. Соловьевым и развита В. О. Ключевским. «Закон жизни отсталых государств или народов среди опередивших: нужда реформ назревает раньше, чем народ созреет для реформы, — писал Ключевский в дневнике в 1911 году. — Необходимость ускоренного движения вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро» [1].

Чужой опыт противоречит укладу жизни, традициям, культуре, менталитету народа, его фундаментальным ценностям, исторической памяти. Он навязывается «сверху» принудительно, осуществляется волевыми усилиями верховной власти. Поэтому такие изменения, как правило, проходят при **пассивности** людей, без их внутренней готовности к этим нововведениям, болезненно.

По этим причинам российская модернизация не может быть похожей на классические модернизации Запада, которые шли органично, начинались с изменения идентичности людей. Она может идти не в русле догоняющих модернизаций, быть и опережающей, если будет проходить с учетом специфики страны, в интересах большинства народа, на основе, понятной людям, и поддерживаемой ими стратегии преобразований.

Второе: Ситуация в РФ сегодня в какой-то степени ассоциируется с тем, что происходило в СССР в 1970–1980-е годы, когда Советский Союз должен был адекватно ответить на вызовы постиндустриального, информационного общества, серьезно изменить общественное производство, ликвидировать технологическое отставание.

По оценке экспертов, в экономике США доля четвертого технологического уклада составляет 20 %, пятого — 60 %, шестого — 5 %. В России же еще 30 % — экономика третьего технологического уклада, 50 % — четвертого и всего 10 % пятого. Шестого технологического уклада российская экономика практически не имеет. Фактически наша экономика отстает от США примерно в один технологический уклад. Россия производит всего 1,8 % мирового ВВП. Для сравнения: Китай — 16 %. За последние 20 лет ВВП Китая возрос в 20 раз. Я привожу данные за 2019 год и по номинальному ВВП. Данные по ВВП с учётом паритета покупательной способности (то есть с поправкой на уровень текущих цен в странах) у нас тоже невысокие. По этому показателю на первом месте в мире идет Китай — он производит 19,25 % мирового ВВП. На втором месте США — 15,11 %. На третьем месте Индия — 7,98 %. На четвертом Япония — 4,05 %. На пятом Германия — 3,13 %. Россия с 3,07 % в 2019 году была на шестом месте. По номиналу мы были на 11-м месте в мире. С 2021 года мы находимся по ВВП с учётом паритета покупательной способности на первом месте в Европе и на четвертом в мире, опережая Японию и Германию. Но наш удельный вес в мировом производстве ВВП остается незначительным, если сравнивать с Китаем или США, Индией.

Поэтому плодотворными представляются поиски модернизации нового типа или опережающей модернизации на основе своей исторической и культурной традиции, цивилизационной модели. Этим запросам, на наш взгляд, отвечает идея государства-цивилизации, с которой связывается будущее России в Концепции внешней политики, утвержденной Президентом страны Указом от 31 марта 2023 года.

Можно сказать, за прошедшие два с половиной года после подписания этого Указа цивилизационная проблематика выдвинулась в стране на первый план, стала ее магистральной линией, можно даже сказать о взрывном интересе к данной проблематике.

Это видно и из программы настоящей конференции. Она охватывает разные аспекты цивилизационной

проблемы — исторические, духовные, политико-идеологические, социологические, культурные и т. д.

В руководстве РФ вплоть до 2007 года (известной речи В. В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности), можно сказать, превалировал подход к западной цивилизации как к универсальной.

В связи с радикальными переменами, происходящими в мире, обострением отношений с Западом **и особенно с началом СВО** у нас появляется шанс жить по собственным социокультурным и цивилизационным особенностям, соответствующим **интересам** РФ, что и выразилось в идее государства-цивилизации.

Скажу сразу, я разделяю основную идею проекта о России как о государстве-цивилизации. После нескольких веков следования то за Западом, то за Востоком, Россия возвращается на собственный путь цивилизационного развития. По существу Россия — сплав, синтез разных народов, культур, религий, даже цивилизаций. Напомню участникам конференции мысль академика А. В. Смирнова, известного арабиста и исламоведа, высказанную им в апреле прошлого года в одном из интервью, говоря о месте русской философии в философском мире: «...на территории Российской империи был представлен и мощный пласт арабо-мусульманской философии и в целом исламской духовности. И до 1917 г., и после в России, в Поволжье и на Кавказе, создавались произведения на арабском языке. Если убрать имена собственные, топонимы и этнонимы, то невозможно определить, в какой части исламского мира это написано. Это все было частью классической исламской культуры. Таким образом, у нас есть и это наследие. В тех регионах, где был распространен буддизм и буддийская культура, тоже есть свое наследие».

Далее содержится важный вывод:

«...Россия была и остается страной, где развивались собственные — не привозные, а именно собственные — традиции философии и духовности, представлявшие разные цивилизации» [2].

В этом же интервью академик подчеркивает: «Россия фактически является своего рода мини-миром, соборной цивилизацией: она собирает едва ли не все крупные цивилизации в самой себе, отражает их. И их нельзя объединить по родо-видовому принципу, а вот собрать во имя общего дела — можно» [2].

Поэтому, **рассуждая о российской цивилизации, не следует упрощать, сводя ее к той или иной монокультуре.**

Считаю оправданными и названия цивилизации не только как российской, но и русской, с учетом таких критериев, как территория страны, фактор привязки к ней наиболее многочисленного русского народа и русской культуры, объединяющих народы России.

В нашей многонациональной стране русский вопрос имеет особое звучание и значение. Существует ли такой вопрос? Как бы кому-то он не показался странным, да, существует. Его недооценка, недопонимание может серьезно осложнить и так не очень простую ситуацию в стране. Речь ведь идет о менталитете, особенностях сознания крупнейшего этноса, без учета которых немислим не только выход из наших экономических, нравственных и других тупиков, но и будущее государства, о народе, вынесшем на своих плечах основные тяготы хозяйственного и культурного строительства страны, потери в Великой Отечественной войне, других войнах и конфликтах на протяжении всей отечественной истории, о народе, оказавшемся после катастрофического по своим социальным, экономическим, психологическим последствиям распада страны самым разделенным народом в мире.

В такие трудные периоды происходят изменения и в этническом сознании, менталитете не только русского, но и других народов, происходит кризис идентичности, которые нередко выливаются в этнический национализм, замешанный то ли на православном клерикализме, если говорить о русском этническом национализме, то ли на исламском фундаментализме, если говорить о том, с чем мы чаще всего встречаемся в своем регионе. **Об этом не следовало бы забывать, особенно сейчас,**

когда страна меняет очередной раз парадигму своего развития.

Новая парадигма развития должна быть нравственно воспринимаемой как русским, так и другими народами РФ, но не **очередной утопией.**

Отвечает ли предложенная нам формула государства-цивилизации запросам всех народов России? Ответ: да, отвечает, если она будет реализовываться так, как говорит глава государства.

Президент страны в последние годы в разных своих выступлениях неоднократно говорит на эту тему. В основном она освещается в его ежегодных Посланиях Федеральному Собранию или в докладах на заседаниях Международного дискуссионного клуба «Валдай». Приведу несколько высказываний.

«Россия формировалась именно как многонациональное и многоконфессиональное государство с первых шагов, и что, ставя под вопрос нашу многонациональность, начиная эксплуатировать тему русского, татарского, кавказского, сибирского и какого угодно еще другого национализма и сепаратизма, мы встаем на путь уничтожения своего генетического кода. По сути, начинаем уничтожать сами себя», — подчеркивал он в докладе на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года.

В том же докладе содержалась и другая важнейшая мысль: «Вы знаете, я с интересом узнал (не знал даже), в советское время так внимательно к этому относились, почти каждый маленький народ имел свое печатное издание, поддерживались языки, поддерживалась национальная литература. **Кстати говоря, многое из того, что делалось в этом смысле раньше, нам нужно бы вернуть и взять на вооружение** (выделено мною. — М. А.)».

Президент постоянно подчеркивает важность сохранения многонационального единства России, которое он назвал величайшей ценностью страны. Основными качествами государства-цивилизации он назвал многообразие и самодостаточность. «Современному миру чужда любая унификация, каждое государство и общество хотят самостоятельно выработать свой путь развития. В основе его — культура и традиции,

укреплённые в географии, историческом опыте, как давнем, так и современном, и в ценностях народа. Это сложный синтез, в процессе которого и возникает самобытная цивилизационная общность. Её неоднородность, многообразие — это залог устойчивости и развития», — повторил В. В. Путин через 10 лет на том же Валдайском форуме в октябре 2023 года. Глава государства подчеркнул и другую важную мысль: **«Российскую цивилизацию невозможно свести к одному общему знаменателю, но её нельзя и разделить, потому что она существует только в своей целостности, в духовном и культурном богатстве».**

В приведенных высказываниях главы государства выделены и основные угрозы государству-цивилизации. Это прежде всего этнический национализм, временами дающий знать о себе в России, а также связанные с ним попытки нивелирования, выравнивания народов по одному какому-то лекалу — этническому, конфессиональному и т. д., то есть не по сценарию единства народов, как вытекает из концепции государства-цивилизации, а по сценарию их однообразия, тождества, эксклюзивистских притязаний.

Сошлюсь на характерный пример, который я приводил в прошлом году здесь, в университете на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Г. Агаева. В Москве на международных Панаринских чтениях «Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития» один из докладчиков утверждал, что считает противоречивыми по содержанию задачи ФЦП «Укрепление единства многонационального народа России» и «содействие этнокультурному разнообразию народов России». Это при том, что в той самой ФЦП, на которую ссылается докладчик, сказано, что укрепление гражданского и духовного единства народов РФ не направлено на нивелирование этнокультурного многообразия РФ. Это разнообразие даже названо конкурентным преимуществом РФ, частью её духовного наследия.

Поэтому очень важно, чтобы практическая политика по реализации новой долгосрочной амбициозной парадигмы развития велась в соответствии с установками главы государства,

в том числе и на местах, в регионах. **Для этого нужна как воля верховной власти, так и контроль институтов гражданского общества за действиями властей всех уровней, чтобы не было большого разрыва между политической риторикой и политической реальностью.**

Широкое публичное обсуждение этих и других вопросов может стать продуктивным как для понимания нового проекта государства-цивилизации, так и для участия народа в его реализации, а также для устранения всех неопределенностей, связанных с этим. Тогда и проект цивилизационного развития для России станет общим делом всего общества, без деления на какие-то идейно противостоящие лагеря.

Для нас, республик в составе страны, государства-цивилизации эти обсуждения, споры актуальны и с позиций политического будущего республик, будущего наших народов.

Немало и других вопросов, которые требуют дальнейших исследований, изучения: это и вопросы идеологии, системы ценностей, социальной справедливости, трансформации менталитета народа, кризиса идентичности и многие другие. В дискуссиях, которые широко развернулись в стране на тему государства-цивилизации, заметное место занимают проблемы политико-правового характера, методологического осмысления новой парадигмы развития, особой роли государства в становлении российской цивилизации, выдвигаются альтернативные концепции, есть даже мнения, что объявленный курс вообще может измениться (Межуев), высказываются опасения, что значительная часть российской элиты, настроенной на «европейничанье», будет блокировать новый курс. Общество, особенно с начала СВО, серьезно волнует **система отбора кандидатов на государственную службу**, да и многое другое. Актуализируется вновь тема российского евразийства.

Эти и другие вопросы требуют дальнейших исследований, **пока проработка понятия «государства-цивилизации» ещё не завершена и нет еще полноценной концепции, принимаемой даже научным сообществом.** Важно не навязывать какую-то модель как некогда западоцентричную линейную парадигму

анализа общества и истории. Тогда идеи, волнующие общество, выйдут за пределы аудиторий, залов конференций, кабинетов ученых, голос России в мире будущего будет звучать еще уверенней.

Литература:

1. *Ключевский В. О.* Дневники. Афоризмы, мысли об истории. — М., 1968. С. 316.
2. [kak-vozmozhna-rossiyskaya-filosofiya/?ysclid=mfdpofpnzd558987759](https://www.yourchoice.ru/kak-vozmozhna-rossiyskaya-filosofiya/?ysclid=mfdpofpnzd558987759)

**ИНТЕРЕС КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА
СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ:
СКРЫТОЕ И ЯВНОЕ.
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

*Шевченко В. Н.,
Институт философии РАН, г. Москва*

Аннотация. В статье дается анализ работы М. Г. Алиева «Риторика и реальность». Прежде всего выделяются три уровня философско-политического анализа процессов перестройки. Расхождение между словами Горбачева и реальностью не следует считать глупостью или необразованностью, пишет автор. Это расхождение говорит о поведении, близком к макиавеллизму. В заключительных разделах книги дается характеристика других аспектов теневой власти.

Ключевые слова: перестройка, слово и дело, интерес, риторика, социальная реальность, макиавеллизм, публичная политика, теневая власть

**INTEREST AS A DRIVING FORCE OF
MODERN POLITICS: HIDDEN AND OBVIOUS.
A PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

*Shevchenko V. N.,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow*

Abstract. M. G. Aliyev's work «Rhetoric and Reality» is examined in the paper. Three levels of philosophical and political analysis of the perestroika process are identified. The author writes that the discrepancy between Gorbachev's words and reality should not be dismissed as stupidity or ignorance. Rather, it suggests behavior close

to Machiavellism. The book's final sections explore other aspects of shadow power.

Keywords: perestroika, word and deed, self-interest, rhetoric, social reality, Machiavellism, public policy, shadow power.

Когда к своему юбилею Муху Гимбатович Алиев издал книгу «Между философией и политикой», то я решил, что следует откликнуться на ее выход, и приглашение выступить на конференции пришло как раз кстати. Мне доставило большое удовольствие чтение этой большой и теоретически значимой для отечественной науки книги.

Особенность моего интереса состоит в том, что в течение четверти века я работаю в секторе философских проблем политики (или просто философии политики) Института философии РАН, причем в течение пятнадцати лет я руководил этим сектором. Многие работы М. Г. Алиева и прежде всего «Перестройка: риторика и реальность» представляют с моей точки зрения редкий случай точного соответствия их содержания тематике философско-политических исследований.

Ввиду ограниченности во времени я остановлюсь в своем выступлении на работе о перестройке. Проведенный в ней философский анализ политики Горбачева как главного автора затеянной им перестройки заслуживает самого пристального внимания. М. Г. Алиев показал себя как глубокий всесторонне образованный философ, сумевший разработать и применить на деле свою оригинальную методологию анализа, сформулировать важные теоретические выводы.

Единство слова и дела — социальный и моральный принцип, которого твердо придерживается автор, выражает общечеловеческую нравственную норму, моральное требование верности слову. Без определенного доверия, ожидания выполнения этого принципа невозможна совместная жизнь и деятельность в обществе. Этот принцип предполагает сознательное отношение к общественному долгу, высокое чувство личной ответственности за совершаемые дела. Этот принцип относится к каждому

человеку, но прежде всего и в высшей мере к государственному, политическому деятелю.

Проведенный М. Г. Алиевым философско-политический анализ действий автора перестройки представляет особую ценность, поскольку в стране произошла во власти смена первого лица, и тогда закономерно в обществе возник вопрос, а сделает эта смена жизнь народа полнее и лучше. Но это в идеале, разумеется, в жизни очень часто тогда происходило по-другому — ожидания к лучшему со сменой руководства сменялись разочарованиями, а если даже изменения и происходили, то, как правило, медленные и неполные. И это можно было понять и во многих случаях объяснить. В отличие от творца нашей перестройки, который в результате своей ошибочной (по сути преступной) политики не только вызвал экономический и политический хаос в стране, но и погубил целое государство.

Первый уровень философско-политического анализа и есть анализ расхождения риторики и реальности, расхождение потока слов с реальными изменениями. Задача, цель реформатора состоит в том, чтобы найти непростой путь для перехода общества от одной системы ценностей к другой. У нас в литературе часто недооценивается это обстоятельство. На первом этапе перестройки советские люди, в своей массе весьма доверчивые, верили в то, что правильные слова не останутся просто словами, что за правильными словами последуют и позитивные перемены.

Если нельзя напрямую осуществить переход от одной системы ценностей, одной системы убеждений к другой, идет ли речь об обществе в целом или об отдельной личности, то будет обязательно переходное состояние, состояние смятения мыслей, хаоса. В такой ситуации нередко можно было услышать — глупости мол говорит новое лицо, отрицающее ценности и нормы, к которым привыкли миллионы людей. Поэтому и подбирается или выбирается такой руководитель, который умеет разговаривать с людьми, обладает для этого навыками ораторского искусства, т. е. знакомый с риторикой. Отсюда и это слово «риторика» в заголовке книги. Риторика выступает

мощным орудием как разрушительного, так и созидательного характера.

Важно, что в книге дается подробный анализ приемов риторики на материалах выступлений главного перестройщика страны. Не обращаясь открыто к учению о риторике как к способу убеждения, ее автор показывает знание основных аспектов этого учения. Он подчеркивает, что в публичных выступлениях политик всегда пользуется различными особенностями ораторского искусства. Анализ публичных выступлений и речей политика опирается в литературе, заметим мы, на фундаментальные, известные уже в греческой философии, и прежде всего Аристотелю, способы убеждения: этос, пафос и логос.

Этос есть апелляция к аудитории, знание ее убеждений, идеалов, ценностей. Без этого нельзя выходить к аудитории. Логос есть умение строить умозаключение, использовать тщательно подобранные аргументы. Это очень действенный способ убеждения. И, наконец, пафос, когда политик пытается использовать в своих целях эмоциональный настрой тех людей, той аудитории, к которой он обращается.

Поэтому риторика как ораторское искусство есть неотъемлемая часть в деятельности политика. К сожалению, сегодня очень мало говорят об этом при теоретическом анализе реального поведения политика в публичном пространстве. Очевидно, здесь нужна соответствующая философская подготовка.

Автор пишет, что Горбачёв говорит не вполне ясно, туманно, однако расхождение между обилием слов и реальностью еще нельзя трактовать однозначно. Он вовсе не имеет в виду, что это от глупости, от недалекого ума и недостатка в образовании. Это не глупость, ибо в другой системе координат за этими особенностями речи могут просматриваться совсем другие цели.

Это наглядное проявление в какой-то степени поведения, отмечается в книге, близкого к макиавеллизму. Человек сосредоточен на своих собственных интересах, он готов при каждом удобном случае манипулировать людьми, обманывать других для достижения своих целей. Отсюда стремление, прежде всего, к внесению новых смыслов в уже, казалось бы, известные

и проверенные ценности и моральные предпочтения, которые привычны для миллионов людей.

Такой политик стремится к реализации своих убеждений, он уверен в своей правоте. А многословие, отсутствие четких, тем более, проверенных самой жизнью характеристик важных сторон жизни, а порой и преднамеренное косноязычие есть один из самых известных способов вызвать сомнения у тех людей, которые его слушают, веру в свои убеждения и принципы. Такой политик ищет и находит поддержку со стороны конкретных и весьма влиятельных людей, он общается с ними и черпает у них уверенность при разработке и внесении в открытую политику новых идей и мыслей. Это скрытая сторона формирования публичной политической линии. Вот в этом еще одна задача, прописанная автором, изучать интересы того слоя людей, которые продвигают и защищают человека, находящегося у власти или продвигаемого во власть.

Очень часто политик, недавно занявший высокую государственную должность, не знает или плохо знает о том, что за этими контактами скрывается еще более сложная игра. Есть мир публично выраженных национальных интересов государства и есть антимир закрытых и тайных обществ. Публичные политики, в том числе и высшие государственные деятели, оказываются сегодня часто на пересечении публичной сферы и тщательно скрываемой теневой сферы. Реальная власть, в силу некоторых важных причин, постепенно смещалась в последние десятилетия Советской власти в теневую, закрытую зону. Здесь подлинный субъект власти — группы людей, которые реализуют свои корпоративные, финансовые, политические интересы под прикрытием институтов демократического государства, которые уходят далеко в глубинные неформальные структуры. Это самая интересная и самая сложная часть философско-политического анализа. И именно философский анализ политики в наибольшей степени способен показать наличие этого глубинного неформального уровня. Сегодня при обсуждении вопроса о прежних, нынешних и грядущих переменах в ходе радикального преобразования российского

общества самым важным является вопрос о том, как вообще можно противостоять тайным, теневым центрам власти как национального, так и мирового капитала. Эта проблематика действительно не нашла должного отражения в отечественных науках, особенно в политологии, которая изучает по существу только мир публичной политики. М. Г. Алиев смотрит гораздо дальше и глубже.

Однако в современном мире существует такое явление, которое в очень сильной степени сдерживает желание ученых заниматься проблематикой теневой власти. Автор затрагивает тему влияния скрытых сил на ситуацию в республике в постсоветском Дагестане. Вместе с тем мы знаем, что заниматься такой проблематикой нужно иметь смелость и мужество, глубокое проникновение в эту сторону общественной жизни. Утешает здесь одно. Мы из нашего советского и постсоветского опыта знаем, что все тайное рано или поздно становится явным. И в жизни всё возвращается бумерангом. Просто иногда прилет бумеранга обратно происходит слишком поздно.

Феномен М. Г. Алиева, успешно соединившего прекрасное знание философии с участием в политической жизни страны на союзном и затем на федеральном уровне, получил высокое признание среди философов, ученых, политиков. Он многое узнал и познал в том, как можно добиваться успеха людям, склонным к активному участию в политической и общественной жизни, при этом сохраняя верность принципу единства слова и дела, добиваться максимально возможной прозрачности власти и вырастать в политиков и руководителей высокого уровня. И сегодня М. Г. Алиев находится в хорошей форме, по-прежнему его работы привлекают интерес и внимание со стороны специалистов, самых широких кругов общественности.

С юбилеем, дорогой Муху Гимбатович!

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СТАТУС СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ И ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ В СОСТАВЕ РОССИИ

*Билалов М. И.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. Доклад подготовлен для Всероссийской научно-практической конференции «Между философией и политикой», на которой обсуждаются фундаментальные философские, культурологические, религиозно-политические и этнонациональные проблемы многонациональной России, ее цивилизационные ориентиры. Свой доклад я разбил на три части: 1. Какие социальные перемены и методологические новации о цивилизации легли в основу осмысления современного общественного развития? 2. В чем цивилизационная особенность России? 3. Каков цивилизационный статус северокавказских и дагестанских народов в составе России?

Ключевые слова: этносы, цивилизация, миропорядок, евразийство, культура, традиционные ценности, философия, политика.

CIVILIZATION STATUS OF THE NORTH CAUCASIAN AND DAGESTAN PEOPLES AS A PART OF RUSSIA

*Bilalov M. I.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. The report was prepared for the All-Russian Scientific and Practical Conference «Between Philosophy and Politics», which discusses the fundamental philosophical, cultural, religious, political, and ethno-national issues of multinational Russia and its civilizational guidelines. I divided my report into three parts:

1. What social changes and methodological innovations about civilization have formed the basis for understanding modern social development? 2. What is the civilizational feature of Russia? 3. What is the civilizational status of the North Caucasian and Dagestan peoples within Russia?

Keywords: ethnic groups, civilization, world order, Eurasianism, culture, traditional values, philosophy, politics.

1. Поистине тектонические процессы происходят в мировом общественном развитии — Специальная военная операция России на Украине и параллельная политическая активность России всколыхнули до самых основ миропорядок, его хозяйственно-экономическую, финансовую, политическую, нравственно-духовную, культурно-образовательную составляющую. **Однополярный мир, к которому привела глобализация с американским акцентом, оказался в глубоком кризисе вместе с европейской цивилизацией.** Великий Кант и его единомышленники, ратовавшие за единую историю человечества, уступили ныне теоретические позиции на социальное прогнозирование будущего человечества разработчикам концепции локальных цивилизаций — Данилевскому, Шпенглеру, Тойнби и др. Такой вектор развития всерьез рассматривался также в тематике очередного VIII Российского конгресса «Философия и цивилизационное будущее России» и близко большинству отечественных философов и политологов.

2. Как следствие такого вывода **встает вопрос о месте России в этом многополярном, полицентричном и цивилизационно неоднородном мироустройстве.** Здесь разноречивых мнений и прогнозов — одни видят Россию в славянской цивилизации, другие — в православной, третьи — в русском мире, иные отводят России статус отдельной цивилизации — русская, российская. На признание статуса России как государства-цивилизации склоняется и наш юбиляр Муху Гимбатович Алиев. В своей новой монографии «Между философией и политикой» он пишет: «Нам представляется, что для нашей страны адекватным мог бы быть вариант российская/русская цивилизация» [3]. В проекте

Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» говорится о России как самобытном государстве-цивилизации.

Вместе с рядом исследователей я хочу обратить внимание участников конференции на евразийство как на общественную и цивилизационную идеологию России. Доводов у отечественных философов, политологов и политиков для концептуального обоснования евразийского курса России как во внутренней, так и внешней политике, духовной и идейно-политической стратегии модернизации страны достаточно. **Содержание евразийской концепции выражается в нескольких ключевых ценностях евразийского движения.** Его сторонники, **во-первых**, привержены федеративному устройству России, хотя отдавали предпочтение культурному, языковому единству над этническим. **Во-вторых**, общей целью народов является построение единой империи — освоение огромной евразийской земли. В этих пунктах прослеживается переплетение мотивов советской и евразийской концепций национальной политики. **В-третьих**, для евразийцев важна идея Бога и, по их мнению, традиционные для России религии (православие, ислам, иудаизм), проникая в повседневный быт населения, лежат в основе добра и нравственности людей.

Для народов Российской империи, Советского Союза, ряда близрасположенных стран и регионов евразийская история и культура являются исконными. «Человеческий дух и духовность расширяют диапазон своего бытия и функционирования, возвращая и возобновляя забытое и забвенное...» [5]. Эти слова касаются, разумеется, не только духовной культуры, но и вообще всей человеческой деятельности. Но они уместны во всестороннем осмыслении всего евразийского геополитического пространства, включающего Россию, Азербайджан, Белоруссию, Украину, Турцию, Болгарию, Венгрию, страны Центральной и Средней Азии и т. д.

Особое своеобразие многочисленным этническим и ментальным ценностям России придавали религиозные верования,

в числе которых особо выделились ислам и православие. Ислам сам по себе, даже в своем ортодоксальном варианте значительно ближе к православию, нежели все остальные мировые и немировые религии. Православие изначально создавало толерантную духовную атмосферу для огромного пространства проживания многих народов, бережно собирало их в единое многонациональное государство. Этноты сохраняли свою веру, традиции и в ответ на христианскую доброту пополняли русскую культуру своими ценностями, культурно и духовно обогащали формирующуюся российскую нацию. Как неразрывная часть христианства православие во многом ответственно за европейские компоненты евразийства. Православием аккумулировались сущностные элементы евразийского духа, они зачастую предстают в качестве средства сближения этнических и религиозных культур Запада и Востока

Эти общие духовные истоки еще раз подтверждают своевременность Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7], в котором перечислены 17 ценностей, которые сегодня положены в основу общероссийской гражданской идентичности — осознанию гражданами их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей. Десятилетия европейничанья подвергли размыванию наши религии, этнические культуры, подорвали коллективистские традиции. Как пишет В. Н. Шевченко, под ударом оказались наши традиционные ценности, Российское государство, президентско-парламентская республика, вся героическая военная история Российского государства, а также весь советский период российской истории, реальные достижения страны, «его эгалитаризм» [8].

Современная национальная политика страны нацелена на формирование общероссийской гражданской идентичности и солидарности. В этом, на наш взгляд, суть евразийской культурной идентичности России, полагая вслед за академиком

А. В. Смирновым, ее «большой многологичной культурой» [6]. При этом, по мнению академика, данная культура целостна, она объединяет процессуальную и субстанциальную логики, европейское и азиатское мышление. В многологичной культуре нет изъяна, по существу, она соответствует требованию известной в науке культурологической концепции — функционализму, по которому все составные части и элементы культуры решают определенную задачу. Более того, эта вековой давности концепция настаивает на невозможности изъятия какого-либо структурного элемента культуры — иначе в культуре нарушится равновесие, необходимое для ее целостного функционирования. Многологичность российской культуры — основа целостности всей культуры огромного евразийского геополитического пространства. Как государство-цивилизация Россия центро-стремительное ядро целой евразийской галактики.

3. Каков же цивилизационный статус северокавказских и дагестанских народов в составе России? В концептуальной архитектонике формирующегося полицентричного мира евразийские исторические перспективы российской цивилизации всецело сопрягаются и даже гармонируют со всеми структурными частями евразийской культуры. Опыт истории показал, в том числе недавний опыт социалистического союза этносов и наций их единый соборный, джамаатский дух. В противовес европейскому менталитету и его целевой рациональности в нашем евразийском содружестве превалирует ценностный рационализм и иррационализм. Приоритету прав и свобод личности в западной европейской либеральной демократии противостоит и нам близок приоритет прав этноса и нации, уважения семьи, старших, традиций, согласующиеся с тем самым эгалитаризмом — равноправием и социальным равенством, — акцентируемом профессором В. Н. Шевченко в его цитате. Судьба культуры коренится в исходной общности образа жизни, традиций, языка и самосознания, так и общности исторических событий, переживаемых рядом поколений, что впоследствии выражается в культурно-исторической памяти. Как свидетельствуют социологические опросы, положительная

оценка состояния межнациональных отношений в 2024 году по стране составила 81,8 %, в том числе максимальный показатель в Северо-Кавказском федеральном округе 87,3 %, наиболее низкий — в Центральном — 78,6 %. Упомянутая Стратегия в качестве целевого показателя указывает не менее 84 % по стране, уровень гражданской идентичности — не менее 95 %.

В упомянутой книге Муху Гимбатович Алиев дает мудрый совет — для осмысления и решения всех этих вопросов важно «согласие в академическом сообществе», которое «позволит перевести обсуждение цивилизационной проблематики в плодотворную дискуссию исследователей, говорящих на общем научном языке, быть неким компасом» [3]. На такую дискуссию, инициированную юбилеем, мы и рассчитываем на нашем настоящем научном форуме. Но, учитывая сложность проблемы, автор книги считает, что «лучше согласиться с политическим выбором». Этот совет ценен тем, что, зная политическую биографию Муху Гимбатовича, мы не раз убеждались в его принципиальности государственника, которая не всегда совпадала с прочерченной указующей траекторией.

Об этом свидетельствует другая монография М. Алиева. В ней изначально изобличается деятельность тогдашних руководителей страны — Горбачёва, Ельцина, «ставка на свободу, демократию, на гласность при отсутствии внятной программы модернизации в условиях экономического кризиса... привели к развалу страны» [7]. Автор подвергает острой критике тогдашних руководителей страны, приведенные в монографии материалы свидетельствуют о его принципиальном неприятии ряда направлений в деятельности государства в годы так называемой перестройки [4].

В заключение хочу сказать следующее. В упомянутой монографии Муху Гимбатович ссылается на интервью с известным постмодернистом А. Бадью «Между политикой и философией» [1]. Это красноречивое название для осмысления соответствующего перестройке в СССР духовной ситуации времени в западноевропейских странах. Ален Бадью защищает точку зрения, что **между философами и политиками существует**

огромная разница. Политики вынуждены многое упрощать, поскольку они обращаются не к избранным, а вынуждены апеллировать к большинству населения, и получается, если философы не упрощают, то зачем нужна их философия... Так вот, перечисленные М.Алиевым политики и философы (Ясины, Афанасьевы, Бурбулисы, Гайдары, Поповы...) и были теми упрощенцами либеральной демократии, обставившими ее привлекательными картинками, даже тогда, когда в эпоху глобализации она стала своим антиподом в уродливых формах либертарианства и неолиберализма.

Муху Алиев представляется одним из немногих, органически совместивших в своем творчестве **адекватные времени философские идеи и реальные политические усилия и шаги** на уровне видного государственного и общественно-политического деятеля страны — не только очевидца, но и непосредственного участника многих ключевых событий 80–90-х годов XX века в России и Дагестане, тогдашнего руководителя обкома КПСС, а затем и Народного Собрания, позже и руководителя РД, затем и главного научного сотрудника флагамена отечественной философии — Института философии РАН.

С юбилеем, Муху Гимбатович, и новых творческих высот по пути реализации непростого единства философии и политики!

Литература:

1. *Ален Бадью.* Между политикой и философией. Интервью // Журнал «Топос». — М., 2005 // Электронный ресурс: <https://femme-terrible.com/abroad/alen-badyu-mezhdu-politikoj-i-filosofiej/>
2. *Алиев М. Г.* Перестройка: риторика и реальность. — М.: Прогресс-Традиция, 2022. — 188 с. С. 12.
3. *Алиев М. Г.* Россия как государство-цивилизация: политико-философский анализ // Между философией и политикой. — Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2025. — 448 с. С. 137–148. С. 143.
4. *Билалов М. И.* «Перестройка: риторика и реальность» (размышления о книге) // Вестник Российского философского

- общества. 2024. Вып. 1–2 (107–108). — М.: РФО, 2024. — 200 с. С. 163–167.
5. *Билалов М. И.* Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость. — Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2017. — 376 с. С. 205.
 6. *Смирнов А. В.* Что такое цивилизация? // Цивилизационные основы РФ: материалы заседания 25 мая 2024 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук; Ассоциация российских банков; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права / Под общ. ред. академика РАН Г. А. Тосуняна. — М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025.-208 с. С. 25–47, 43–44.
 7. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
 8. *Шевченко В. Н.* Историческая память россиян как предмет информационного воздействия Запада // Проблемы российского самосознания: историческая память народа. Материалы 12-й Всероссийской конференции. Москва–Махачкала, апрель 2015 г. — М.; — Махачкала: Дельта-пресс, 2015. — 352 с. С. 305–317, 315–316.

РЕСУРСЫ ОБЩЕГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПУТИ РЕГИОНОВ РОССИИ

*Беляева Л. А.,
Институт философии РАН, г. Москва*

Аннотация. В статье рассматриваются две взаимосвязанные проблемы: уровень модернизационного развития России и ее регионов, в том числе отстающих по показателям вторичной модернизации, и состояние массового сознания жителей как предпосылка выбора единого цивилизационного пути для всей страны.

Ключевые слова: модернизация, вторичная модернизация, фронтальный регион, образование, идентификация, цивилизационный выбор.

RESOURCES OF THE COMMON CIVILIZATIONAL PATH OF THE REGIONS OF RUSSIA

*Belyaeva L. A.
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

Abstract. The paper considers two interrelated issues: the level of modernization development of Russia and its regions, including the ones falling behind in the secondary modernization performance, and the state of mass consciousness of residents as a prerequisite for the choice of a united civilization as way for the whole country.

Keywords: modernization, secondary modernization, frontier region, education, identification, civilizational choice.

Россия — многонациональная и многоконфессиональная страна, которую можно характеризовать как единую

гетерогенную цивилизацию, развивающуюся в соответствии с собственными закономерностями. Социально-экономическое, культурное, этническое, социально-структурное и религиозное разнообразие российских регионов создает сложную мозаичную картину территорий, находящихся на разных уровнях развития по качеству и условиям жизни населения, человеческому потенциалу. В регионах разнонаправленно происходит диффузия традиционных и современных, современных ценностей, что определяется различным уровнем модернизационного развития. Одни регионы находятся на стадии вторичной модернизации, в том числе осваивают пятый и шестой технологические уклады, другие регионы, завершив первичную модернизацию, остановились в своем переходе к вторичной модернизации, не осваивают новые технологические уклады, совершая даже попятные движения в качестве и условиях жизни, образовании, возрождают архаичные формы образа жизни. Особое положение в экономическом и социокультурном пространстве страны занимают фронтальные регионы, которые отличаются полиэтничностью, имеют сложные межэтнические, языковые и религиозные отношения, разнообразие этнокультурных традиций, такую структуру населения, которая обусловлена множеством хозяйственных укладов.

Фронталь это не приграничная территория, это место, где взаимодействуют, противостоят интересы различных этнических групп, религиозных объединений, территория, где не сложилась социокультурная общность с балансом территориальных, экономических, культурных, религиозных, бытовых ориентаций [9:199–222]. Для населения фронтальных регионов характерна изменчивая, «ползучая» идентичность. Они могут позиционировать себя как представители этнических сообществ, считать себя членами религиозных общин, людьми, включенными в родовые, клановые отношения, сторонниками традиционных ценностей или следовать требованиям модернизационного развития. Многообразие идентичностей и их подвижность говорит о принадлежности Северного Кавказа к фронтальным территориям. С социально-антропологической

точки зрения это зона смешения и взаимодействия двух или более народностей, с социокультурной точки зрения — территория, на которой формируется или не формируется новая общность. Происходит это на основе адаптации друг к другу представителей всех наличествующих на фронтире наций и народностей (с последующей ассимиляцией части из них) — с их индивидуальными культурами и под влиянием всевозможных внешних факторов: природно-климатических, политических, экономических, религиозно-идеологических [7:15–41].

Разнообразная палитра российских регионов поневоле заставляет обратиться к глобальному вопросу — есть ли что-то, что способно соединить столь непохожие части страны помимо государства и представляющей его власти? Можно предположить, что объединяющей субстанцией являются интересы и ценности, присутствующие в массовом сознании населения [3:6–26]. Они являются продуктом исторического общежития народов, условий социализации и системы образования, влияния средств массовой информации и идеологических функций государства. Поиск устойчивых ориентиров единения российского общества на традиционных ценностях при необходимости увеличения стимулов инновационного мышления и поведения, которые характерны для современного общества, находящегося на стадии вторичной и информационной модернизации или, по новой терминологии, надзорного капитализма, является важнейшей проблемой в современной России.

В соответствии с методикой китайского ученого Хэ Чуаньци, которая была применена в нашем Центре к российским регионам, Россия на 100 % выполнила первичную модернизацию, но некоторые регионы, в том числе расположенные в СКФО, еще не вышли из этой стадии, сохраняя с 2000 года уровень в 82,5 %. Индекс вторичной модернизации по России в целом вырос с 61,6 % в 2010 г. до 78,1 % в 2017 году, или на 16,5 %. По СКФО рост за этот период составил только 10,2 %, с 55,8 до 66 % и произошел за счет роста числа студентов, наличия в домохозяйствах телевизоров и компьютеров. При этом округ показал очень низкий уровень затрат на НИР и ОКР и в подаче патентных

заявок [5]. Вторичная и информационная модернизация растут в некоторых регионах России, и не только в СКФО, недостаточно быстро, распространяясь в основном в отдельных федеральных центрах, где сосредоточены высокотехнологичные производства, в том числе оборонного комплекса, научные организации и исследователи.

Замедленный темп модернизации в некоторых округах и регионах связан не только с экономическими факторами, финансированием, но и с научно-технологическим развитием и кадровым потенциалом этих территорий [10:199–222]. На общем фоне выделяется Северо-Кавказский федеральный округ, который имеет низкие индексы вторичной модернизации, причем внутри него нет регионов-лидеров, которые могли быть сопоставимы с другими продвинутыми в научно-технологическом отношении территориями и которые могли бы потянуть за собой другие регионы округа. В период с 2000 по 2017 год. Дагестан не смог выйти из группы с самым низким уровнем модернизации, куда входили, кроме него, два региона: Калмыкия и Тамбовская область [6:247]. В регионах с низким уровнем модернизации качество жизни населения отстает от общероссийского в силу сложившейся структуры экономики, структуры занятости и расселения. Сравнение статистических показателей по СКФО и России за 2023 год демонстрирует значительное отставание округа от средних данных по России [5: 49, 150, 152, 158, 468]. Валовый региональный продукт на душу населения в округе самый низкий среди федеральных округов России. При высоком уровне урбанизации российской территории в целом (74,9 % городских жителей) в отдельных округах и регионах численность сельского населения превышает или близка к численности городского. Например, в СКФО в 2023 году городское население составляло 50,9 %, меньше горожан было только в Республике Алтай. Эти пропорции объясняют и занятость в отраслях хозяйства: в сельском хозяйстве СКФО было занято — 15,7 %, в обрабатывающей промышленности — 9,6 %, в торговле — 18,2, в информации и связи — 1,1 % (по РФ в целом последний показатель 2,4 %). При уровне безработицы по

России в 4, 2 % в СКФО она равнялась — 12,2 %, основную массу — 61,1 % всех безработных составляют молодые люди от 20 до 39 лет включительно.

Модернизированность регионов тесно коррелирует с уровнем и качеством жизни населения, в частности с его доходами. При очень низкой границе бедности в СКФО (например, в Дагестане она в 2023 году составляла 13 тыс. 694 руб.) численность населения с денежными доходами ниже границы бедности составляла в Дагестане 12,8 % населения, Ингушетии — 27,7 %, Карачаево-Черкесии 20,6 %, а в России в целом 8,5 % [5:244]. Для поднятия уровня жизни в этих регионах необходима модернизация — окончание индустриальной, переход ко вторичной модернизации, развитие высокотехнологичных инновационных производств на основе исследований и разработок, осуществляемых в самих регионах.

Между, тем в СКФО с 2010 по 2023 год сократилось число научных организаций, их рост наблюдался только в Ставропольском крае, стагнирует численность персонала, занятого исследованиями и разработками [5:888]. Техничко-технологическое отставание республик непосредственно зависит от наличия таких кадров. Характерно состояние отраслевой структуры научных кадров: если в РФ исследователи в общественных и гуманитарных отраслях составляют 8,9 %, то в СКФО почти 40 %, соответственно, исследователи в естественных и технических науках составляют в России 84 %, в СКФО только 42 % всех научных кадров [5: 887, 894]. Здесь хотелось бы обратиться к статье, которую наш юбиляр Муху Гимбатович опубликовал в соавторстве с членом-корреспондентом РАН Н. И. Лапиным, в то время заведующим Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Они писали, что инновации в экономике необходимо развивать как целостную общероссийскую национальную систему, представляющую собой многоуровневый процесс. Инновационные площадки общероссийского уровня необходимо дополнить системным развитием инновационных площадок на среднем уровне — во всех регионах (субъектах Российской Федерации) [1:5–21].

Действительно, и я согласна с этой мыслью, только развитие высокотехнологичных отраслей, вторичная и информационная модернизация на основе научных разработок в регионах могут изменить положение фронтальных регионов на социокультурном пространстве России. Не должно быть в едином цивилизационном пространстве страны таких территорий и регионов, которые значительно отстают в своем развитии от других, они требуют ускоренного технологического прорыва и создания современной экономики и современной структуры населения. Но это возможно при преодолении этнических и религиозных напряженностей, которые сопровождают безработицу и нищету. Отставание регионов со сложной национальной структурой, находящихся на фронтальных территориях, создает политические риски и этнонациональные напряженности, которые следует предотвращать до их обострения.

Сейчас, когда обсуждается вопрос о цивилизационном развитии всей страны, ускоренная вторичная модернизация отстающих округов и регионов представляет собой первейшую задачу. Это не изолированная от экономического и социокультурного развития регионов проблема. Ее решение будет сказываться на уровне и качестве жизни населения, его образе жизни, развитии человеческого капитала на этих территориях, кооперированных связях со всей страной — не только хозяйственных, но и социальных и просто человеческих.

Очевидно, что без стимулирующего участия центральных органов власти создать такие условия развития в отстающих регионах не получится. В то же время преодоление низкого уровня модернизационного развития может быть осуществлено только с учетом местных хозяйственных укладов, с постепенным развитием высокотехнологичных производств, с накоплением кадрового потенциала за счет занятости на этих производствах молодежи, привлечения профессиональных кадров из других регионов России. Необходимо осуществлять научно-технологическое развитие всей территории страны, выравнивать научный потенциал регионов, формировать современную структуру региональных обществ.

Эта проблема должна решаться с опорой не только на преобразование институтов и повышение инвестиционной привлекательности регионов, но и на массовое сознание населения, которое в своем большинстве по-прежнему идентифицирует себя с Россией, видит развитие своего региона на том пути, по которому идет вся страна, и лично для себя выбирает этот путь.

Выполненные нами Всероссийский мониторинг (1990–2023) и массовые опросы населения СКФО вместе с Южным федеральным округом и Северо-Западным федеральным округом (2023) показали довольно близкие мнения по большинству предложенных к оценкам проблем — всероссийского и местного характера [4]. Близость оценок позволяет предполагать наличие общих черт массового сознания населения разных регионов страны, которое сложилось за десятилетия совместного проживания в одном государстве с единой системой образования, социальной инфраструктурой, системой социализации и доминирующей идеологией.

Сравнение северных территорий, где большинство населения русские, с южными, имеющими полиэтничное население с низкой долей русских, показало близость оценок опрошенных в России и на двух сравниваемых территориях (табл. 1). При этом заметно больше (на 5 п. п.) респондентов сказали о своей близости к России в южных регионах, чем в северных.

Второй аспект касается связи респондентов со своей национальностью. Оказалось, что сильную связь в большей мере ощущают жители северных регионов, где подавляющее большинство русских, чем южных, где русских меньшинство и, казалось бы, национальная — нерусская принадлежность должна ощущаться более ярко. Это удивительный факт идентификации, который требует специального анализа. Эмоциональная привязанность к России в северных и южных территориях близка в количественном выражении, составляет 8,5 и 8,51 баллов, соответственно, по 10-балльной шкале, что превышает средний балл по России.

Т а б л и ц а 1
Идентификация жителей России, СЗФО и СКФО + ЮФО
с группами населения*

Показатель идентификации	Россия	СЗФО	СКФО + ЮФО
Чувствую близость с такими людьми, как:			
жители поселения, где я живу	42	37	39
жители моего региона	38	28	32
жители всей России	42	33	38
О каком месте на земле Вы можете сказать, что это Ваша родная земля?			
место, где я родился	52	52	50
вся страна – Россия	21	23	23
Насколько сильно Вы ощущаете связь со своей национальностью?			
очень сильно	35	41	31
не ощущаю	14	19	19
Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к России			
средний балл по 10-балльной шкале	8,37	8,51	8,5

*В таблице представлена только некоторая, небольшая часть ответов, относящихся к рассматриваемой проблеме.

Посмотрим, как относятся респонденты к месту, где они живут, и к России как стране.

Перед респондентами были поставлены несколько вопросов, позволяющих оценить уровень эмоционального отношения к этим территориям. Первый вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своей области республике/краю?». Несмотря на все трудности жизни 80 % респондентов — жителей России сказали, что рады и довольны, что живут в своем регионе, хотя почти 44 % в этом числе видят те или иные недостатки своего местожительства. 11 % относятся равнодушно к месту своего пребывания, среди них почти половина говорят о привычке жить здесь, и поэтому они не собираются куда-то уезжать. А у 9 % респондентов зреет желание вообще уехать в другой регион или вообще уехать из России (3 %). При этом на территории северо-запада страны практически 90 % респондентов довольны своим регионом проживания несмотря на недовольство некоторыми

обстоятельствами жизни. Только 5 % желают переехать в другой регион или вообще уехать из России (2 %). Другая ситуация на юге, здесь меньше — 83 % довольны жизнью в регионе, 6 % желали бы уехать в другой регион, а 2 % вообще уехать из страны.

Такие распределения ответов свидетельствуют об укорененности основной части населения, ее привязанности к своей «малой родине», они не видят перспектив для себя на новом месте и не собираются переезжать. Эта привязанность к месту жительства является традиционной чертой, жизненной ценностью российского населения. При этом наблюдается зависимость этих настроений от объективных характеристик респондентов. С повышением уровня образования снижается привязанность к «малой родине», но она повышается при росте материальной обеспеченности, выше у жителей сельской местности, чем у городских жителей.

Опрос показал единодушие оценок важности соблюдения прав и свобод человека у населения в России и в двух сравниваемых территориях — севера и юга страны (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Важность соблюдения прав и свобод человека, %

Соблюдать эти права очень важно	Россия	СЗФО	СКФО + ЮФО
Право на образование и обучение	76	73	72
Право на труд	70	70	67
Право на собственность	72	70	70
Равенство перед законом	72	76	72
Право безопасности и защиты личности	62	65	70
Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т.д.	66	68	67
Право народа на собственный язык и культуру	55	60	58
Свобода слова	40	43	39
Религиозные свободы и свобода совести	43	42	51
Свобода объединений, групп, союзов	24	25	25
Право на эмиграцию	24	24	26

Респондентам был задан вопрос «Насколько важно для Вас строгое соблюдение следующих прав и свобод в нашей стране?» с возможностью выбрать один из пяти ответов: очень важно, довольно важно, трудно сказать, не очень важно, совсем не важно, отказ от ответа. В табл. 2 представлен наиболее категоричный ответ: «очень важно». Особо значимыми правами признаются респондентами всех массивов (за некоторым исключением) пять, расположенные вверху таблицы, относящиеся к социально-экономической и правовой сферам: занятость, образование, собственность, безопасность и защита законом. Среди этих прав жители южных регионов по сравнению с северными особо ценят право безопасности и защиты личности, что понятно с учетом той напряженности и рисков, которые сопровождают жизнь в этих регионах.

Другие права имеют социально-культурное, политическое и демократическое содержание, они менее значимы для населения по сравнению с вышеперечисленными. Однако в регионах с повышенной напряженностью, какими являются фронтальные полиэтнические и полирелигиозные регионы, религиозные свободы и свобода совести имеют повышенное значение для населения по сравнению с северными территориями и всей Россией.

Перспективы цивилизационного развития России являются сейчас предметом острых дискуссий не только профессионалов-обществоведов, но и привлекают внимание населения, которому не безразлично, в каком обществе оно будет жить, что ему готовит элита страны. Оказалось, что различия в выборе пути для России как страны и для себя лично, который делает население России и двух территорий — северных и южных, столь невелики, что можно говорить о единодушии в выборе самобытного пути для России и лично для самих респондентов (табл. 3). Относительно СКФО можно сказать, что несмотря на сложности модернизационного развития и риски межэтнических и межрелигиозных отношений в регионах округа население солидарно со страной в оценках будущего России и своего места в общем цивилизационном процессе. Респонденты всех

трех массивов вполне реалистично и рационально и, замечу, солидарно отметили важность использования всего лучшего, что есть в опыте других стран.

Т а б л и ц а 3

Оцените, пожалуйста, тот путь, по которому должна идти Россия в своем развитии (выбор для страны / выбор для себя лично), %

	Россия	СЗФО	СКФО + ЮФО
Россия должна развиваться по своему особому пути	60 / 62	59 / 61	65 / 66
Россия должна жить по тем же правилам, что современные западные страны	3 / 4	4 / 6	3 / 3
Россия должна использовать опыт и традиции развитых мусульманских	1 / 1	1 / 1	1 / 3
Россия должна использовать опыт развития китайского общества	2 / 2	1 / 2	0 / 2
Россия должна использовать все лучшее, что есть в опыте других стран	34 / 31	35 / 30	31 / 26
Итого	100 / 100	100 / 100	100 / 100

На территории современной России сложилось уникальное сообщество народов, одни из которых в течение нескольких столетий, а другие нескольких десятилетий существовали в одном цивилизационном пространстве российского государства-цивилизации и в разной степени сохранили свою уникальную культуру и особенности социальной и политической «самости». Как показало исследование, прослеживается взаимосвязь фронтирного положения территорий и их модернизационного развития, которое отстает от общероссийского уровня и отмечается своей нестабильностью в силу тех или иных обстоятельств внутреннего или внешнего характера.

Рассмотрение в качестве примера фронтирной территории Северо-Кавказского федерального округа, его особого места в цивилизационном пространстве страны заставляет обратить

внимание на необходимость выработки специальных программ развития с учетом особенностей этих территорий. Вместе с тем российские фронтирные территории имеют существенный ресурс в проведении вторичной модернизации, подтягивании уровня жизни населения к общероссийским стандартам и ускоренного социального развития. Этот ресурс заключается в близости массового сознания населения страны и этих регионов и, как показало исследование, в выборе населением общего со всей страной цивилизационного пути развития.

Литература:

1. *Алиев М. Г., Лапин Н. И.* Инновационные системы в регионах и их развитие // *Общественные науки и современность.* 2018. № 2. С. 5–21.
2. *Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н. И. Лапин.* — М.: Весь мир. 2016. — 356 с.
3. *Беляева Л. А.* Современная Россия в массовом сознании жителей страны // *Социологическая наука и социальная практика.* Т. 12. 2024. № 2. С. 6–26.

В 2023 году выполнен онлайн-опрос населения России старше 18 лет по всероссийской выборке с репрезентативностью по полу, возрасту, образованию, типу поселения. Опрошено 1000 человек. Анкета включает 70 вопросов. Ошибка выборки не превышала 3,5 %. В 2023 году по той же анкете были опрошены респонденты в СЗФО (225 человек) и вместе — ЮФО и СКФО (220 человек) для корректного сравнения географически, этнографически, конфессионально различных округов и их сравнения с общероссийскими данными. Финансовую поддержку исследованиям оказал Российский научный фонд.

Информационная система «Модернизация» создана в Вологодском научном центре и рассчитывает показатели и индексы модернизации в соответствии с методикой китайских ученых и дополнений в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН (патент № 2012661285, 2012 г.)

// <http://mod.vscs.ac.ru/>. В статье представлены последние данные из этой системы.

1. *Лапин Н. И.* Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. — М.: Весь мир. 2021.
2. *Панарина Д. С.* Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны // История и современность. 2015. № 1. С. 15—41.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. Стат. сб. — М., 2024. С. 49, 150, 152, 158, 468.
4. *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. и сост. И. В. Герасимов [и др.]. Казань: Центр исслед. национализма и империи; ГУП ПИК Идел Пресс, 2004. С. 199—222. https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_451533/
5. *Шабунова А. А., Тербова С. В., Леонидова Г. В.* Динамика модернизационного развития регионов России: научно-технологические дисбалансы на фоне общего прогресса // Проблемы прогнозирования. 2023. № 1. С. 53—64.

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

*Муртазалиев А. М.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. Статья в концентрированном виде излагает ключевые противоречия и тенденции развития российской цивилизации в государственно-правовой плоскости: наблюдается напряжение между централизацией и региональной автономией, этатизмом и правами человека, заимствованиями с Запада и самобытностью, формальным и «живым правом». Отмечены современные тренды: поправки 2020 года в Конституцию РФ, этатизация права, цикличность реформ/контрреформ, поиск идентичности государства-цивилизации и роль институтов гражданского общества в смягчении противоречий на Северном Кавказе.

Ключевые слова: российская цивилизация, государственно-правовые противоречия, централизация власти, этатизм, правовой дуализм, Северный Кавказ, институты гражданского общества.

CONTRADICTIONS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN CIVILIZATION: STATE-LEGAL DIMENSION

*Murtazaliev A. M.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. The paper concisely presents core contradictions and trends in the development of Russian civilization in the state-legal dimension: the tension between centralization and regional autonomy, statism and human rights, borrowing and authenticity,

and formal versus «living» law. It outlines contemporary dynamics: the 2020 constitutional amendments, the growing instrumentalization of law, cycles of reforms/counter-reforms, and the search for a civilizational identity and discusses the role of civil society institutions in mitigating these tensions in the North Caucasus.

Keywords: Russian civilization, state and law, centralization, statism, rule of law, legal dualism, North Caucasus, civil society.

Современная Россия переосмысливает цивилизационные основания в условиях глобальной турбулентности. В предисловии к книге первого Президента Дагестана, доктора философских наук, профессора Муху Алиева «Между философией и политикой» директор Института философии академик РАН А. А. Керимов отмечает, что в качестве основной причины неудачи перестройки и последующей рыночной стихии в стране выступает потеря философией и политикой, а вслед за ним и обществом исторической перспективы, что привело к слепому копированию Россией 1990-х годов западных теорий, игнорирующих отечественные социокультурные факторы [1, с. 3–4]. Современные научные дискуссии 2020–2025 годов консолидируются вокруг концепта России как государства-цивилизации [2; 3], что фиксирует отход от прежней установки вхождения в западную модель и ставит задачу формулирования собственного ценностно-нравственного кода. Под эгидой Института философии РАН предложен «Российский проект цивилизационного развития» [4], нацеленный на выявление условий устойчивого продолжения избранной траектории. С учетом этих факторов автор предпринял попытку систематизировать фундаментальные противоречия и устойчивые тенденции развития российской цивилизации и институтов государства и права России на современном этапе.

1. Характеризуя фундаментальные противоречия и их правовые проявления, следует отметить прежде всего, что историческое напряжение наблюдается между державностью и региональным и местным самоуправлением, который приводит

к цикличности реформ/контрреформ, коллизиям федерального и регионального правотворчества и разрыву между декларированным и реальным местным самоуправлением. Приоритет государства как высшей ценности формировал в России слабые традиции верховенства права, при котором конституционные права человека неоднократно оставались декларативными, а правоприменение зависело от политической воли («телефонное право»). Заимствованные у Запада с последующей модернизацией институты (парламент, независимый суд, права человека, местное самоуправление и др.) часто наталкиваются на культурные барьеры и самобытность российского народа, в результате чего возникает разрыв между буквой закона и патриархально-этатистской практикой. В условиях развитого национального законодательства укоренены неформальные регуляторы, при которых существует формальное и «живое» право, недоверие к судам, избирательность правоприменения и правовой нигилизм, что в целом подрывает легальность власти и гражданскую активность населения.

2. Современные противоречия и устойчивые тенденции обусловлены доминированием исполнительной власти. Характерная для советского периода историческая концентрация полномочий у единоличного лидера институционально закрепились и в постсоветский период, в т. ч. с поправками 2020 года в Конституцию РФ, усилила президентский центр и ослабила систему сдержек и противовесов [5, с. 174; 6]. В результате этатизации права и общественной жизни право выступает инструментом государственной политики: расширяется контроль над экономикой, информацией и гражданской активностью, а на практике приоритет государства вытесняет приоритет права. Периоды либерализации (1860–1970-е, нэп, перестройка, 1990-е) сменяются этапами централизации и сворачивания демократических институтов (Александр III, сталинизм, 2000-е), что характеризует цикличность реформ/контрреформ, отражая глубину цивилизационных противоречий. Поправки в Конституцию РФ 2020 года закрепили приоритет национальной идентичности и правового суверенитета, а стратегической

целью — становление правового государства (ст. 1 Конституции РФ) [7].

3. Контекст XXI века (особенно после 2022 года) выражается в том, что усилилась централизация и суверенизация; право используется для защиты национальных интересов и традиционных ценностей. Расширяется регулирование экономики (импортозамещение), информационной сферы (режимы для иноагентов) и НКО. Несмотря на цифровизацию и обновление норм правовой дуализм и коррупционные риски поддерживают разрыв между законом и практикой; доверие к судам остаётся низким.

4. Институты гражданского общества в условиях Северного Кавказа иллюстрируют сложную медиацию между государственным центром и локальной спецификой: правовой плюрализм (адат/шариат в имперской модели), коллективистские структуры (тейпы, джамааты, тухумы) и сильные неформальные связи. При определенных макроулучшениях за 2010–2024 годы (рост ВРП на душу, снижение безработицы) [8] регионы Северо-Кавказского федерального округа демонстрируют низкие позиции по развитию НКО среди других регионов России: Ставропольский край — 32-е место, Дагестан — 63-е, Чечня — 67-е, Карачаево-Черкесия — 73-е, Кабардино-Балкария — 76-е, Северная Осетия — 78-е, Ингушетия — 85-е [9]. В 2000–2010-х годах в Дагестане весьма заметна была роль М. Г. Алиева в качестве руководителя республики для проведения научно-практических мероприятий, направленных на становление институтов гражданского общества, в частности одной из первых в России региональной Общественной палаты.

Заключение. Траектория современной российской государственности выражается в попытке снять базовые противоречия между централизацией и автономией, этатизмом и правами личности, заимствованиями с Запада и самобытностью. Сохраняющиеся тенденции (доминирование исполнительной власти, этатизация права, цикличность реформ) требуют институционального наполнения курса на реальное становление правового

государства и усиления роли гражданского общества, особенно в полиэтничных северокавказских регионах.

Литература:

1. *Алиев М. Г.* Между философией и политикой. — Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2025. — 448 с.
2. *Курбанов М. Г.* Развитие российской цивилизации: от возможностей и амбиций к тенденциям и перспективам // Вопросы философии. 2025. № 2. С. 16–26.
3. *Пантелеев С.* Россия как государство-цивилизация: основные параметры. 04.04.2024 // URL: <https://www.russkie.org/articles/rossiya-kak-gosudarstvo-tsvivilizatsiya-osnovnyue-parametry/> (дата обращения: 14.06.2025).
4. Российский проект цивилизационного развития 2018—2024 гг.: проект Института философии РАН / Под рук. акад. РАН А. В. Смирнова. URL: <https://iphras.ru/page25149611.htm> (дата обращения: 14.06.2025).
5. *Краснов М. А., Шаблинский И. Г.* Российская система власти: треугольник с одним углом. — М.: Институт права и публичной политики, 2008. — 196 с.
6. *Муртазалиев А. М.* Мысли о главном // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 10. С. 3–9.
7. *Муртазалиев А. М.* Правовое государство: нужна стратегия реализации в России // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 42, № 2. С. 25–30.
8. Материалы заседания Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития СКФО на полях II Кавказского инвестиционного форума (Минеральные Воды, 27.05.2025) // URL: <http://government.ru/news/55146/> (дата обращения: 30.05.2025).
9. Региональный рейтинг третьего сектора «Регион-НКО-2024» (Общественная палата РФ; «РАЭК-Аналитика») // URL: <https://raex-rr.com/NKO/Region-nko/Region-nko-size/2024/> (дата обращения: 30.05.2025).

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

*Акаев В. Х.,
КНИИ им. Х. И. Ибрагимова РАН,
Академия наук Чеченской Республики*

Аннотация. В статье анализируется вопрос о цивилизационном развитии народов Северного Кавказа в ходе модернизационных процессов, сопряженные с горбачевской перестройкой, проведенной в конечном итоге к распаду СССР, модернизационным процессам в современной России, по разному отразившимся на ее регионы, в том числе на Северный Кавказ. Развитие многонационального, многоконфессионального Северного Кавказа — процесс сложный, противоречивый, часто влекущий за собой этнополитические, внутриконфессиональные противоречия, адаптацию к новой экономической, социокультурной реальности в России.

Ключевые слова: цивилизация, М. Г. Алиев, перестройка в СССР, Россия, народы Северного Кавказа, социально-экономическое состояние Дагестана, модернизация, приватизация, социальное расслоение.

CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF MODERN RUSSIAN MODERNIZATION PROCESSES

*Akaev V. Kh.,
Kh. I. Ibragimov Research Institute of Mathematics,
Academy of Sciences of the Chechen Republic*

Abstract. The article analyzes the issue of the civilizational development of the peoples of the North Caucasus during the modernization processes associated with Gorbachev's perestroika, which eventually led to the collapse of the USSR, modernization processes in modern Russia, which had different effects on its regions, including the North Caucasus. The development of the multinational, multiconfessional North Caucasus is a complex and contradictory process, often leading to ethno-political and intra-confessional contradictions, and adaptation to the new economic and socio-cultural reality in Russia.

Keywords: civilization, M. G. Aliyev, perestroika in the USSR, Russia, peoples of the North Caucasus, socio-economic state of Dagestan, modernization, privatization, social stratification.

В своих публикация Муху Гимбатович Алиев значительное внимание уделяет анализу современного цивилизационного развития народов и регионов Северного Кавказа как составной и важнейшей территории Российской Федерации. Как он отмечает, на этот регион специфически отражаются модернизационные процессы, которые происходили и ныне происходят в России, сопряженные с политическими, социально-экономическими, технологическими и культурными достижениями.

Известно, что перестройка в СССР явилась началом масштабных модернизационных процессов, приведших к ликвидации системы социализма, единого государства, к последующим радикальным политическим, экономическим и духовно-культурным преобразованиям, детерминировавшим тяжелые последствия для граждан бывшей советской страны. Ельцин, совместно с Кравчуком и Шушкевичем, уничтоживший великую державу, 8 декабря 1991 года доложил президенту США Джорджу Бушу-старшему, что развалил СССР. Позже, выступая в Конгрессе США в 1992 году, он заявил, что «коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда. И я здесь

для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть» [1].

Уничтожение советской цивилизации не произошло под непосредственным внешним воздействием, оно связано с сугубо внутренними причинами, хотя правящие круги США приписали это своей гениальной политике (в том числе Гейтс и др.). По мнению Р. И. Хасбулатова, падение СССР привело к территориальным приобретениям и экспансии Запада [2, с. 24].

Приватизация в России позволила англо-американским компаниям осуществить ее грандиозный грабеж. Гигантские потоки средств, накопленные советскими гражданами, нашими отцами и дедами, все в возрастающих масштабах уходило на Запад. Кроме того, было организовано внешнее управление страной и на Россию с Запада наступал военно-политический союз НАТО.

Ныне происходящие модернизационные процессы в России начались сверху, они были направлены на преодоление технологического отставания, на переход к экономике знаний, модернизации здравоохранения и образования цифровизации, создавая соответствующие инфраструктуры. Но модернизация России не была равномерной, беспроблемной, ибо она имела и имеет очень сложный, противоречивый и часто конфликтный характер. В связи с этим надо отметить такую важную, если не сказать ключевую, для современного цивилизационного развития страны проблему. Имеется в виду нынешнее социально-экономическое расслоение российского общества как один из ключевых показателей цивилизационного развития страны. Эксперты фиксируют, что в России наблюдается значительный разрыв в доходах и уровне жизни населения. В связи с этим ситуация в стране такая. По некоторым экспертным данным: разрыв между 10 % самых богатых и 10 % самых бедных людей в России вырос до 15,1 раза. В 2024 году Росстат фиксирует, что этот разрыв увеличился. И коэффициент Джини, выражающий уровень неравенства, как считают эксперты, в России заметно возрос.

Возникает вопрос: почему в нашей стране до сих происходит углубление регионального неравенства? Некоторые причины этого явления таковы: в Москве происходит концентрация ресурсов, она получает «сверхприбыль» своим *институциональным* преимуществом, концентрацией власти и крупных корпораций, резко отрывающих столичное население и экономику от регионов государства. Слабое развитие среднего и малого бизнеса в стране приводит к формированию «супервертикальной» структуры экономики, в которой преобладают крупные компании, базирующиеся в Москве.

В своих публикациях Муху Гимбатович пристальное внимание уделяет анализу социально-экономического развития Дагестана, а высказанные им идеи и мысли непосредственно коррелируются с экономическим положением народов республик Северного Кавказа, многие годы испытывающих трудное материальное, социальное, культурно-образовательное положение. Если Муху Гимбатович говорит о тяжелом социально-экономическом положении Северного Кавказа, то Геннадий Зюганов, лидер коммунистов России, дает этому факту четкую характеристику. В 2012 году он заявлял, что «10 процентов самых богатых захапали 90 процентов национального богатства. Нигде в мире нет такого социального неравенства! Нищета обуяла половину населения, 53 процента граждан живет ниже, чем на 15 тысяч рублей в месяц» [3]. Подводя итог 25-летнего правления тех, «кто предал идеи социальной справедливости и народовластия», Г. Зюганов заявлял, что они утверждали, что рынок и буржуазная демократия все отрегулируют, а в стране вскоре наступит полное благоденствие. Хотя они «обещали россиянам жизнь как в Америке и Скандинавии», а на самом деле получили жизнь «как в Бангладеш и Колумбии вместе взятых» [там же]. Вспомнились с слова Ельцина, сказанные им в августе 1991 года, когда стали бастовать российские шахтеры: если будут повышены цены, то ляжет поперек рельс. Цены в сотни раз повысились, Ельцин на рельсы не лег, остался жив, и его голова натворила еще много бед своему народу, который до сих не может их преодолеть.

Уничтожив СССР, «вернувшись» в цивилизованный Запад, российские либерало-демократы привели страну к политико-экономическому, нравственно-культурному кризису. Ситуация не изменилась и через 14 лет после «диагноза», поставленного Зюгановым. И вот такие примеры. В интернете попадается информация о доходах руководителей разных корпораций: так, один из чиновников государственной корпорации получал 4,5 миллиона рублей в день, а сегодня получает 7 млн рублей. Но по какой же тарификационной сетке и за какие трудовые, интеллектуальные достижения эти «небожители» получают такие фантастические суммы, простому человеку понять сложно.

Полагаем, что подобное имущественное расслоение в современной российской цивилизации как очевидное проявление социально-экономического кризиса в стране представляет серьезную угрозу для безопасности страны, стабильности государства. В Госдуме часто обсуждаются меры, направленные на снижение неравенства, например повышение НДФЛ (налог на доходы физических лиц) для самых богатых граждан. Однако дело до принятия позитивных решений не доходит, сложившееся глубокое социальное расслоение никак не уменьшается.

Во всем интеллектуальном творчестве Муху Алиева четко просматривается осмысление, анализ сложных общественно-политических, социально-экономических, культурных проблем, стоящих перед Дагестаном. В поле его пристальных научных интересов находятся и модернизационные, цивилизационные процессы, происходящие в мире, терроризм и религиозно-политический экстремизм ваххабитов, их воздействие на данный регион.

Анализируя книгу Муху Гимбатовича «Между философией и политикой», важно отметить, что в ней он осмысливает свою многолетнюю практико-политическую жизнь, региональные и масштабные цивилизационные достижения в Дагестане и в стране, свое мировидение. Касаясь истории и культуры народов Дагестана, он приводит такой важный пример: ни один из многих малочисленных языков народов не исчез, а, наоборот, бесписьменные приобрели статус письменных [4, с. 16].

Он справедливо оспаривает суждения, в которых критикуется ассиметричное федеративное устройство РФ, требуя соблюдения симметрии, заменить утвердившееся в Конституции страны понятие «российская нация» словосочетанием «русская нация». По его мнению, к этим вопросам нужно относиться осторожно, а неосторожность часто наносит большой ущерб международным отношениям в стране.

Во многих своих выступлениях, публикациях, касаясь провокационных событий начала августа 1999 года, он пишет, что в «2024 году исполнилось 25 лет со дня разгрома бандформирований, напавших на Дагестан с территории Чеченской Республики в 1999 году» [там же, с. 12]. Дагестанский народ поднялся на защиту своей республики, продемонстрировал верность своему конституционному выбору быть в составе РФ. Была отражена агрессия бандформирований [там же, с. 225]. Муху Гимбатович затронул и такой аспект, который часто умалчивают в анализе этих событий: «Целый ряд известных изданий, включая некоторые ведущие каналы телевидения страны, работали на врага» [там же, с. 227]. Были убиты достойные дагестанцы — Магомед-Салих Гусаев, Загир Арухов, Гаджи Абашилов, Гарун Курбанов, Абдулла Алишаев.

Анализируя конфликтные явления, которые коснулись Дагестана, он констатирует: «Мы должны помнить: у нас, наряду с героями, были и предатели, пособники террористов, помнить историю Карамахи и Чабанмахи, деятельность Конгресса народов Ичкерии и Дагестана, Исламской шуры Дагестана, информационных ресурсов с откровенно экстремистскими проповедями» [там же, с. 228].

В связи с этим вспоминается следующее событие. В конце июня 1999 года я из Шатойского района Чеченской Республики прибыл в Махачкалу и встретился с директором Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, доктором исторических наук, членом-корреспондентом РАН А. И. Османовым. Я ему сообщил, что в с. Кенхи, в средней школе, накапливаются боевики, готовящиеся к нападению на территорию горного Дагестана. При этом попросил, чтобы он эту информацию довел до руководства Дагестана

и чтобы оно связалось с руководством Чечни в целях предотвращения провокации. При этом я отметил, если произойдет война, то погибнут мирные люди, будут разрушения, беженцы, а дагестанцы обвинят, что чеченцы совершили агрессию. Эта информация было доведена до руководства Дагестана, которое ответило: что мы в курсе дела.

Действительно, 2 августа 1999 года с территории Чечни боевики во главе с Басаевым и Хаттабом вторглись в горный Дагестан. За 1,5 месяца до этого в Цумадинский район вернулся Б. Кебедов со своими вооруженными сторонниками в пределах до 500 человек. Вместе со своими сторонниками он был окружен с целью, чтобы разоружить. Он несколько раз призывал себе на помощь Басаева. Это был провокационный поход Басаева, Хаттаба, М. Тагаева и др. Между тем среди боевиков было много лиц из Дагестана, Азии и т.д. и они никак не представляли чеченский народ. Эту провокацию многие СМИ и отдельные политики назвали агрессией чеченского народа против Дагестана. А на самом деле к этой провокации чеченский народ никакого отношения не имел. А.-Х. Кадыров, муфтий Чечни, решительно осуждал эту провокацию. Узнав, что выдавливание из горных районов Дагестана боевиков у военных имеет кодовое название «Подкова», он вопрошал: почему подкова, а не «Кольцо»? Выдавлив боевиков из Дагестана, военные перенесли свои боевые действия на территорию Чеченской Республики Ичкерия.

Провокация Ш. Басаева, Хаттаба, Б. Кебедова, М. Тагаева в горный Дагестан явилась причиной второй войны в Чечне с ее колоссальными разрушениями, полным уничтожением г. Грозного, уничтожением всей экономики, социальной сферы, оставшейся после первой войны, гибели многих безвинных людей, массового исхода населения за пределы Чечни.

Таковыми «современными цивилизационными достижениями» вступала ельцинская власть в XXI век. И отмеченные выше события происходили под высказываниями генералов с большими звездочками, заявлявшими, что журналисты не дали выиграть им первую войну в Чечне.

Отдельные генералы были нацелены на реванш с мятежниками, на новую войну с дудаевцами, масхадовцами, басаевыми. Чеченский народ был решительно против очередной войны и эту народную позицию выражал А.-Х. Кадыров, добивавшийся мира, предотвращения новой разрушительной войны.

Своей провокацией в горный Дагестан Басаев, Хаттаб и др. добились нарушения временного перемирия, начала второй войны в Чечне, более разрушительной, которая продемонстрировала ранее неизвестные в стране формы жестокости: теракты, совершавшиеся женщинами и мужчинами, в которых гибли безвинные дети, старики. В СМИ страны Чечня получила название центра, гнезда терроризма в России [5, с. 475]. А. С. Куликов пишет, что «чеченцы же видели в России агрессора, в борьбе с которым допускались все средства. Это обстоятельство стало причиной массового терроризма, которые горцы считали всего лишь разновидностью партизанской войны» [там же]. Эта высказывание генерала Куликова не соответствует действительности, ибо более 98 % чеченцев не считало Россию агрессором, а терроризм они никогда не считали разновидностью партизанской войны. Эти идеи, которые высказывали в своих кабинетах некоторые генералы, подхватывали многие российские СМИ и наклеивали как ярлыки на чеченцев, считая их варварами, террористами.

Именно такие генералы «нашли» Д. Дудаева и привели к власти в Чечне, они мобилизовывали на антигосударственную, террористическую деятельность свою креатуру в лице Басаева и ему подобных. Уничтожив Советскую власть, эту цивилизацию, они создали условия для полного разграбления государства и его богатств под предлогом приватизации.

Полагаю, что в современной России цивилизационная ситуация стала заметно меняться. Об этом говорит то, что Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 утверждена новая Концепция внешней политики Российской Федерации, особое место в документе занимает положение о России как «самобытном государстве-цивилизации» [6].

Настало время осмыслить особое положение России как самобытного государства, особой цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира [там же].

Сегодня вполне справедливо оспаривается тезис, что Россия — «государство-нация», ибо это понятие, привнесенное с Запада, является искусственным политическим конструктом и оно не соответствует российским этно-политическим реалиям.

Отдельные исследователи считают, что в политическом и этническом смысле термин «нация» у нас не работает — в первом случае в «нации россиян» теряется этнокультурное своеобразие, прежде всего русского народа, во втором — это своеобразие детерминирует этнический национализм и создает конфликты в межнациональных отношениях. В первом случае государство подавляет этнос, во втором — этнос противопоставляет себя государству. Концепция «государства-цивилизации» снимает это противоречие.

Осознание Россией себя государством-цивилизацией, объединяющим на русской основе разные народы и культуры, реализующая концепцию «единства многообразия», позволит дать простор для народов страны, русской культуры. Россия это не Европа, не Азия, а особый самодостаточный мир, содержащий в себе многие народы и культуры, который связывает их не механистически, а формируя особую российскую цивилизацию.

Полагаю, что для нас, ученых, важно осмыслить концепцию Русского мира, евразийства и в этом контексте ценности кавказской цивилизации, которые не противоречат друг друга, а, наоборот, взаимодополняют, образуя комплиментарную систему, которая требует теоретического осмысления, практических действий. Концептуальное развитие этих доктрин, в том числе с точки зрения их практикоориентированности, должно быть сегодня задачей русского научно-экспертного сообщества [7].

Полагаю, что высказываемые Муху Гимбатовичем идеи о развитии Дагестана, Северного Кавказа в контексте истории

и современности коррелируются с концепцией, согласно которой Россия есть единство многообразия, объединяющий, интегрирующий многонациональный российский народ в едином государстве-цивилизации.

Литература:

1. Выступление Президента Российской Федерации В. Н. Ельцина на совместном заседании палат Конгресса США о перспективах развития сотрудничества между Россией и США // <https://yeltsin.ru/archive/audio/8995/>.
2. *Хасбулатов Р. И.* Полураспад СССР. Как развалили сверхдержаву. — М.: Яуза-пресс, 2011.
3. Геннадий Зюганов: «10 % богатых захапали 90 % богатства! Нищета обуяла половину населения!» // <https://www.business-gazeta.ru/article/301617/>.
4. *Алиев Муху.* Между философией и политикой. — Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2025.
5. Куликов А. С. Все Кавказские войны России. Самая полная энциклопедия. — М.: Яуза-Экспо, 2013.
6. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>.
7. *Пантелеев Сергей.* Россия как государство-цивилизация: основные параметры // <https://russkie.org/articles/rossiya-kak-gosudarstvo-tsivilizatsiya-osnovnye-parametry/>.

ДОСТИЖЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Канарш Г. Ю.,
Институт философии РАН, г. Москва

Аннотация. Статья посвящена осмыслению справедливости как фактора цивилизационной консолидации России. Автор, опираясь на социологические исследования, отмечает, что проблема справедливости, несмотря на определенную позитивную социальную динамику, по-прежнему является ключевой для постсоветской России. Не ограничиваясь данными социологии, автор статьи стремится выявить содержание и смысл российского понимания справедливости, которое связывается им с русской идеей, как она представлена у философов XIX — начала XX в. Этот смысл идеи справедливости проецируется в статье на современные реалии. Отмечается ключевая роль России в формировании справедливого международного политического и экономического порядка; обосновывается прямая связь решения проблемы социально-экономической справедливости в России с экономической модернизацией и преодолением противоречий социально-экономической политики. Особое внимание обращается на низкое качество постсоветских элит, выступающее, по мнению автора, наиболее важным препятствием успешных общественных преобразований.

Ключевые слова: Россия, справедливость, национальная идея, русская идея, модернизация, элита.

ACHIEVING JUSTICE IN RUSSIAN SOCIETY AS A FACTOR OF CIVILIZATIONAL CONSOLIDATION

Kanarsh G. Yu.,

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Abstract. This article explores the issue of justice as a factor in civilizational consolidation in Russia. Drawing on sociological research, the author notes that the issue of justice, despite certain positive social dynamics, remains key for post-Soviet Russia. Going beyond sociological data, the author seeks to identify the content and meaning of the Russian understanding of justice, which he links to the Russian idea as presented by philosophers of the 19th and early 20th centuries. This understanding of justice is projected onto contemporary realities. Russia's key role in shaping a just international political and economic order is noted, and a direct link between resolving the issue of socioeconomic justice in Russia and economic modernization and overcoming the contradictions of socioeconomic policy is substantiated. Particular attention is paid to the low quality of post-Soviet elites, which, according to the author, is the most significant obstacle to successful social transformation.

Keywords: Russia, justice, national idea, Russian idea, modernization, elite.

В последнее десятилетие (примерно с 2014 года, года присоединения Крыма к России и начала «цивилизационного» противостояния с Западом) проблема консолидации российского общества встала особенно остро. К обсуждению этой темы подключились многие политики и обществоведы — философы, политологи, социальные теоретики [8]. Это представляется неслучайным: сохранение государства и национальной идентичности, как и социальной стабильности, в эпоху геополитической и климатической турбулентности возможно только в условиях национальной сплоченности. В России, как и в многих

других обществах с развивающейся экономикой, достижение этой цели возможно только через преодоление существующих социальных противоречий, к которым в полной мере можно отнести проблему социального неравенства и социальной несправедливости.

Мы не станем здесь углубляться в данные многолетних социологических исследований, свидетельствующих о нарастающем социальном разрыве между имущими и неимущими (или малоимущими) слоями населения в России. Отметим лишь, что согласно последним данным исследований ученых Института социологии ФНИСЦ РАН, проблема социальной несправедливости, заключающаяся в наличии и продолжающемся росте несправедливых неравенств, остается едва ли не главной социальной проблемой современного российского общества [9]. Нельзя не отметить, что определенные подвижки в этом направлении произошли (введение и ежегодная индексация материнского капитала, рост заработных плат, фиксируемый в последние годы, индексация пенсий, увеличение минимального размера оплаты труда, введение прогрессивной шкалы налогообложения (пускай и в очень «мягком» варианте), однако, как считают эксперты, несмотря на эти меры качественного сдвига в ликвидации или по крайней мере, смягчения несправедливых неравенств пока не произошло [там же]. Как отмечает известный российский социолог Н. И. Лапин и его коллеги в книге о социальном государстве в России, в нашей стране построено *минимальное* социальное государство, мер которого явно недостаточно для поддержания достойного уровня жизни населения [15]. В этом смысле российское социальное государство радикальным образом отличается от европейской социальной модели, для которой, как указывают исследователи, до сих пор характерно стремление к сохранению высоких стандартов социального обеспечения и заботы о качестве жизни населения [13].

О причинах текущего положения дел мы писали в своих более ранних статьях и монографиях [6, 7]. Напомним лишь, что многие ученые и эксперты в этой области еще в 2000-е и 2010-е

годы справедливо отмечали, что в России построено своеобразное социальное государство, с преимущественным распределением благ в пользу имущих классов, прежде всего крупной государственной бюрократии [19]. Отметим, что такая оценка была справедлива для 2000-х и 2010-х годов, однако с тех пор ситуация несколько поменялась. В последние годы, как уже было отмечено выше, благосостояние населения неуклонно растет (что очевидным образом связано сначала с нефтяными доходами, а в последние годы — и с ускоренным развитием отечественной экономики в условиях геополитического противостояния с Западом), однако социально-экономическая ситуация в России, на наш взгляд, развивается *прямо по утилитаристскому принципу*: рост общего благосостояния не сопровождается улучшением положения наиболее уязвимых групп населения (пенсионеров, «бюджетников», многодетных семей), что, как полагал американский философ Д. Ролз, автор знаменитой «Теории справедливости», прямо противоречит нашим фундаментальным убеждениям относительно общественной справедливости [12]. И данная сохраняющаяся проблема явным образом не способствует преодолению социально-экономических противоречий и общественной консолидации.

В одной из более ранних статей мы попытались связать традиционное российское понимание справедливости с русской идеей, которую, в свою очередь, трактовали как национальную идею для России [5]. Представляется важным отметить то, что, на наш взгляд, национальная идея в России сегодня не может быть просто идеей державности, как считают некоторые авторы [14], но с необходимостью должна включать в себя и иное измерение, которое определяется понятием справедливости. И это не случайно: в книге «Россия и Европа», ставшей столь востребованной сегодня в российских академических кругах, Н. Я. Данилевский прямо связывал развитие славянского культурно-исторического типа с данной идеей, как она традиционно представлена в русской общинной традиции (в противоположность романо-германской идее формальной, правовой справедливости) [4]. Именно поэтому связь понятия

справедливости со смыслом и содержанием русской идеи представляется очень актуальной сегодня.

Изначальная суть этой идеи, как она была сформулирована русскими философами, — соборность, объединение народов Европы, а затем и всего мира, в лоне истинного христианства (православия) [3; 10].

Как поясняет нам сегодня известный московский психотерапевт, характеролог М. Е. Бурно, «русская идея» есть «наше (т.е. российское. — Г. К.) подспудно-природное переживание-понимание всемирного единства людей и культур с уважительным вниманием к сохранению и развитию индивидуальности каждого народа, каждого человека» [2, с. 413]. Стремление послужить ближнему, тому, кто особенно нуждается в помощи, является одной из ключевых черт русского национального характера. Становится ясен глубокий нравственный смысл и пафос русской идеи, которая одновременно, согласно с христианским вероучением, есть, по выражению философа А. В. Гулыги, «предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении» [3, с. 32].

Какое значение все сказанное выше имеет для дня сегодняшнего? Полагаю, что самое прямое. Русская идея, во многих аспектах совпадающая с российским пониманием справедливости («жить по совести, а не по закону», «помогать тому, кому еще хуже, чем тебе»), по-прежнему актуальна — как в российском социально-культурном контексте, так и вне его. Как отмечала известный политический психолог Е. Б. Шестопал, «в нашем обществе правая идея не имеет тех перспектив, которые она имеет в Штатах или Англии. У нас общество с левыми традициями. Сегодня можно сколько угодно бросать камни в социалистическую идею, но для большинства населения нашей страны левая идея жива. Не потому жива, что все любят революцию, а потому, что все хотят социальной справедливости» [20]. Этот вывод исследовательницы, сделанный полтора десятилетия назад, подтверждается и современными социологическими исследованиями, показывающими, что с момента начала СВО в российском обществе все более популярными становятся социалистические настроения [11].

С другой стороны, русская идея, как считали ее авторы (ранние славянофилы, а затем представители русской классической философии), это идея не только для России — она, как отмечал В. М. Межуев, носит универсальный характер, будучи изначально ориентированной на спасение всего мира (русский мессианизм). Подобное может трактоваться как идеологическая основа русского колониализма (отчасти, возможно, так оно и есть), однако усилия России в плане построения справедливого мирового порядка, в рамках которого каждая нация (большая или малая) имеет право на собственное развитие без вмешательства извне, сегодня безусловно заслуживают уважения и внимания. Об этом говорят и факты: Россия, как и Китай, играет центральную роль в БРИКС, российские власти постоянно выступают с осуждением американского (и шире — западного) гегемонизма, наконец, при всех возможных оговорках, Россия никогда не оставляла в беде своих — ни в Южной Осетии периода российско-грузинской войны (2008), ни жителей Донбасса сегодня. Поэтому полагаем, что роль России в создании благоприятных и справедливых условий развития для незападных стран (вопрос крайне актуальный сегодня), что называется, не может быть переоценена.

Если же говорить о внутрироссийской ситуации, то представляется, что здесь есть некая ясность, определенность того, что и как нужно делать. Эта определенность отчетливо обозначилась уже с начала СВО, а именно развитие отечественной промышленности, как в плане импортозамещения, так и в отношении ускоренного развития оборонно-промышленного комплекса (своего рода «военное кейнсианство»). Однако сегодня мы хорошо видим, насколько важно проводить данную политику настойчиво и последовательно, придерживаясь реалистического, основанного на опыте, подхода, а не монетаристских догматических рецептов. Именно в связи с реализацией последних российская экономика в последние полгода уверенно скатывается в рецессию, несмотря на то что власти (в том числе финансово-экономический блок правительства) осознали пагубность подобного сценария (сдерживание инфляции методами

жесткой кредитно-денежной политики) и дали некоторый «откат» назад. Это важно осознавать, поскольку именно промышленное развитие (и это понимали классики экономической науки уже с XVI в.) выступает основным драйвером экономического роста, а без него, естественно, невозможно решить и социальные проблемы населения. Не случайно и российские авторы в своих работах сегодня повторяют давний рецепт ордо-либерализма, согласно которому лучший способ борьбы с бедностью и неравенством не увеличение социальных пособий, а создание достойных рабочих мест [1]. Именно по этому пути Россия пошла в последние три года (конечно, в связи с нуждами развития страны в условиях СВО), но, к большому сожалению, путь «военного кейнсианства», имеющий и глубокие мультипликативные эффекты, оказался заблокирован сегодня из-за догматического мышления финансово-экономической элиты. Поэтому мы хотели бы сформулировать четыре важнейших условия модернизации России, как они видятся сегодня:

во-первых, это наличие «государства развития», т. е. государства, которое осуществляет модернизацию и создает условия для развития (т. н. этатистская модель модернизации, наподобие той, которая существовала и до сих пор присутствует в странах Восточной и Юго-Восточной Азии);

во-вторых, правильная методология реформ, основанная на системности и последовательности проводимых преобразований (о чем в свое время писали некоторые известные российские ученые, изучившие китайский опыт [16, с. 529]);

в-третьих, технологическая модернизация, предполагающая в значительной мере автоматизацию и роботизацию производства (этот вопрос стоит сегодня крайне остро в условиях нехватки квалифицированных кадров для российской промышленности и низкого уровня производительности труда);

И, наконец, в-четвертых, серьезная необходимость в создании механизмов ротации российской элиты (как на федеральном, так и региональном уровнях), поскольку очевидно, что нынешние (как и многие предыдущие) провалы в области социальной и экономической политики связаны во многом

с относительной «несменяемостью» (а значит, и безнаказанностью) тех, кто стоит у руля этой политики. Думаю даже, что отсутствие сменяемости элит, периодическое «тасование» одной и той же кадровой «колоды», которое в частности на протяжении многих лет мы видим на федеральном уровне, есть едва ли не ключевой фактор, который препятствует осуществлению успешной модернизации российского общества на данном этапе (многое другое имеется в наличии, включая общую ориентацию государства на развитие, наличие достаточного числа образованных, талантливых и предприимчивых людей, готовых работать и зарабатывать и мн. др.).

Поэтому, подытоживая, сделаем вывод о том, что решение проблемы справедливости в России — это вопрос в первую очередь создания условий для самореализации людей (в немалой степени в профессии, в труде) и лишь во вторую — вопрос государственной обеспеченности благами (хотя это очень важно). Но решить данный вопрос невозможно без соответствующей политики государства, которая в том числе предполагает формирование слоя квалифицированной и ответственной элиты. Примеры хорошо известны (Сингапур, Малайзия, Южная Корея, Китай) [17; 18]. Похоже, есть и определенное понимание этого со стороны руководителей государства. Однако, как часто любит повторять М. Г. Алиев, важно, чтобы слова не расходились с делами.

Литература:

1. *Беляева Л. А.* Социальная структуризация российского общества: от советского периода к современности // Социокультурные исследования постсоветского транзита России / Под общ. ред. Н. И. Лапина. — М.: ИФ РАН, 2022. С. 174–244.
2. *Бурно М. Е.* О характерах людей (психотерапевтическая книга) / Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Академический проект, Фонд «Мир», 2008.
3. *Гулыга А. В.* Русская идея и её творцы. — М.: Эксмо, 2003.

4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. — М.: Известия, 2003.
5. Канарш Г. Ю. Прошлое и будущее национальной идеи в России // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 5. С. 441—447.
6. Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. — М.: Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2011.
7. Канарш Г. Ю. Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке. — М.: URSS, 2019.
8. Консолидация и модернизация России / Редкол.: А. А. Гусейнов и др. — М.: Канон +, 2014.
9. Мареева С. В. Социально-экономические неравенства в жизни россиян: особенности восприятия и динамика // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2025. Т. 25. № 2. С. 344—362.
10. Межуев В. М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. — СПб: СПбГУП, 2011.
11. Отношение россиян к целям СВО радикально изменилось // Независимая газета. 20.08.2025 // URL: https://www.ng.ru/economics/2025-08-20/1_9320_maximum.html
12. Ролз, Д. Теория справедливости / Науч. ред. В. В. Целищев / Пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.
13. Социальная Европа в XXI веке / [Антюшина Н. М. и др.]; под ред. М. В. Каргаловой. — М.: Весь мир, 2011.
14. Спиридонова В. И. Демократическая перспектива этатистской модели государственности в современной России // Этатистские модели модернизации / Отв. ред. В. Н. Шевченко. — М.: ИФРАН, 2002.
15. Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / Беляева Л. А., Гранин Ю. Д., Касавина Н. А. [и др.]; под общей редакцией члена-корреспондента РАН Н. И. Лапина. — СПб: Реноме, 2019.

16. *Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. — М.: Культурная революция, 2008.
17. *Федотова В. Г.* Модернизация и культура. — М.: Прогресс-Традиция, 2015.
18. *Федотова В. Г.* Роль и ответственность элиты в общественных преобразованиях // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 9—19.
19. *Храмцов А. Ф.* Социальное государство: Россия и европейский опыт. — М.: ИСП РАН, 2005.
20. *Шестопал Е. Б.* Тандему пора определиться: две политические повестки дня российской власти и её восприятие гражданами // Независимая газета. Приложение «НГ-Политика». 07.12.2010.

ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИЭТНИЧНОЙ РОССИИ

*Денисов Н. Г.,
Краснодарский государственный институт культуры*

Аннотация. Автор исследует проблему идеологии в российском многонациональном пространстве в дискурсе её ценностного универсума и уникальности, интегрирующей общность народов в процессе их многовекового совместного проживания и развития.

Делаются выводы и предложения в отношении правового закрепления утвердившихся ценностных основ по созданию сводного Кодекса народов России, системно отражающего суть и роль государственной (общенациональной) идеологии с перспективой её внесения в Конституцию РФ.

Ключевые слова: Россия, многонациональный народ, ценностный потенциал, социокультурное развитие, государственная (общенациональная) идеология.

IDEOLOGY IN THE CONTEXT OF THE VALUE SPACE OF POLYETHNIC RUSSIA

*Denisov N. G.,
Krasnodar State Institute of Culture*

Abstract. The author explores the problem of ideology in the Russian multinational space in the discourse of its value universe and uniqueness, which integrates the commonality of peoples in the process of their centuries-long coexistence and development.

The author draws conclusions and makes proposals regarding the legal consolidation of the established value foundations for the creation of a consolidated Code of the Peoples of Russia, which systemically reflects the essence and role of the state (national)

ideology, with the prospect of its inclusion in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: Russia, multinational people, value potential, socio-cultural development, state (national) ideology.

В условиях нарастающих внешних и внутренних вызовов и угроз, приближающих точку бифуркации, за которой, по замыслу западных правителей ряда стран НАТО, предстоит расчленение России, вследствие чего реально возникает опасность колонизации Отечества и актуализируется поиск чрезвычайных мер противодействия еврозаговору. Эти меры лежат не только во внешних факторах и не в тотальной милитаризации страны, а во внутренних ресурсах духовной силы, ценностном потенциале исторической России и её непокоренного многонационального народа [1].

В современной ситуации военного времени этим первичным духовным жизненным эликсиром становится катарсис, означающий «очищение» или по-современному — перезагрузка, «очищение души от грязи чувственности, телесности, как одна из целей (по Аристотелю) совершать катарсис души», то есть признавать ошибки прошлого и менять направление движения. Однако катарсис сам по себе не приходит механически и искусственно не реализуется. Он опирается на тысячелетний духовный арсенал покаяния и раскаяния наших предков, уроки которого известны с древнейших времен — «Повести временных лет» [2], «Слова о полку Игореве», феномена «плача» как культурной рефлексии.

Покаяние как духовно-культурный феномен верования предполагает смыслы осознания своих грехов перед богом, взыскующим прощения и стремления человека к освобождению своего сердца и разума от заблуждений, поиска новой цели и путей к её достижению, за которыми следует отрезвление и очищение на индивидуальном уровне и в общественном осознании. В таком диалектическом развитии открывается ментальный смысл и витальное предназначение нашего национального самосознания о том, что духовная эволюция русского

многонационального народа в своём развитии исходила из него самого, образовавшего евразийское поликультурное пространство.

Извлекая уроки культурно-исторического развития Руси — России, современному поколению предстоит по зову предков через раскаяние и катарсис перед выбором жизни или смерти пройти через духовный переворот и определиться с признанием ошибок и заблуждений в оценке общественного развития на рубежах XXI века, без чего, как свидетельствует история, не возникает масштабное поступательное движение ни в духовно-нравственном, ни в социально-политическом, ни в экономическом развитии общества и его граждан. Такой катарсис с опорой на уроки прошлого позволяет соотечественникам открыть для себя обновленные во времени и пространстве коды движения русско-российской цивилизации с фундаментальной основой накопленных традиционных ценностей, предопределяющих идеологию дальнейшего общественно-государственного развития.

Современная мировая эсхатологическая ситуация в дискурсе философии истории свидетельствует о тотальном мировоззренческом кризисе, когда духовно-культурные и общественные интересы народов не совпадают с интересами правителей многих государств. Сегодня они становятся очевидными при фатальной динамике текущих событий, исход которых в немалой степени зависит от мировоззренческого и гражданского прозрения народов и их противодействия корыстным политикам. Оно не может состояться само по себе, поскольку скорости дегуманизации мировой политики опережают их осмысление в режиме реального времени. Таким образом объективируется актуальность философии истории как сущностной основы жизнедеятельности, судьбоносные обобщения которой, брошенные в мировое общественное сознание и поддержанные широкими гражданскими действиями, способны повлиять на миротворческий поворот многих западных правителей в контексте оздоровления ценностной основы их политической культуры и государственной идеологии в целом.

В целях повышения субъектной роли отечественной гуманитарной науки предстоит, на наш взгляд, преодолеть сам методологический кризис, приведший к множественности исследовательских подходов к изучению истории (синтетического, просветительского, формационного, цивилизационного, универсального, синергетического, этнологического, герменевтического, эпистемологического, цифрового и других), что породило в свою очередь дробление предметного поля самой истории. Имеется ввиду появление таких новых исследовательских «жанров», как феноменологическая, интеллектуальная, антропогенная, генеалогическая, микроистория, event-история, исторической памяти, а также бурное развитие «отраслевого» подхода, реализуемого через политическую, экономическую, научную, социальную, военную, культурную, религиозную, медицинскую, экологическую и других разновидностей историй. То есть то, как познается история и ее фрагментарность, стало более популярным среди ученых, чем сама история.

При всем сегодняшнем внимании Российского государства, гражданского общества и научно-образовательного актива к историческим знаниям нельзя не заметить его недостаточность к философскому осмыслению современных задач по переустройству мира, прогностической роли философско-исторического синтеза, поиску интегральных методологических модулей, расширяющих когнитивный потенциал ценностных основ российской государственности, цивилизации и русского мира в преемственной связи с культурно-исторической аксиомой русской многонациональной идеи, идеала и идеологии, соединяющих в себе особенное и универсальное, индивидуальное и коллективное, этнонациональное и общечеловеческое.

Как утверждает А. Н. Муравьев, современной русской идеологии остро востребованы подлинно научно-философские основания, исключающие любые попытки фальсификации истории и идейно-политических спекуляций вокруг нашего Отечества [3]. В условиях нынешнего военно-политического противостояния актуализируется умозаключение Н. М. Карамзина: «Россия

основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием» [4]. Данные выводы коррелируются с Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению российских традиционных ценностей» [5].

В контексте концептуализации современной государственной (общенациональной) идеологии в последние годы понятие идентичность и её иерархия — этническая, социальная, культурная, гражданская, региональная, общероссийская — постоянно являлась предметом множества дискуссий ученых и специалистов вокруг объединяющей их всех ценностной смысловой сферы, именуемой «российская нация», однако так и не нашедшей единого общественного консенсуса. На наш взгляд, в условиях прямой военной угрозы по ликвидации российской государственности необходимо вернуться к давнему проекту Конституционного закона «О российской нации», с предложением по доработке его с учетом обустройства современного многополярного мира, определения места и лидирующей в нем роли общероссийской нации, вобравшей в себя культурную и гражданскую идентичность народов тысячелетней истории Отечества. Такой судьбоносный и долгожданный подход позволит ускорить процесс обретения общенационального единства в исторической перспективе.

Данные выводы обуславливают следующие предложения:

- разработку основ идеологии российской государственности и свода её ценностей, сочетающих в себе базовые интересы, права и обязанности различных групп соотечественников;
- трактовку в отношении государственной (общенациональной) идеологии статьи в Конституции РФ и её отражение в соответствующих законодательных и исполнительных актах;
- ускорение процесса создания новой редакции и принятия Конституционного закона «О российской нации», с его предварительным всенародным обсуждением;
- обеспечение приоритетов государственной политики в культурно-образовательной, идеологической

и гражданско-патриотической деятельности, как оснований российской государственности и укрепление общенационального единства;

— актуализацию защиты и безопасности общества и государства от внешних идеологических, информационных, психологических, экономических и военных посягательств;

— укрепление внутрироссийских межэтнических, межконфессиональных и межкультурных отношений, а также международных общественных, миротворческих, профессиональных, культурных и спортивных связей.

Литература:

1. *Денисов Н. Г.* Идеология и культура: противоречивое единство прошлого, настоящего и будущего // *Культурная жизнь Юга России.* 2017. № 4. С. 11.
2. *Нестор Летописец.* «Повесть временных лет». [Электронный ресурс] Режим доступа: // svtluka.prihod.ru/users/69/1101269/editor_files/file/letopisec_nestor_povest_vremennyh_let.pdf свободный. — Загл. с экрана.
3. *Муравьев А. Н.* Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе: Материалы Всероссийской научной конференции. — Краснодар — В. 2017. — С. 46–54
4. *Карамзин Н. М.* Записки о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. URL: http://www.gummev.info/hidliotek_BUKS/History/Article/kavamz_ZapRbss/ph/
5. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению российских традиционных ценностей».

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДАГЕСТАНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Яхьяев М. Я.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы цивилизационной и социокультурной идентичности дагестанского общества. Автор, анализируя региональный научно-теоретический материал по цивилизационному статусу республики, состояние дагестанской культуры и объективные тенденции ее изменения, решает спорный вопрос о существовании самобытной локальной дагестанской цивилизации. В нем он освещает противоречивое цивилизационное и социокультурное влияние элементов различных культур (архаической, исламской, российской/русской, западной) на многослойный дагестанский «культурный пирог», выводит основные цивилизационные риски для республики, актуализировавшиеся в последние десятилетия. Автор также обосновывает отсутствие достаточных оснований признания существования в истории или современности самобытной локальной дагестанской цивилизации, обозначает зависимость цивилизационного статуса Дагестана от того, что он объективно является всего лишь геополитическим регионом российской цивилизации со своей социокультурной спецификой, определяемой экономической многоукладностью и разнообразием, полиэтничностью и поликультурностью.

Ключевые слова: Россия, Дагестан, цивилизация, культура, геополитический статус, идентичность, поликультурность, полиэтничность.

THE CIVILIZATIONAL AND SOCIOCULTURAL IDENTITY OF DAGESTAN: HISTORY AND MODERNITY

*Yakhyayev M. Ya.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. This article examines the civilizational and sociocultural identity of Dagestan society. By analyzing regional scientific and theoretical material on the republic's civilizational status, the state of Dagestan culture, and objective trends in its change, the author addresses the controversial question of the existence of a distinct local Dagestani civilization. In it, he illuminates the contradictory civilizational and sociocultural influence of elements of various cultures (archaic, Islamic, Russian, Western) on the multilayered Dagestani «cultural pie» and identifies the main civilizational risks for the republic, which have become acute in recent decades. The author also substantiates the lack of sufficient grounds for recognizing the existence in history or modern times of a distinctive local Dagestani civilization, and indicates the dependence of Dagestan civilizational status on the fact that it is objectively just a geopolitical region of Russian civilization with its own socio-cultural specificity, determined by economic multi-structure and diversity, multi-ethnicity and multiculturalism.

Keywords: Russia, Dagestan, civilization, culture, geopolitical status, identity, multiculturalism, multi-ethnicity.

В современном мире под влиянием двух разнонаправленных, но взаимосвязанных процессов происходят все ускоряющиеся трансформации. **Во-первых**, это процессы глобализации, которые ведут к утверждению универсальных общечеловеческих форм жизни, **во-вторых**, процессы дифференциации, следствием которых становится этнополитическое, социокультурное, религиозное и прочее разнообразие. В новых условиях особую злободневность приобретает проблема сохранения существующих

цивилизаций, культур, народов, нахождения ими приоритетов своего развития. Актуальной эта проблема остается и для российской цивилизации, для всего многонационального народа России, в составе которого множество этнических образований предстают частью мировой истории. И каждая из них нуждается в адекватном осмыслении собственной цивилизационной и социокультурной идентичности, определении своего места и роли в историческом процессе.

Республика Дагестан, как и другие регионы Северного Кавказа, предстает сегодня сложным и противоречивым переплетением множества разнонаправленных экономических, социальных, политических, культурных, религиозных, духовных и прочих процессов. И нам крайне важно найти ответы на, казалось бы, простые вопросы: **кто мы — дагестанцы, чеченцы, ингуши, осетины ..., откуда мы и куда идем?** Определенное решение этих вопросов закладывается в основу геополитических и социокультурных ориентаций региональных сообществ, их предпочтений в ближайшей и отдаленной перспективе.

В советский период нашей истории доминировал **формационный подход** к анализу исторического процесса, который оставлял за рамками теоретического осмысления самобытность, единичность, неповторимость конкретного социума. Пришедший ему на смену в 90-е годы XX столетия **цивилизационный подход** вывел из периферии исследовательского интереса проблему специфичности, уникальной идентичности региональных сообществ. Именно в рамках цивилизационной парадигмы, отвергающей поиски общего в жизни различных народов и устремленной к обнаружению неповторимых отличий в их материальной и духовной культуре, стала осмысливаться идея существования как российской, так и северокавказской или дагестанской цивилизации. Как пишет Ю. Г. Волков: «Переход к цивилизационной парадигме изучения кавказского региона уже позволил поднять целый ряд вопросов, связанных с проблемами этничности, ментальности, культурными особенностями этнических групп, проживающих на Кавказе, и роли этих факторов в социальном взаимодействии» [3].

Однако существующий разброс мнений об индикаторах цивилизационной идентичности, отсутствие разработанной методологии цивилизационного анализа оказались препятствием, приводящим к обнаружению цивилизационного статуса конкретного социума **исключительно на уровне здравого смысла и авторских предпочтений**. На «отсутствие единства даже среди классиков по критериям вычленения цивилизаций, их количества» указывает и М. Г. Алиев в статье «Россия как государство-цивилизация: политико-философский анализ» [2, с. 140].

Одним из первых, кто на этом поприще заговорил о существовании уникальной дагестанской цивилизации был А. Г. Агаев, который в газете «Дагестанская правда» от 22–23 июня 1995 года представил небольшую заметку: «Дагестанская цивилизация: не похоронить бы ее», которая послужила трамплином к обсуждению цивилизационного состояния и перспектив развития республики. В ней он писал: «Дагестан дал человечеству пусть очень локальную, может быть, еще не созревшую, но все же неповторимую, самобытную цивилизацию» [1]. В своем определении Дагестана как локальной цивилизации А. Агаев не был оригинален, он следовал известным русским этнографам и историкам (Н. Воронцов, А. Зиссерман, А. Бестужев-Марлинский, Н. Глинсецкий, П. Надеждин, П. Услар и др.), которые еще во второй половине XIX века описывали самобытные формы жизни горских народов Северного Кавказа как уникальную «дагестанскую цивилизацию».

Апеллируя к их высказываниям, А. Г. Агаев приходит к выводу о существовании в Дагестане в конце XIX века самобытной цивилизации, характерной особенностью которой являлась дагестанизированная арабская культура. Цивилизационная самобытность Дагестана, по его мнению, находила в то время свое проявление в уникальной местной архитектуре, горском хозяйстве, ремесленных промыслах, семейном укладе, джамаатском образе жизни, народной медицине, педагогике, этике, искусстве, формах общения и пр. Она представала как особенный социальный организм, состоящий из деловитых,

предприимчивых по своему духу трудяг, правда, не преобразователей, а приспособленцев, потому как их трудовая активность была связана с необходимостью выживать в суровых горных условиях. Все эти особенности в совокупности сформировали и характерный для Страны гор оригинальный образ цельного человека, называемого «горцем» или «дагестанцем». Он также выражает надежду на то, что «дагестанская цивилизация еще обладает некоторым запасом прочности. Хотя неоднократно она впадала в кризисы, она кое-как выходила из них, нередко даже окрепшая и преобразившаяся. Ее естественные свойства — консерватизм и открытость — и в современных условиях, полагаю, спасут ее от затухания. Она набирает новые, судьбоносные ценности, в первую очередь общедагестанскую идею, единство всех народов, межнациональное согласие, нейтралитет в межнациональных конфликтах на Кавказе, приоритетность прав и свобод народов, восприятие национальных проблем каждого народа как общедагестанских проблем, авторитет исторической правды, способность достойно оценить вклад каждого поколения в социальный прогресс, критический отбор ценностей окружающих цивилизаций» [1].

Существование самобытной дагестанской цивилизации, которую А. Агаев называет «утрачиваемой реальностью», выводится им, к сожалению, **не из беспристрастного анализа дагестанской реальности**, а исключительно на основе высказываний сторонних наблюдателей, очарованных красотами Кавказа и усматривающих в самобытных формах жизни горцев восхождение к гражданскому, цивилизованному состоянию. При этом он не считается с тем, что под цивилизацией они понимали не самостоятельный культурно-исторический тип общества, а по традиции, идущей от Л. Моргана и Ф. Энгельса, представлений о цивилизации как ступени исторического развития, следующей за дикостью и варварством. В стороне остаются А. Агаевым и прямо противоположные характеристики горских народов, во множестве высказанные как в прошлом, так и нашими современниками (одни высказывания Жириновского чего стоят), представляющие горцев отсталыми людьми,

застрявшими в дикости; варварами, не поддающимися обучению и воспитанию; туземцами, не умеющими и не желающими ничего делать, кроме как воровать и разбойничать. Я не говорю уже о множестве других, не раз звучавших призывов очистить от местных аборигенов жизненное пространство, имеющее важное значение для укрепления и расширения империи.

Главная же погрешность вывода о реальности дагестанской цивилизации состоит в том, что выделенные А. Агаевым особенности горской жизни не являются объективными критериями вычленения цивилизации. В лучшем случае они могут служить характеристикой ее социокультурной особенности. Понимание этого обстоятельства выказывает как сам автор заметки, так и другие исследователи, которые не стали в последующем продвигать идею существования дагестанской цивилизации как особенного культурно-исторического типа общества наряду с другими мировыми цивилизациями. А те немногие, кто взял на себя бремя высказаться о цивилизационной идентичности Дагестана, предложили лишь поверхностные **ее определения как промежуточной, пограничной, смешанной цивилизации. А иные и вовсе объявили дагестанскую цивилизацию маргинальным образованием.**

Как уже было отмечено, в социально-гуманитарной науке **до сих пор нет однозначного понимания того, что такое цивилизация, а что культура**, поэтому и перечней цивилизаций, как у мыслителей прошлого (Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина), так и современных исследователей, оказывается множество. И ни в одном из этих списков нет ни кавказской, ни северокавказской, ни тем более, дагестанской цивилизации. У С. Хантингтона инвариантами цивилизационности предстают язык, история, религия, обычаи, институты, субъективная самоидентификация людей. Э. Д. Фролов наиболее значимыми критериями цивилизаций считает общность геополитических условий, исконное языковое родство, единство или близость экономического и политического строя, культуры, религии и менталитета (Фролов Э. Д. Проблема цивилизаций в историческом процессе // Вестник СПУ. Серия 2.

История. Выпуск 2. 2006. С. 98). И как замечает Н. Крадин, такая размытость критериев цивилизаций провоцирует у отдельных исследователей попытки придания «цивилизационного статуса едва ли не любой этнической группе» [4, с. 11].

Не подвергая критике идею восхождения горских народов к гражданскому, цивилизационному состоянию, попытаемся прояснить, **в чем же заключается реальная цивилизационная и социокультурная идентичность современного Дагестана.** Решая эту проблему, мы исходим из того, что географическая, историческая, культурная, религиозная, бытовая и прочие особенности, которые иными исследователями представляются достаточными основаниями признания существования особенной дагестанской цивилизации, **такowymi не являются.** Не могут быть инвариантами цивилизационного статуса Дагестана и особенности, традиционно увязываемые с архаическими формами материальной и духовной культуры горской жизни.

Поэтому проблему идентичности Дагестана, его социальных и геополитических ориентаций целесообразно обсуждать **в контексте определения реального и потенциального места** регионального общества как составляющей российской цивилизации. И это тем более значимо, что сегодня не совсем ясно, будет ли акцент на укрепление социокультурной уникальности республики **способствовать интеграционным процессам** в российском обществе или же усиление подобных тенденций приведет **к расшатыванию единства и целостности** российского общества, а то и к отторжению республики от России.

Для советских людей было свойственно понимание социалистической идентичности Дагестана и перспектив полноценной интеграции дагестанских народов в социально однородное советское общество. Либерально-рыночные реформы 1990-х годов разрушили советскую идентичность и вызвали кризис нашей общей цивилизационной и социокультурной тождественности. Как результат актуализировалась проблема ревизии не только культурного самосознания и поиска идеологии национальной идентичности, но и проблема интеграции дагестанского социума в цивилизационное пространство новой России.

Многовековое нахождение Дагестана в «перехлестывающих» орбитах различных цивилизационных влияний, историческая «смазанность» ее цивилизационных границ сформировали уникальную полиэтническую, поликультурную, многоконфессиональную, разноязыковую самобытность дагестанского общества. Сегодня в республике самым причудливым образом **сочетаются и взаимодействуют элементы и влияния различных культур и цивилизаций:** российской, исламской, западной и местной архаической. Более того, у нас **противоречиво сосуществуют и разные социально-экономические уклады жизни:** патриархально-родовой, аграрный, индустриальный и элементы постиндустриального, остатки советского и элементы рыночного укладов. Все эти особенности дагестанского общества определяют неоднозначность и сложность проблемы цивилизационной идентичности, жесткую полемику между различными версиями ее интерпретации.

Определяя цивилизационный статус дагестанского общества, важно руководствоваться следующими **критериями:** географическая среда, геополитическое расположение, этнический состав населения, культурные характеристики и степень интегрированности республики в российскую цивилизацию.

Географически Дагестан разделен на три основные природно-хозяйственные и историко-географические зоны: горы, предгорья и плоскость, которые отличаются по своему рельефу, климату, растительности, хозяйству и народонаселению. Это те особенности, которые продолжают и сегодня способствовать относительной замкнутости горских сообществ, провоцировать их архаизацию и автономизацию. Они же оказываются и детерминантой полиэтничности населения, характеризующегося весьма пестрым этническим составом.

В геополитическом плане Дагестан находится на одном из оживленных перекрестков мировых коммуникаций, почти в самом центре евразийского континента, что позволяет говорить о республике как о смешанном цивилизационном пространстве, своеобразном цивилизационном перекрестке на стыке Европы и Азии. Будучи пограничным районом российской

цивилизации, Дагестан подвергается **цивилизационному влиянию** российского, мусульманского и западного типа обществ. Именно поэтому в конце прошлого столетия республика и была превращена в арену острой конкурентной борьбы за влияние и контроль между Россией, государствами Южного Кавказа, Среднего и Ближнего Востока, куда были вовлечены как западноевропейские государства, так и США.

В этнокультурном плане Дагестан отличается особыми характеристиками, прежде всего поликультурностью, которая является, с одной стороны, следствием полиэтничности, а, с другой, результатом разнообразного и мощного культурного влияния извне. Дагестан сегодня находится под все усиливающимся культурным давлением элементов самых разнородных культур: местной патриархальной, российской, исламской и западноевропейской. Но, к сожалению, ни этнокультурное разнообразие, ни длительное взаимодействие в дагестанском обществе элементов внешних культур так и **не привели к образованию неповторимого интегрального культурного синтеза**, который можно было бы назвать дагестанской культурой. В самобытной местной культуре элементы внешних цивилизационных культур находят всего лишь своеобразное преломление без прямого заимствования. Поэтому применительно к дагестанской культуре приходится говорить **как о причудливой комбинации** элементов множества внешних культур, **а не о культурном синтезе, порождающем новое качество.**

Именно слабая выраженность интегрального начала в дагестанском обществе, отсутствие культурного синтеза различных цивилизационных влияний и не позволяет утверждать применительно к современному Дагестану статус самобытной локальной цивилизации. Сегодня он **объективно предстает лишь административным субъектом Российского государства, чья социокультурная уникальность является** самобытностью вторичного, подчиненного социального организма в составе российской цивилизации. Иначе говоря, **современный Дагестан это не самобытная локальная цивилизация, а геополитический регион российской цивилизации со своей**

социокультурной спецификой, которая определяется его экономической многоукладностью и разнообразием, полиэтничностью и поликультурностью.

Цивилизационные риски для дагестанского общества проистекают из того, что в социокультурном плане республика предстает своеобразным **многослойным «культурным пирогом»**, образованным из множества относительно самостоятельных пластов культуры. И в этом дагестанском «культурном пироге» отдельными напластованиями **сосуществуют слои** из самобытной автохтонной культуры дагестанцев, арабо-мусульманской культуры, российской культуры и западной культуры. Разрастание любого из этих пластов культуры осуществляется за счет сужения других слоев.

Заметные тенденции к изменению соотношения пластов культуры в этом многослойном пироге сегодня таковы, что, **во-первых**, происходит расширение пласта арабо-мусульманской культуры, обусловленное ростом религиозности населения; **во-вторых**, наблюдается возрастание роли патриархальной культуры, преимущественно у горского населения, спровоцированное архаизацией форм сельской жизни; **в-третьих**, вытесняется/сужается весомость элементов русской культуры. Относительно стабильной остается лишь пласт пирога, образованный из эрзац-суррогатов западной массовой культуры.

В происходящих процессах особое **беспокойство должно вызывать сужение русского пласта культуры**, причины чего общеизвестны. Это и разрушительные для экономики республики последствия развала СССР, и последствия 2-х «чеченских» войн, и негативные плоды недальновидной политики федерального центра, выстраиваемой на популистских лозунгах «хватить кормить Кавказ» и пр. Свою негативную роль в ряду этого множества причин занимают как исламский фактор, сопровождающийся все большей арабизацией отдельных сфер жизни дагестанского общества, так и процессы архаизации. О том, что архаизация жизни дагестанского общества, которая происходила как «нездоровый возврат к корням, традиционным ценностям» и во многом была «способом выживания

республики в условиях, когда рушилась старая система, а новая не формировалась», говорит и М. Г. Алиев, предупреждая, что «длительное нахождение в такой ситуации может привести к тому, что регион выпадет не только из модернизационных, но и цивилизационных процессов» [2, с. 95].

Цивилизационные перспективы Дагестана связаны с его развитием как геополитического региона российской цивилизации со своей социокультурной спецификой. Но если федеральный центр и республиканские власти не будут проводить продуманную социально-экономическую, научно-образовательную, культурную, конфессиональную политику, нацеленную на расширение влияния российского/русского пласта культуры в дагестанском «культурном пироге», то разрастание арабо-мусульманского и архаического пластов будет вести лишь к тому, что республика все больше будет дрейфовать в сторону мусульманской цивилизации. А это, в свою очередь, станет только усиливать дезинтеграционные процессы и в других регионах России с преимущественным мусульманским населением.

Поэтому в выстраиваемой иерархии приоритетов государственной политики на первом месте должны быть обеспечение и поддержка государством востребованного временем уровня технологического развития республики, создание соответствующего современным вызовам уровня науки и образования, культуры и здравоохранения, средств коммуникации и обмена информацией. Дагестану крайне важно в ускоренном порядке осуществить переход от архаичной социокультурной системы к «новой индустриализации» на основе современных технологий и эффективного использования имеющихся конкурентных преимуществ республики. В конечном счете, все реализуемые приоритеты должны быть нацелены на культивирование гуманистических ценностей и идеалов, обеспечивающих эффективную защиту дагестанцев от всевозможных преступных посягательств.

Во всех этих приоритетах нет ничего нового, все они были озвучены еще в 2010 году Президентом России Д. Медведевым как

основные направления стратегического плана модернизации России. Но, к сожалению, они так и остались благими декларациями, как в России в целом, так и в регионах. Именно поэтому они могут быть продекларированы еще раз, в надежде на то, что, может быть, и услышат те, от кого зависит их реализация.

Литература:

1. *Агаев А. Г.* Дагестанская цивилизация: не похоронить бы ее // Дагестанская правда. 1995. 22–23 июня.
2. *Алиев М. Г.* Между философией и политикой. — Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2025.
3. *Волков Ю. Г.* Актуальные вопросы кавказоведения // Материалы научной конференции «Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия. Ростов-на-Дону, 22–23 декабря 1999 // URL: u.ru/biblio/archive/volkov_ak.
4. *Крадин Н. Н.* Проблемы периодизации исторических макропроцессов // Альманах «История и математика». 2009. № 5.
5. *Фролов Э. Д.* Проблема цивилизаций в историческом процессе // Вестник СПУ. Серия 2. История. 2006. Выпуск 2.

**ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
И ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА**

*Чижков Н. С.,
Институт философии РАН*

Аннотация. Доклад посвящён философско-историческим основаниям цивилизационного развития России в начале XIX века и затрагивает проблематику, поднятую двумя отечественными мыслителями о перспективах и возможных путях эволюции российской государственной и общественной жизни. Их концепции строились на двух разных логиках: одна шла от личности к обществу и строилась на идеи свободного и просвещённого гражданина; вторая шла от общества к личности, в основании этой модели находилась идея о необходимости заимствования институтов из более развитых государств.

Ключевые слова: цивилизация, общество, государство, социальная философия, человек, Россия, личность, культура.

**PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL
FOUNDATIONS OF THE CIVILIZATIONAL
DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE
AND SOCIETY IN THE EARLY 19TH CENTURY**

*Chizhkov N. S.,
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences*

Abstract. The report is devoted to the philosophical and historical foundations of the civilizational development of Russia in the early 19th century and touches on the issues raised by two Russian thinkers about the prospects and possible ways of evolution of Russian state

and public life. Their concepts were based on two different logics, one went from the individual to society and was based on the ideas of a free and enlightened citizen. The second model went from society to the individual, based on the idea of the need to borrow institutions from more developed countries.

Keywords: civilization, society, state, social philosophy, man, Russia, personality, culture.

Начало XIX века это период развития нашей страны, когда происходила национальная самоидентификация русского народа как единого целого, происходил рост национального самосознания. Всему этому способствовала Отечественная война 1812 года, когда русский народ вышел победителем. В это время Россия, с одной стороны, утвердилась как великая и могучая европейская держава, а с другой стороны, интеллектуальная элита начинала искать такой путь цивилизационного развития государства и общества, который бы совмещал в себе многовековые устоявшиеся традиции, обычаи и ценности нашего народа с необходимой модернизацией социальной, а в перспективе и политической жизни страны.

В начале XIX века в России происходило активное формирование концепций общественного идеала, находившееся под сильным влиянием идей эпохи Просвещения [4; 6]. Этот период характеризовался появлением нового типа исторического субъекта — человека, который стал оцениваться не по сословной принадлежности или происхождению, а как существо природное, наделенное разумом и способное самостоятельно мыслить. Центральной философской категорией этого времени становится природа, а ключевой идеей — представление о естественном равенстве всех людей, включая равенство их интеллектуальных способностей. Просветительская философия разработала концепцию здравого смысла (Кант называл это способностью суждения), которая стала основой для нового понимания человеческой личности как суверенной и автономной. Это создало предпосылки для демократических преобразований, так как с этого периода каждый человек, независимо от

своего социального статуса, мог претендовать на право высказывать свое мнение по самым разным вопросам: от политики до религии. Ремесленник получил возможность критиковать действия военных, а священнослужитель — подвергать сомнению церковные догматы. Главной задачей Просвещения стало рациональное обоснование основополагающих принципов человеческого существования: естественной религии, естественного права и разумного устройства общества, а затем уже и практическая реализация этих принципов через преобразование общественных институтов и самого человека.

В российском контексте разработка концепций общественного идеала, направленного на цивилизационное развитие Российского государства и общества связана с именами двух выдающихся мыслителей, это Николай Михайлович Карамзин и Михаил Михайлович Сперанский. Их взгляды, сформировавшиеся под влиянием разных традиций Просвещения, предлагали принципиально различные пути развития российского общества и государства. Карамзин, испытавший сильное влияние немецкой философии (особенно Канта и Гердера [3]), разрабатывал концепцию, которая шла от личности к обществу. Карамзин придерживался мнения, что первостепенным является воспитание и просвещение каждого отдельного человека, а уже потом этот образованный человек, основываясь на народном духе, обычаях и традициях, способен будет создать реально работающие социальные, а затем и политические институты в стране. В основе его подхода лежит идея постепенного, т. е. эволюционного развития личности через образование и просвещение каждого гражданина страны. Считая, что все преобразования государственной и общественной жизни страны должны учитывать исторически сформировавшиеся особенности того или иного народа, тем не менее он видел единую цель всего человеческого существования, которая заключается в стремлении к более нравственному содержанию жизни. Идея свободы Карамзина имеет онтологическую глубину и некую двойственность, то есть свобода им рассматривается в двух плоскостях. Первая связана с либерально-гуманистической

мировоззренческой парадигмой, вторая — с консервативной мировоззренческой парадигмой [5].

В основании первой находится идея человеческого и гражданского достоинства. Достоинством человек обладает от рождения, оно даровано Богом, который по своему образу и подобию создал человека и нельзя сводить его достоинство к простым заслугам. В этом заключается основной тезис естественно-правовой доктрины.

Помимо человеческого достоинства человек обладает и достоинством гражданским в том смысле, что он полноправный член общества, добросовестно служит ему и тем самым гражданин вправе рассчитывать на соответствующее к себе отношение. В основе гражданского достоинства лежит присущая каждому человеку свобода воли и способность поступать в соответствии с установленными законами, а при их нарушении нести личную ответственность. В основании второй лежит идея о возможности жить в соответствии с устоявшимися традициями, обычаями и народным духом, соблюдая баланс между свободой и порядком.

Совершенно иной подход предлагал Михаил Сперанский, находившийся под влиянием французского Просвещения. Его концепция шла от общества к личности [2]: он полагал, что преобразование общественных институтов по образцу более развитых европейских стран автоматически приведет к нравственному и интеллектуальному совершенствованию каждого отдельного человека. Сперанский делал акцент на политических реформах, предлагая заимствовать готовые институциональные решения, как, например, разделение властей, конституционные ограничения монархии, представительное правление. Его понимание свободы носило преимущественно социально-политический характер и было связано с введением гражданских (личных и имущественных) и политических прав. При этом Сперанский, следуя французскому опыту, считал необходимым ограничить политические права имущественным цензом, полагая, что только собственники могут быть полноценными участниками политического процесса. Его проект

государственных преобразований предусматривал постепенную унификацию российских институтов по европейскому образцу, что вызывало резкую критику со стороны Карамзина, видевшего в этом опасность для национальной идентичности и исторической преемственности. Собственно, этого не было достигнуто и в самой Европе.

Фундаментальное различие между двумя мыслителями проявилось в их отношении к монархии и перспективам политического развития России. Карамзин, признавая необходимость сохранения самодержавия на текущем историческом этапе [1], тем не менее рассматривал его как временную форму правления, которая должна подготовить переход к республике через всеобщее просвещение и нравственное совершенствование граждан. Он подчеркивал, что республиканская форма правления требует от граждан высокой степени добродетели и способности к самоограничению, чего российское общество начала XIX века еще не достигло. Сперанский же видел путь развития в постепенном конституционном ограничении монархии и создании системы представительных органов, которые, по его мнению, могли бы стать школой политической культуры для российского общества. При этом оба мыслителя сходились в признании необходимости отмены крепостного права и верховенства закона, расходясь лишь в методах и последовательности преобразований.

Современное значение этого историко-философского спора заключается в том, что он поднимает вечные вопросы общественного развития: должно ли преобразование общества начинаться с изменения институтов или с воспитания личности? Возможно ли механическое заимствование политических институтов или они должны вырастать органически из национальной традиции? Как сочетать необходимость модернизации с сохранением культурной идентичности? Эти вопросы остаются актуальными и сегодня, спустя более двух столетий после дискуссии между Карамзиным и Сперанским. Опыт российской истории показывает, что ни чисто западный, ни исключительно охранительный подход не могут

быть полностью успешными. Вероятно, оптимальный путь развития заключается в некоем объединении этих подходов, а также творческом переосмыслении мирового опыта с учетом национальных особенностей и традиций, сочетающем политические преобразования с нравственным и интеллектуальным развитием граждан. Именно такой подход, учитывающий как необходимость институциональных реформ, так и значение культурно-исторической преемственности, может стать основой для формирования современного общественного идеала в России.

Литература:

1. *Карамзин Н. М.* Историческое похвальное слово Екатерине II // Полное собрание сочинений. — М.: Терра, 2009. Т. 17. С. 87–142.
2. *Сперанский М. М.* План государственного преобразования графа М. М. Сперанского: (введение к Уложению государственных законов 1809 г.): с приложением «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к Императору Александру». — М.: Издание «Русской мысли», 1905. — 359 с.
3. *Чижков Н. С.* Влияние немецкой философии эпохи Просвещения на идейное формирование Н. М. Карамзина // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6. № 4. С. 52–83.
4. *Чижков Н. С.* Две концепции формирования общественного идеала в России начала XIX в.: Н. М. Карамзин versus М. М. Сперанский // Полилог/Polylogos. 2021. Т. 5. № 4.
5. *Чижков Н. С.* Либеральные и консервативные основания концепции свободы Н. М. Карамзина // Философские науки. 2016. № 11. С. 49–58.
6. *Чижков Н. С.* Николай Иванович Тургенев о необходимости решения крестьянского вопроса в России // Полилог/Polylogos. 2020. Т. 4. № 1.

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ И НАДЭТНИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

*Кафаров Т. Э.,
Дагестанский государственный
медицинский университет, г. Махачкала*

Аннотация. Статья посвящена раскрытию сложной диалектики этнических и надэтнических механизмов личностной и коллективной идентификации. Среди множества надэтнических идентентов выделяется религия, которая впервые в истории попыталась ввести иные, прямо не вытекающие из собственного этнического опыта, оценочные критерии. Хотя и религии первоначально имели этническую оболочку, подтверждением чему являются наиболее древние народные и национальные религии, они впервые попытались выйти за пределы узких границ потребностей и интересов этносов. Дальнейшее усиление надэтнических составляющих произошло в мировых религиях, которые стали таковыми именно по причине провозглашения этнического и иного равенства. Такая надэтническая парадигма, в качестве определяющей, провозглашена исламом, для которого характерен абсолютный космополитизм.

Ключевые слова: идентичность, этническая и надэтническая идентичность, религия, ислам, диалектика.

ON ETHNIC AND SUPER-ETHNIC MECHANISMS OF HUMAN IDENTIFICATION

*Kafarov T. E.,
Dagestan State Medical University, Makhachkala*

abstract. The article is devoted to the disclosure of complex dialectics in the action of ethnic and supra-ethnic factors of personal

and collective identification. Among the many supra-ethnic identities, religion stands out, which for the first time in history tried to introduce other evaluation criteria that did not directly follow from its own ethnic experience. Although religions originally had an ethnic shell, as evidenced by the most ancient folk and national religions, they for the first time tried to go beyond the narrow boundaries of the needs and interests of ethnic groups. Further strengthening of supra-ethnic components occurred in the world religions, which became such precisely because of the proclamation of ethnic and other equality. This supra-ethnic paradigm is proclaimed as the defining one by Islam, which is characterized by absolute cosmopolitanism.

Keywords: identity, ethnic and supra-ethnic, identity, religion, Islam, dialectic.

В термин «надэтническое» мы включаем все, что лежит над базовым уровнем этничности. Оно является своеобразным синтезом этнических, межэтнических и иноэтнических составляющих. Согласно Википедии, эта надэтничность может проявляться в многообразных формах: как метаэтничность, мультиэтничность, полиэтничность, панэтничность, трансэтничность и т. д., каждая из которых имеет свое собственное содержание, но все они имеют один и тот же структурный «надэтнический» уровень [7].

О необходимости учета такой полиэтничности и трансэтничности не только во время переписи населения, но и во всех социальных измерениях, и придании этому понятию соответствующего официального правового статуса мы говорили в ряде статей [4–6].

В историческом прошлом и в настоящее время, с разной степенью интенсивности действует несколько мощных факторов, ограничивающих значение и пределы действия этнических механизмов идентификации человека.

Во-первых, это религиозный фактор, который так или иначе существенно изменяет значение этнических механизмов. Одни религии усиливают значение этнокультурных составляющих,

другие, их, наверное, большинство, напротив, ослабляют их значимость.

Во-вторых, это развитость гражданского общества и степень сформированности политической нации в том или ином социуме. В странах, где формирование гражданского общества и нации более или менее завершено, там, как правило, слабо выражены все этнические составляющие человеческой и социальной идентичности. В развивающихся же странах, где формирование такой нации не завершено, напротив, роль этнических идентификационных составляющих является значимой. Особенно возрастает роль и значение этнического фактора в переходные периоды, когда идет переоценка ценностей, происходит ломка самосознания, как было у нас в Дагестане в 1990-е годы завершившегося тысячелетия, когда под давлением национальных движений даже в состав Духовного управления мусульман выбирали по этническому признаку.

В-третьих, особенности государственного строительства. Какое бы ни было государство, федеративное или унитарное, демократическое или авторитарное, оно невозможно без обеспечения верховенства закона, что уже само по себе ограничивает пределы действия этнокультурных регуляторов.

Все эти факторы имеют в целом «этнобежный» характер, то есть так или иначе ослабляют, снижают интенсивность действия этнического фактора в социальных процессах. Каждый из них действует по-своему в различные периоды общественного развития, а все вместе создают достаточно пеструю картину взаимодействия этнических и надэтнических механизмов личностной и коллективной идентификации.

Диалектика взаимодействия этнических и надэтнических идентентов человека является сложной и противоречивой. Они могут действовать однонаправленно, разновекторно или по более сложной, смешанной траектории, в синергии и гармонии друг с другом или, напротив, конфронтационно, препятствуя и взаимно ослабляя друг друга.

Остановимся коротко на некоторых из этих факторов, существенно изменяющих пределы влияния этнической идентификации.

Очевидно, что этнические факторы социальной консолидации и идентификации людей были исторически первичными, базовыми, возникшими еще в условиях родоплеменных отношений. Это хорошо видно на примере самых древних религий, которые были преимущественно народными или национальными. В литературе проводится дифференциация между ними. Народные или местные религии — это синтез древних верований, культов и обрядов, не имеющие строгой догматики и писаний, тесно вплетенные в культуру и повседневное поведение людей. Таких религий огромное множество, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии, Африке и других регионах.

Национальные же религии значительно более социально оформлены и догматически, философско-методологически и канонически обеспечены. Это иудаизм у евреев, синтоизм у китайцев, индуизм у индусов, синтоизм у японцев, конфуцианство у китайцев, зороастризм у персов и т. д.

Следует заметить, что в регионах традиционного распространения народных и национальных религий чуть ли не одновременно с этническими механизмами человеческой консолидации формируются некоторые надэтнические механизмы объединения людей, особенно территориальные, военные, экономические союзы для защиты своих интересов. И по мере дальнейшего развития роль надэтнических составляющих индивидуальной и коллективной идентификации возрастает.

Особенные детерминанты развития надэтнических механизмов идентификации связаны с возникновением мировых религий. Такой их статус уже изначально меняет диалектику этнических и надэтнических механизмов идентификации человека, поскольку мировой могла стать только такая религия, которая утверждала равенство всех людей, в том числе независимость от родственных и этнических отношений. Для всех мировых религий характерно однозначное усиление роли и значимости религиозной, т. е. надэтнической идентичности

за счет ослабления этнических составляющих. Особенно это характерно для ислама, который являет собой форму универсального мировоззрения, обязательного для всех верующих, независимо от всех других человеческих и социальных измерений, действительного для всех времен, этносов, культур и регионов.

Особенно значимой такая исламская универсалистская идейная программа стала для нашего многонационального региона, для которого этнический фактор не мог стать такой объединяющей парадигмой. В истории более или менее мононациональных регионов известно множество случаев, подтверждающих, что эффективной основой для консолидации становился именно этнический фактор. В условиях же этнического многообразия такую объединяющую функцию может выполнять только наднациональная идеология, какой стала исламская религия.

Второй, очень важный вектор изменения и ослабления роли этнических механизмов идентификации связан с процессами глобализации, которые приводят к формированию в рамках конкретного государства новой национальной идентичности людей. На необходимость различать национальную и этническую идентичность многократно указывали Ю. Хабермас, В. М. Межуев, В. А. Тишков и др. Так, последний отмечает: национальная идентичность понимается «как общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним» [9, с. 470]. Таким образом, речь идет о сосуществовании двух моделей идентичностей: этнокультурной и государственной, групповой и гражданско-политической.

В разных странах соотношение между этими двумя векторами идентичностей могут складываться совершенно по-разному. В одних странах, например во Франции, этнополитика в основном ориентирована на минимизацию этнических различий, ассимиляцию североафриканских иммигрантов в местную культуру и формирование единой французской нации. В Германии же несколько по-иному построена этнополитика, нет попыток ассимиляции иных этносов. Напротив, имеет место политика формирования единой немецкой политической нации без ликвидации этнической идентичности турецких иммигрантов.

Как отмечает Роджерс Брубейкер, «идея, что североафриканские иммигранты должны стать французами, воспринимается в большей степени как нечто вполне естественное, чем идея, что турецкие иммигранты должны стать немцами» [2, с. 86].

Достаточно противоречивой выглядит, например, этническая карта Испании. С одной стороны, большинство жителей страны, в том числе и кастильцы, считают себя испанцами и не идентифицируют себя с определенной этнорегиональной идентичностью. А вот каталонцы и баски болезненно воспринимают такую этнопсихологию и настроены бороться за свою этническую идентичность, вплоть до отделения от страны.

Совершенно по-другому выглядит технология формирования украинской политической нации, где осуществляется принудительная ассимиляция русского, венгерского, румынского и других этносов без всяких намеков на национальную и культурную автономию и на свободу выражения своей этнической идентичности.

Наконец, модель соотношения этнической и национальной идентичности, которая складывается в России. С одной стороны, огромное многонациональное и поликонфессиональное федеративное государство не может не формировать единую для всех граждан национальную или государственную идентичность. С другой стороны, наша модель развития, отличная от либеральной европейской траектории развития, предполагает формирование общегражданской или национальной идентичности не за счет ассимиляционных механизмов и ослабления роли этнических факторов идентификации, о которых мы говорили, а, напротив, ориентирована на рост этнического самосознания, соблюдения прав на свою культурно-национальную автономию. Формирование национальной и этнической идентичности предполагает их согласованное взаимодействие, синергию единства, а не утверждение одной идентичности за счет ослабления другой.

Но как бы исторически ни складывалась диалектика национальной и этнической идентичности в той или иной стране, должны соблюдаться некоторые общие правила.

Во-первых, механизмы этнической и надэтнической идентификации и их диалектика не остается без изменений. В самом начале исторического развития этническая идентификация была определяющей и исходной. Усиление действия надэтнических идентификаторов приводит к изменениям этнических детерминант человеческой и социальной идентификации. В странах, охваченных глобализацией и постмодернизмом, символика этнической идентичности перестает играть социально значимую и существенную роль. Происходит размывание рамок идентичности, последняя представляется чем-то, что может надеваться и сниматься, вроде костюма. Главное, чтобы была свобода в этом выборе [1, с. 186—187].

Во-вторых, было бы ошибкой «цепями» привязывать человека и социумы к определенной идентичности. Все меры принуждения в этом вопросе, кроме роста напряженности и сопротивления внешним усилиям, ни к чему хорошему не приводит. Не секрет, что современная драматическая ситуация в Украине началась с внешне безобидных ограничений в выражении своей языковой и культурной идентичности для национальных меньшинств.

В-третьих, недопустим отход от объективного подхода к динамике различных форм этноконфессиональной идентичности в угоду идеологическим и политическим целям и их искусственное конструирование. Некоторые признаки такого конструирования мы замечали при обосновании концепта советского народа как новой исторической общности людей, в котором чувствовалась определенная умозрительность, идеологичность и искусственность.

Примерно такие же по форме процессы этнической и надэтнической идентификации происходили в социалистической Югославии, когда всех считали единой нацией, пока местный национализм и кровавые войны не вынудили их сделать выбор в пользу той или иной этнической группы, некоторые из них были просто «сконструированы» на ходу («мусульмане Боснии и Герцоговины»), чтобы оправдать аргументы силы» [8, с. 168].

Любые формы идентичности субъекта: полоролевая, возрастная, личностная, коллективная, профессиональная, конфессиональная, этническая и т. д. — не должны утверждаться «сверху», извне, а должны формироваться на базе естественных, объективных, внутренних процессов и детерминант. Иначе они будут выступать как идеологический и политический конструкт, как пустоцвет на живом дереве культуры.

Ф. Энгельс в своей работе «Анти-Дюринг» замечал, что «мышление, если оно не желает делать промахов, может собирать в единство лишь те элементы сознания, в которых — или в реальных прообразах которых — уже раньше существовало это единство. Если я подведу сапожную щетку под единство понятия «млекопитающее», то от этого у нее еще не появятся молочные железы» [10, с. 41].

В-четвертых, в условиях европоцентризма и марксизма вся социально-гуманитарная наука была построена по западным лекалам развития и оценки. Сейчас мы существенно изменили свою мировоззренческую ориентацию и отказались от многих универсалий общественного развития. Больше стали обращать внимание на иные незападные траектории развития и на возрождение традиционных ценностей. Стало понятно, что имеются и другие «не западные» идентенты цивилизационного развития, иные, нелинейные версии в диалектике этнического и общечеловеческого в культуре, возможно даже не ведущие к формированию новых вне- и надэтнических форм общностей людей.

Человек, привыкший к таким западным историческим аналогиям, может возразить: с какой стати мы должны выдумывать новые траектории развития, ведь есть апробированный человечеством путь постепенной замены этнического многообразия национальным однообразием; есть же понятия «американская нация», «французская нация», консолидирующие многочисленные диаспоры и племенные группы в единое гражданское общество. Почему бы не пойти сразу по этой модели развития?

Западная или универсалистская модель развития и действия идентификационных механизмов в направлении стирания

этноконфессиональных различий — это разве единственный путь развития? По мнению А. А. Зиновьева, «убеждение, будто различные социальные системы суть ступени в развитии одного и того же абстрактного «человечества» и будто любой народ может пройти эти ступени в своей эволюции, ложно фактически и с настоящей точки зрения» [3, с. 53].

В-пятых, в числе исследовательских установок для изучения механизмов человеческой идентификации действовала следующая формула: появление и научное признание новых механизмов этнической и надэтнической идентификации оправдано лишь в условиях, когда прежние формы этнической консолидации людей перестают действовать или становятся неэффективными. При сохранении и даже усилении действия современных этнических факторов, по причине роста коллективного и индивидуального национального самосознания, вводить новые общности — это значит запутывать и усложнять и так сложные вопросы.

При такой установке действовала дихотомическая матрица: или этническая идентичность, или надэтническая идентичность. Они действуют по оппозиционным векторам, мешают друг другу. Поэтому становление всех перечисленных выше и других форм надэтнической идентичности возможно только при ослаблении действия механизмов этнической идентичности, как это действительно происходит в странах западной либеральной культуры. Практика российского государственного строительства и опыт формирования гражданского общества показывает на возможность не только полиэтнической идентичности, но и гармонического и синергичного сосуществования различных форм этнической и надэтнической идентичности.

В-шестых, конечно, в качестве футурологического проекта можно и нужно говорить о полной надэтнической идентичности человека в далеком будущем. Но в таком случае она перестает быть этнической. В этом плане правильной является следующая парадоксальная мысль: наивысшая ступень в развитии этнической идентичности — это отсутствие ее как таковой, когда человеку становятся безразличными и неинтересными

всякие этнокультурные менталитеты и приоритеты, когда он перестает видеть и ощущать какие-то существенные этнические различия людей и перестает дифференцировать их по конкретным признакам.

Литература:

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002. — 390 с.
2. *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами идентичности // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115.
3. *Зиновьев А. А.* Запад. — М.: Алгоритм, 2024. — 416 с.
4. *Кафаров Т. Э.* О полиэтнической идентичности человека: постановка проблемы // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Ценности познавательных культур в концептуальных идеологиях». 14–17 сентября 2023 г. Махачкала, 2023. С. 47–52.
5. *Кафаров Т. Э.* Основные векторы этнической идентификации в условиях глобализма // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Межцивилизационный диалог как фактор сохранения этнокультурного многообразия России в условиях глобализации». 22 марта 2022 г. Махачкала. — Махачкала, 2022. С. 13–19.
6. *Кафаров Т. Э., Халиков А. С., Рагимов А. А.* Гражданская и религиозная идентичность: соотношение, перспективы, актуальные проблемы // Религиозный фактор и его роль в общественно-политической сфере общества: реальность и перспективы. Сб. материалов IX Всероссийской научно-практической конференции, 15–16 декабря 2022, г. Махачкала. — Махачкала: АЛЕФ, 2022. С. 93–99.
7. Надэтническое. Надэтничность // URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 28.05.2025).
8. *Тишков В. А.* Этнология и политика: ст. 1989–2004 годов. — М.: Наука, 2005. — 382 с.

9. *Тишков В. А.* Что есть Россия и российский народ // Наследие империй и будущее России / Под ред. Л. И. Миллера. — М.: НЛО, 2008.
10. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 20. — 858 с.

ЭТНИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ В ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

*Гезалов А. А.,
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН, г. Москва*

Аннотация: Актуальность этой проблемы связана с тем, что в современном мире человек сталкивается с необходимостью балансировать между противоречивыми тенденциями. С одной стороны, усиливаются процессы глобализации [7; 8; 1, с. 167–169; 2, с. 64–66; 3] и объединения, а с другой — обостряются различия, в том числе культурные, национальные и конфессиональные. В таких условиях вопрос этнической идентичности перестает быть лишь предметом научного анализа и превращается в важный фактор, влияющий на самоопределение личности и модели поведения в поликультурной среде.

Ключевые слова: философия, социальная трансформация, трансформация, глобализация, культура, идентичность, этнокультурная идентичность.

ETHNIC AND CULTURAL IDENTITY IN AN ERA OF SOCIAL CHANGE

*Gezalov A. A.,
Federal Scientific Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

Abstract. The urgency of this problem is related to the fact that in the modern world, people face the need to balance between contradictory trends. On the one hand, the processes of globalization and unification are intensifying, and on the other, differences, including cultural, national and confessional ones, are becoming

more acute. In such conditions, the issue of ethnic identity ceases to be only the subject of scientific analysis and turns into an important factor influencing the self-determination of an individual and behavioral patterns in a multicultural environment.

Keywords: philosophy, social transformation, transformation, globalization, culture, identity, ethnocultural identity.

Трансформация этнокультурной идентичности — это изменение представлений человека о своей принадлежности к определённой этнической общности, её культуре и традициям. Этот процесс во многом обусловлен влиянием глобализации, как новый тип социальной трансформации [6, с. 12]. И как справедливо отмечают академик М. К. Горшков и профессор С. Н. Комиссаров, именно глобализация является ключевым внешним фактором, влияющим на культурные трансформации [4, с. 171].

Этнокультурная идентичность, сочетающая этнические и культурные аспекты самосознания, давно вышла за рамки классической этнографии и этнологии. Сегодня её изучение носит междисциплинарный характер, объединяя подходы различных социально-гуманитарных наук. Глобализация придаёт этнокультурным процессам новую динамику, создавая широкое поле для научных исследований. В последние годы особую актуальность приобретает анализ трансформации этнокультурной идентичности, поскольку её роль в обществе продолжает возрастать.

Этническая идентичность представляет собой значимый компонент общей социальной идентичности человека. Как отмечает Л. М. Дробижева, она включает не только процесс самоопределения, но и формирование образа своего народа, его языка, культуры, исторической территории и интересов, а также эмоциональную привязанность к этим составляющим [5, с. 214—228].

Этнокультурная идентичность формируется через три ключевых компонента: осознание своей принадлежности к этнической группе (знание её традиций, истории и особенностей), эмоциональное отношение к этой принадлежности (чувство

гордости, стыда или безразличия) и практическое выражение идентичности в повседневном поведении и межэтническом взаимодействии [9, с. 214–220].

Современные трансформации этнокультурной идентичности обусловлены комплексом взаимосвязанных факторов. Глобализационные процессы уменьшают влияние национальных государств, а тенденция к индивидуализации ослабляет традиционные связи личности с этнокультурными сообществами. Массовая культура, стирая уникальные культурные особенности, способствует уменьшению эмоциональной связи индивида с родной культурной традицией. Парадоксальным образом та же глобализация создает условия для культурного синтеза, позволяя современному человеку формировать сложную, многокомпонентную идентичность, сочетающую элементы различных культурных систем.

Важность изучения этнокультурной идентичности обусловлена фундаментальной потребностью личности в самоидентификации и поиске своего места в мире. В современном глобализированном обществе именно принадлежность к культурно-символическому пространству определенной социальной группы становится важнейшим источником психологической стабильности и ощущения сопричастности. Это пространство, очерченное общими ценностями и символами, служит своеобразной границей, сохраняющей целостность сообщества, — при ее размывании исчезает сама основа группового единства.

Историческая динамика групповой сплочённости демонстрирует эволюцию объединяющих механизмов: в доиндустриальную эпоху интеграционную функцию выполняла этническая культура, тогда как в индустриальном и информационном обществах эту роль взяла на себя национальная культура. Особенно наглядно эта тенденция проявилась в европейском социокультурном пространстве, где на протяжении XIX–XX веков национальная идентичность выступала доминирующей формой коллективного самосознания.

Сегодня кризис национальной идентичности стал особенно заметен на фоне глобализационных процессов, радикально преобразующих мировое устройство. Современная эпоха характеризуется постепенным отходом от прежней системы с четкими национально-государственными границами. Суверенные государства уже не играют прежней ключевой роли в международных отношениях, делегируя значительную часть своих полномочий наднациональным структурам — экономическим альянсам, военно-политическим коалициям и трансграничным институтам.

Современные глобальные трансформации существенно трансформируют привычные механизмы формирования идентичности, лишая индивида устойчивых ориентиров принадлежности. Это порождает феномен «культурной незамкнутости» — состояние, при котором традиционные формы социальной значимости утрачивают свою актуальность, а новые ещё не обрели чётких очертаний. В подобных условиях возникает экзистенциальная потребность в выработке гибких моделей самоидентификации, способных обеспечить чувство сопричастности в условиях меняющейся социальной реальности. Данный процесс сопровождается как кризисом прежних идентификационных матриц, так и формированием инновационных стратегий культурной и социальной интеграции.

В глобальном контексте кризис идентичности приобретает особую остроту в России, что обусловлено уникальным историческим путем страны. На протяжении последних столетий российское общество трижды переживало радикальную трансформацию ценностных парадигм: от православно-монархического уклада к социалистическому строю, а затем к современной эпохе социокультурного разлома. Каждая такая метаморфоза сопровождалась глубоким пересмотром коллективного самосознания, что привело к накоплению «идентификационной усталости» и затруднило выработку устойчивых механизмов культурной самоидентификации в современных условиях.

Кризис национальной идентичности в России во многом связан с утратой традиционной роли гуманитарной культуры как

основы коллективного мировоззрения. В последние десятилетия произошёл разрыв механизмов духовного воспроизводства общества, что привело к образованию ценностно-смыслового вакуума. Отсутствие объединяющего культурно-политического вектора развития заставляет общество искать новые точки консолидации и формы самоидентификации в условиях утраченной мировоззренческой целостности.

В современных условиях особую значимость приобретают научные исследования этнокультурной идентичности, которые позволяют не только проанализировать закономерности её трансформации, но и выявить ресурсы современной культуры для формирования новых идентификационных моделей. Эти исследования становятся важным инструментом для разработки механизмов адаптации традиционных форм идентичности к вызовам глобализирующегося мира, предлагая научно обоснованные пути сохранения культурной преемственности в условиях социальных изменений.

Акцент на изучении культурного наследия и традиционных основ идентичности характерен не только для России, но и для международного научного сообщества в целом. Данная тенденция находит отражение в нормативных документах ЮНЕСКО, а также в стратегических программах развития, где вопросам сохранения культурного наследия отводится важная роль при формировании долгосрочных социально-экономических и политических ориентиров.

Однако современные изменения в сфере этнокультурной идентичности развиваются в разных направлениях, которые не всегда обладают внутренней логикой и выглядят хаотично.

Перед научным сообществом стоит важная задача — всесторонне исследовать природу кризиса этнокультурной идентичности, проанализировать его структурные изменения и изучить специфику российского пути формирования новых идентификационных моделей.

Особую актуальность приобретает необходимость преодолеть существующий разрыв между реальными проявлениями этого кризиса и его слабой теоретической проработкой. Только

глубокое понимание закономерностей и противоречий данного процесса позволит не только прогнозировать дальнейшую трансформацию российской идентичности, но и раскрыть её культурный потенциал для укрепления национального единства.

Современный кризис этнокультурной идентичности представляет собой органичную часть культурно-исторической динамики, отражающую фундаментальные трансформации общества. Этот процесс обусловлен структурной перестройкой идентификационных механизмов под влиянием глобализационных тенденций.

Ключевыми объективными предпосылками данного кризиса выступают: 1) уменьшение регулятивной роли национальных государств в глобализирующемся мире; 2) усиление индивидуалистических тенденций, ослабляющих традиционные формы социальной связанности; 3) глобальное распространение стандартизированной массовой культуры.

Особенно значимым является воздействие массовой культуры, ведущее к нивелированию уникальных культурных особенностей. В результате происходит постепенная эрозия эмоциональной связи индивида с исконными культурными традициями, что существенно снижает их роль в процессах идентификации.

Подводя итоги, можно констатировать бинарный характер современных трансформаций этнокультурной идентичности. Параллельно развиваются два разнонаправленных процесса: с одной стороны — глобализация идентичности через включение транснациональных культурных элементов, с другой — её локализация через активизацию узкогрупповых форм солидарности (этнических, конфессиональных, лингвистических, территориальных). Эта диалектика приводит к усложнению структуры идентичности и формированию её гибридных форм с подвижными, многомерными границами.

Современные изменения этнокультурной идентичности следует понимать не как её исчезновение, а как закономерную трансформацию в условиях социальных перемен. Этот процесс

характеризуется двумя взаимосвязанными тенденциями: относительным ослаблением традиционных национальных форм самоидентификации и одновременным возникновением новых, более сложных моделей культурной принадлежности. В результате сама структура этнокультурной идентичности становится более многомерной и гибкой.

Для верификации данной концепции и глубокого понимания механизмов трансформации требуется: 1) провести исторический анализ эволюции форм этнокультурной идентичности; 2) выявить устойчивые закономерности её развития; 3) определить специфику современных изменений в сравнении с предыдущими этапами.

Такой подход позволит не только подтвердить или скорректировать исходную гипотезу, но и выявить фундаментальные принципы трансформации идентичности в условиях глобальных изменений.

Литература:

1. Гезалов А. А. Глобализация и мировоззрение / Вопросы философии. 2012. № 7. С. 167–169.
2. Гезалов А. А. Глобализация как результат трансформаций / Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сборник материалов международной научной конференции. Челябинск, 18–19 марта 2010 г.: В 2 т. Т. 1 / Под ред. М. Г. Смирнова. — Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2010. С. 64–66.
3. Гезалов А. А. Трансформация общества в эпоху глобализации (социально-философский анализ). — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — 288 с.
4. Горшков М. К., Комиссаров С. Н. Ревальвация культуры и задачи социологии // Россия реформирующаяся: ежегодник: Вып. 17 / Отв. ред. М. К. Горшков. — М.: Новый Хронограф, 2019. — С. 171.
5. Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред.

- М. К. Горшков. Вып.7. — М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214—228.
6. *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы: монография / В. Г. Федотова; Рос. акад. наук. Ин-т философии. — М.: [б.и.], 1997. С. 12; *Гезалов А. А.* Трансформация общества в эпоху глобализации (социально-философский анализ). — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — 288 с.
 7. *Чумаков А. Н.* Глобализация. Контуры целостного мира: монография / 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2017. — 456 с.
 8. *Чумаков А. Н.* Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография / 2-е изд., испр. и доп. — М.: Проспект, 2017. — 496 с.
 9. *Юань Цзяли, Лях В. И.* К вопросу о характеристике этнокультурной идентичности современного общества // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 1А. С. 214—220.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Абдулкадыров Ю. Н.,
Дагестанский государственный технический университет,
ЦЭПИ ДФИЦ РАН, г. Махачкала*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования и перспективы становления и развития цивилизационной идентификации России. Раскрываются новые особенности процесса формирования цивилизационной модели идентичности и факторы, лежащие в основе ее цивилизационного кода. Анализируются влияния как глобальных, так и локальных факторов на процесс формирования цивилизационной идентичности в современной России. Показывается определяющая значимость идентификационных факторов, базирующихся на фундаментальных духовных ценностях, для формирования новой концепции самоопределения России в современных геополитических реалиях мирового развития.

Ключевые слова: российская цивилизация, базисные ценности России, глобализация, этническая идентичность, гражданская идентичность, базисные ценности.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF CIVILIZATIONAL IDENTITY IN MODERN RUSSIA

*Abdulkadyrov Yu. N.,
Dagestan State Technical University,
CEPR DFRC RAS, Makhachkala*

Abstract: The article examines the problems of formation and the prospects for the establishment and development of Russia's

civilizational identity, the foundations of the civilizational model of identity, and the factors underlying its civilizational code. It analyzes the influence of both global and local factors on the process of forming civilizational identity in modern Russia. The defining significance of identification factors based on fundamental spiritual values for the formation of a new concept of Russia's self-determination in the modern geopolitical realities of world development is shown.

Keywords: Russian civilization, basic values of Russia, globalization, ethnic identity, civic identity, core values.

Глобализация принципиально изменила всю динамику процесса мирового развития. Фактически идут процессы как сближения общецивилизационных механизмов хозяйствования, демократизация всей политической жизни, интернационализация экономики, преодоление факторов социальной разобщенности, так и разрушения всей духовно-нравственной культуры, этнической самобытности народов. Для многих народов мира, в том числе и народов, проживающих в России это серьезный вызов, это угроза всему многообразию ценностных основ бытия всех этнических сообществ. Россия в своей первооснове, как известно, формировалась и развивалась как многоэтническое государство и полиэтничность является ее «родовым качеством», и поэтому формула нашего единства не может быть выстроена через разрушение веками сложившегося многообразия. Естественность подобного процесса развития связана с тем, что в каждом отдельном человеке заложены и черты типизации, и черты уникальности, и поэтому процесс единства всего человечества и общая направленность процесса его развития должны однозначно сочетаться с сохранением самобытности этнических сообществ. Каждый этнос должен рассматриваться как уникальное общемировое явление. Именно в таком контексте Россия, осознавая свое Я, свою геополитическую уникальность, положение в мире, исторический опыт многоэтничности и поликонфессиональности, формирует сегодня новые ориентиры своего цивилизационного развития. Соловьев В. С., анализируя

направленность исторического процесса, еще тогда отмечал необходимость такого устройства мира, где при общности нравственных абсолютов обеспечивается полное самобытное развитие каждого элемента, в совокупности с процессами своего самоопределения и самоидентификации должна обеспечивать России целостность и устойчивое развитие. Процессы модернизации и межкультурной коммуникации в совокупности с процессами своего самоопределения и самоидентификации должны обеспечивать России суверенитет, целостность, единство и устойчивое развитие. В решении этих задач особую значимость приобретает фактор российской цивилизационной идентичности, актуальность которой обуславливается в том числе и возрастающей ролью самого цивилизационного фактора в развитии современного многоцивилизационного мира.

Россия в своем историческом развитии, как известно, прошла и через православный цивилизационный этап, и через советский цивилизационный этап и в настоящее время вступила в полосу третьего современного цивилизационного этапа, особенность которого связана с тем, что она формируется на основе исторических культур народов России и призвана временно укреплять целостность и гармонию процесса развития общества, государства и человека [3].

При этом важно отметить, что понимание ее сущностных основ в целом базировались на системообразующих элементах русской духовной культуры, хотя подходы к структурированию самоидентичности цивилизационной идентичности резко отличались друг от друга, а полемика между представителями разных направлений (западниками, славянофилами, модернистами) не утихает и сегодня. Трудности целостной самоидентификации связаны и с тем, что российская цивилизационная общность должна включать в себя в том числе и такие системы, которые могут претендовать на свою собственную цивилизационную общность: кавказская, угро-финская, сибирская, алтайская. Сложность связана и с тем, что они не ограничены территорией современной России и имеют продолжение за ее границами. Кроме того, целый ряд секторов российского

общества являются одновременно частями других цивилизационных общностей, таких, как европейская, христианская, исламская, иудейская, буддийская, духовные центры которых расположены за пределами России. К ним добавляются проблемы, связанные и с существованием этнотерриториальных автономий, где в условиях значимого обострения противостояния универсальных стандартов и ценностей этнокультуры первичную значимость могут придавать исключительно этнической идентичности. В этом плане возможные взрывы этнонационализма может спровоцировать и всплеск русского этнонационализма. Отмеченные факторы как потенциальные угрозы российскому монолитному единству, безусловно, должны учитываться в процессе формирования идентификационного ядра цивилизационной идентичности россиян, который должен не только преодолеть все существующие проблемы, но и создать могучий технологический ресурс конкурентоспособности в современных геополитических реалиях мирового развития. Поэтому выработка всей стратегии формирования политики идентичности для России сегодня приобретает исключительную важность, в том числе и в силу того, что весь коллективный запад, всегда стремится навязать России и ее народам свою модель развития культуры. И сегодня вопрос «Куда идет Россия?» должен в целом более всего гармонизироваться с вопросом «Куда идет человечество?», а не с вопросом «Куда идет коллективный запад?». В силу этого Россия сегодня нуждается в принципиально новых культуроцентрических идеалах, аккумулирующих в себе все историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идеи, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм. Только тогда наша идентичность будет основана на прочном фундаменте, будет обращена в будущее, а не в прошлое.

В этом плане важными факторами интеграции, формирующими в России единый целостный мир, сегодня выступают: демократизация всей политической жизни, решение

общечеловеческих глобальных проблем, образование, наука, транспорт, обмен информацией и культурными ценностями. Кроме того, маркерами культурной идентичности должны выступать: «... язык, способность к воображению, коллективная память вместе с факторами государственности — этатизма, социоцентризма и патернализма — легли в основу базовой структуры культурного кода российской цивилизации» [5, с. 596]. При всем различии ценностей и традиций все ныне существующие культуры имеют несомненную общность, на основе которой должна быть проложена дорога к мировой цивилизационной общности. В этом плане очень важно выстроить логику развития такой общности, исходя из понимания диалектики неизменности сути человеческой природы и изменчивости личностной структуры. При этом очень важно, чтобы процесс коммерциализации человеческих отношений, детерминирующей трансформацию личной структуры, не вел к утрате этнокультурных ценностей, а вел к их содержательному обогащению.

Одним из важных маркеров процесса формирования идентичности в России выступает патриотизм, который в качестве национальной идеи служит консолидирующим фактором российского общества. Его объединительная мощь была продемонстрирована еще в 1999 году, когда банды международных террористов вторглись на территорию Дагестана. Сила его мощи демонстрируется и сегодня в рамках проведения СВО на Украине. Патриотические ценности в нынешних геополитических реалиях фактически превращаются в иммунную систему российского общества, формируя глубинный потенциал процесса становления единых общегражданских, культурных, морально-ценностных оснований идентичности всех россиян [2]. Говоря о факторах формирования российской цивилизационной идентичности, необходимо акцентировать внимание не только на проблемность, но и на позитивный аспект роли этнической идентичности в ее становлении. Сам процесс усиления этнизации в условиях современной России, демонстрируя значимость различия в обретении себя через обращения внутрь себя, одновременно демонстрирует и свой объединительный

потенциал, в том числе и в формировании глобального. «Исторический опыт подтверждает, — пишет по этому поводу Р. Г. Абдулатипов, — что этническая идентичность как приверженность к этнокультуре, традициям, укладу жизни совместима с закономерными стремлениями к сохранению личности (социума) на изменение масштабов своей общности, что ведет в социальной практике к симбиозу этнического, гражданского и даже формированию надгражданского глобального» [1, с. 12]. Поэтому сам процесс формирования российской цивилизационной идентичности должен гармонично сочетать в себе традиционализм, коллективизм и этническое многообразие с объективными тенденциями к универсализации процесса глобализации.

Единство и многообразие действуют только совместно и совокупно. Единство человеческого рода, общая направленность исторического процесса должны сочетаться с сохранением этнической самобытности, разнообразием путей развития всемирной истории, необходимостью учета конкретных условий деятельности. Наблюдаемый процесс усиления дегуманизации человека в современных реалиях при всем том, что он, хотя и не представляет из себя истинное великодушие возрожденческого идеала *Virtus* (латинское — доблесть), но все же он пока еще сумел сохранить свое индивидуальное лицо — условие того, что оставляет ему надежду «быть окликнутым Богом» [6, с. 146]. Процесс цивилизационной интеграции России в мировое цивилизационное пространство сегодня подтверждает необходимость активного ее участия в формировании новых концептов модели мировой динамично глобализирующейся современности. И миссия России сегодня это быть активным созидателем нового глобального мира, в котором части мировой культуры не могут править целым [4].

Литература:

1. Абдулатипов Р. Г. О перспективах человека, этноса, науки // Материалы Всероссийской научной конференции «Философия и практика этнического многообразия и единства

- России / Под ред. М. И. Билалова. — Махачкала: ООО РАЭ «Маг», 2017. с. 11–17.
2. *Абдулкадыров Ю. Н.* Патриотизм как идейная основа формирования российской гражданской нации // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 8. С. 1632–1638.
 3. *Доренко Д. В., Мальченков С. А.* // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Г. 19. № 2. С. 150–160.
 4. *Каргаполов Е. П.* Цивилизационная идентичность России: проблемы и решения // Вестник КемГУ. Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4 № 1. С. 61–69.
 5. *Остапенко С. М.* Цивилизационная парадигма России и становление культурной идентичности // *Nomothetika*. Философия. Социология. Право. 2023. № 49 (3). С. 591–603.
 6. *Романо Гвардини.* Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 144–148.

КОДЫ, СИМВОЛЫ И ЗНАКИ В ЭТНОКУЛЬТУРЕ

*Абакарова Р. М.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. В статье исследуется влияние мифов, символов и знаков на становление этнокультуры и формирование понятия «архетип».

Ключевые слова: миф, символ, образ, этнокультурный архетип.

CODES, SYMBOLS, AND SIGNS IN ETHNIC CULTURE

*Abakarova R. M.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. The article examines the influence of myths, symbols, and signs on the formation of ethnoculture and the functioning of ethnocultural archetypes.

Keywords: myth, symbol, image, ethnocultural archetype.

Мифы и образы сегодня имеют такое же влияние на современного человека, как некогда в жизни первобытных людей. Проблема влияния мифа и ее переплетение в социокультурные процессы рассмотрено в работах А. Лосева, Б. Малиновского, Е. Мелетинского, Ф. Шеллинга, М. Элиаде, Дж. Кэмпбелла. Культура теряет свой творческий потенциал при упадке мифа, его правомерно рассматривать как основу культуры и многообразия ее форм. При этом очень важно определить подходы к мифу, выявить саму логику мифа и его понимание. А. Лосев, который считал, что понять миф можно, только рассуждая на языке мифа, и логика, присущая ему, — это совершенно особенная, не научная логика мифа [1, с. 213], что отражено в его исследовании «Диалектика мифа». А. Лосев говорит о необходимости

понимания мифа «как он есть», с точки зрения мифологического же мировоззрения, а не какого-либо другого (научного, художественного и т. д.).

Модификации одного и того же архетипа проявляются в различных мифологиях, имея в каждой из них свою специфику. Об этом же говорил и К. Леви — Стросс, этнолог, призывающий рассматривать мифологию как некий совокупный мир и изучать его, исходя из его же особенностей толкования. По мнению А. Лосева, миф не есть выдумка, а реальность. Соответственно, для анализа мифа требуются инструменты иного порядка, и одним из таких инструментов становится архетип как бессознательное основание мифа, априорная схема переживания мира, как утверждает К. Юнг в книге «Душа и миф: шесть архетипов» [2, с. 198]. Архетип становится необходимым в исследовании мифа, и если миф определять как форму мышления, то архетипы выступают категориями такого мифологического мышления, содержащие эмпирический (коллективный) опыт, а также шаблоны чувственного реагирования на окружающую действительность. Итак, миф можно считать продуктом непосредственной реализации архетипов. Значение архетипа для современных исследований можно определить как инструмент для анализа культуры и ее явлений. Символы, порожденные архетипом, представлены в изобилии в мифах, миф говорит языком символов, которые отражают глубинные смыслы на понятном нам языке. Однако символ имеет бесчисленное множество значений и интерпретаций, несущих в себе оттенки архетипических представлений. Порой это даже противоречивые значения, но именно амбивалентность символа приближает нас к досознательным формам, архетипам. Чем конкретнее и определеннее символ, тем дальше он от истока в бессознательном. Э. Самуэльс в обширном труде «Юнг и постъюнгианцы» определил архетип как формальное понятие без материального существования, и его следует отличать от архетипических образов и представлений» [3, с. 65]. Попытка провести различия между данными понятиями предпринята в книге К. Юнга «Архетип и символ» [4].

Образ этнокультурного архетипа распространяется не только на организацию окружающего мира, макрокосмоса, но и на членов этноса как символа микрокосмоса. Исследуя женские украшения у дагестанских народов, можно заметить, что они помогают выстроить человека в соответствии с его духовно-пространственным положением в мире, определяют топографию человеческого тела, структурируют [4]. Украшения в дагестанской культуре, подобно аналогичным представлениям в мировой культуре, позволяют осуществить некий переход в иное пространство, в иной мир. И тут мы опять встречаем отсылку к сфере идеального, архетипического, сакрального, потустороннего через реальный предмет. Следовательно, существует некая идеальная структура, уподобить и уподобиться которой стремится человек в традиционной культуре, схема, которая выражает соотношение человеческого тела и космического пространства. Эту схему можно попытаться рассмотреть в комплексе архетипа Горца и Горянки. В архетипе национального танца эта схема структурирования пространства и тела может проявляться через рисунок танца, танцевальные движения, указывающие на манеру двигаться в пространстве, манеру осваивать его. Архетип, как он есть у Юнга, не носит оттенков оценочных или моральных. В то время как этнический архетип включает набор специфически направленных ценностных ориентаций, с позиции Г. Гессе «...первобытные силы выше морали» [5].

При исследовании этнокультурных архетипов важно подчеркнуть, что, в отличие от юнговских архетипов, речь идет не о самих архетипах, а с их выражениями, с архетипическими образами, указывающими на нечто в глубинах традиционномифологического, которое с течением времени, возможно, приобретает ценностное содержание. Архетип сам по себе не морален и не имморален, не прекрасен и не безобразен, не осмыслен и не враждебен смыслу, но в нем заложены открытые возможности для предельных проявлений добра и зла, — пишет С. Аверинцев [6, с. 125]. Структура этнокультурного архетипа многослойна, в основании которой лежит адаптивно-адаптирующее,

а ценностные и моральные установки являются формами или надстройками над глубинными образами. Однако, «Архетип, как таковой, существенно отличается от исторически ставших или переработанных форм» [2, с. 99], — резюмирует Юнг.

Как было отмечено ранее, под этнокультурным архетипом понимается уже не только та непредставимая форма в культуральном бессознательном, но и совокупность приобретенных на ее основе качеств, норм, традиций и т.д., причем такой архетип способен вбирать в себя опыт предыдущего поколения и проявлять себя в различных новых модификациях с учетом временных изменений. Сложно говорить о том, что ценности полностью предопределены архетипами, потому что тогда они бы весьма трудно поддавались изменению и переосмыслению, что остановило бы развитие человека. Важно помнить, что этнокультурный архетип— это не жесткий образ, это некий потенциал, стремление.

Многие исследования сегодня представляют архетип формирующим духовные константы культуры или духовную матрицу (Тлеуж А. Д., Мони́на Н. П.), называют их носителями «извечных» аксиологических смыслов (Щепановская Е. М.). Н. В. Перунова пишет о введении особого ценностно-архетипического комплекса, где архетипы, наряду с ценностями, образуют ядро культуры, но не связывает их между собой в отношении первичности и вторичности. По сути, идея этого комплекса представлена как попытка решения вопроса с существованием ценностного аспекта архетипа [7, с. 37–39].

При рассмотрении этнокультурных архетипов сам подход предполагает некоторое абстрагирование от мировой универсальности и рассмотрение в плоскости специфических, этнических образов, а значит, предполагается больше конкретики, локальной реализации глубинного архетипа. Однако правильной будет и опора на изначальный глубинный архетип, с фиксацией надстроенных уникальных этнических черт. К. Юнг считал сознательное безусловно связанным с бессознательным и, более того, отводил им место в основании культуры. По его выражению, архетип, как таковой, исследователи этнокультур

правомерно представляют в качестве базисного их элемента этикет и традиции. Так, А. Тлеуж, выявляя специфику адыгской культуры, приходит к выводу, что «адыгэ хабзэ», моральный кодекс адыгов, является этнокультурным архетипом [8]. Хотя, как нам кажется, в данном случае происходит некая замена термина, но нельзя не согласиться, что «адыгэ хабзэ» формирует духовную составляющую адыгов. Однако, при исследовании этнокультурного архетипа определяющее значение имеет мораль в традиции как составная часть комплекса, не исчерпывающегося только ею. Традиция выполняет схожую с архетипом роль и предстает формой выражения этнокультурной традиции, включающей в себя ритуал, общественное мнение (обычай), мораль, науку, обычное право, танец, эпос, декоративно-прикладное искусство как его структурные компоненты.

Сосуществование на общей территории позволило народам Дагестана выработать обязательную общую систему правил поведения. Этикет, являющийся по нашей классификации составной частью этнокультурного архетипа, несомненно, берет на себя часть функций по наследованию опыта от предшествующих поколений к следующим. Этические представления прошлого дают возможность познакомиться с ментальностью и культурой предков. Этикет демонстрирует специфику отличий образа жизни, нравов определенной этнокультуры от всех прочих. По существу, этикет может сам выступать знаком, передающим специфику культуры. Наше исследование включает этот знак в систему этнокультурного архетипа наряду с остальными компонентами. Ведь простое подражание горскому этикету не находит подкрепления в культуральном бессознательном отличной этнокультуры. Перед нами вновь встает проблема архетипа и симулякра. Причем актуальна она и внутри самой этнокультуры: прошлые представления находят отклик только тогда, когда имеют потенциал развития в будущем. Этикет, как регламентированная система, отличается консервативностью, изменения происходят лишь в его формальных признаках, не затрагивая глубинные основания. Это значит, что сам по себе он является неким шаблоном, базирующимся на чем-то большем.

Исходя из этого, сам этикет неправомерно возводить в статус этнокультурного архетипа ввиду его консервативности. Уместнее представить его включенным в архетип, таким образом обеспечивая ему базу в глубинных слоях ментальности, а значит, открыть и возможность к вариациям и изменениям. Отличительными признаками дагестанского этикета значатся учтливое обхождение с людьми старшего возраста, гостями, вежливое обращение с женским полом. Естественным является процесс отмирания несоответствующих времени пережитков. Например, этнографы свидетельствуют, что в былые времена горянка не могла показаться с непокрытой головой перед посторонними мужчинами. Возможно, это соотносится с архаичными представлениями о сакральной сути женщины, чей образ, например, фигурирует в мифе об охотнике и богине, которая скрывает свой истинный облик, а открываясь охотнику, считает его причастным к некоей тайне и накладывает на него табу. С приходом патриархального строя такие представления могли исказиться и вылиться в форме строгих запретов для самих же женщин. Известны также в народном творчестве сюжеты, где невестка превращается в птицу, испытывая стыд по поводу того, что свекор увидел ее за расчесыванием волос. В настоящее время табу на демонстрацию волос или строгое требование ношения платка находится в стадии секуляризации, сохраняясь по большей части в селах. В то же время наблюдается волна возобновления традиции ношения платка, но уже в русле исламизации. Является ли эта волна компенсацией глубинной потребности, сформированной горской традицией, нам еще предстоит выяснить.

Литература:

1. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / Сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. — М.: Мысль, 2021. — 558 с.
2. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / Пер. с англ. — Киев.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996.

3. *Самуэльс Э.* Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. Пер. с англ. М.: ЧеРо, 1997. С. 65.
4. *Юнг К. Г.* Архетип и символ / К. Г. Юнг. — М.: Ренессанс, 1991. — 304 с.
5. *Гессе Г.* Письма по кругу / Пер. с нем / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Д. Седелник. — М.: Прогресс, 1987. С. 110.
6. *Аверинцев С. С.* «Аналитическая психология» К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы. 1970. № 3. С. 125.
7. *Перунова Н. В.* Ценностно-архетипический комплекс // Вестник Омского университета. 2010. № 3. С. 37—39.
8. *Тлеуж А. Д.* Этнокультурные архетипы адыгского народа: опыт философско-культурологического осмысления: дисс... д-ра. филос. наук: 24.00.01 / Краснодар, 2017. — 320 с.

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ДОСТОИНСТВА ПРАВОСЛАВИЯ, ИСЛАМА И СУФИЗМА В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

*Фаттахов Р. А.,
Казанский государственный университет культуры,
Общественный фонд татарской культуры
Республики Татарстан им. Р.Вагапова, г. Казань*

Аннотация. В статье рассмотрены религиозные блоковые ценности православия и ислама как онтологические основания единства российской культуры. Автор усматривает в этих основаниях содержание особого типа согласия в функциях и целостности государства. Осмыслены интегративные достоинства христианского православия, ислама (в его суфийской, наиболее значительной для евразийства версии) в российской культурогенезе.

Ключевые слова: православие, ислам, суфизм, онтологические основания, согласие, целостность, культура.

INTEGRATIVE VIRTUES OF ORTHODOXY, ISLAM AND SUFISM IN RUSSIAN CULTURE

*Fattakhov R. A.,
Kazan State University of Culture,
Public Foundation of Tatar Culture
of the Republic of Tatarstan named after R. Vagapov, Kazan*

Annotation. The article examines the religious block values of Orthodoxy and Islam as the ontological foundations of the unity of Russian culture. The author sees in these grounds the content of a special type of consent in the functions and integrity of the state. The integrative virtues of Christian Orthodoxy and Islam (in its Sufi

version, the most significant for Eurasianism) in Russian cultural genesis are understood.

Keywords: Orthodoxy, Islam, Sufism, ontological foundations, harmony, integrity, culture.

На настоящей конференции ключевым вопросом представляется возможность интеграции блоковых ценностей духовной жизни Российского государства, его многонациональной культуры. В своей монографии «Согласие. Социально-философский анализ» в одном из разделов Муху Гимбатович Алиев специально рассматривает государство как полифункциональный институт согласия, считая его превосходящим по своей «интегративной энергии, организованности и воздействию на формирование в обществе человеческого согласия в деятельности, общении и поведении» [1, 225] все другие институты — труда, церкви, системы образования, науки и др. Автор усматривает содержание этого типа согласия в онтологических основаниях и функциях государства [1, 240].

Отталкиваясь от этой методологической позиции, в данной статье мы рассматриваем интегративные достоинства православия, ислама и суфизма в российской культуре. Мы намереваемся выступить на конференции по направлению: «Этнические и религиозные ценности в структуре многонациональной культуры». Каковы этнические, религиозные и национальные основания в эволюции российской культуры? На наш взгляд, говоря об онтологических основаниях государства в сфере культуры надо исходить из объективных обстоятельств, обретающих с ходом истории характер незыблемых, неизбежных глубинных причин функционирования государства. Да, конечно, речь не идет о детерминизме сугубо материальных факторов — географии, месторазвитии, климатических и ландшафтных детерминантах эволюции государства.

Но духовность субстанция материальная по силе скрепления социума, притом не менее значимая, чем природно-географические факторы. Для Российского государства такой онтологией стала отчасти религия. На огромных просторах

евразийства на смену разрозненным языческим и мифологическим образованиям и традициям тысячелетия набирало силу тенгрианство. «Духовную культуру тюрков отличал монотеизм, вера в Бога Небесного (Тенгри). Когда в глубокой древности вера объединяла этнически разные племена Древнего Алтая, они стали союзниками, представителями новой духовной культуры — Единобожия» [2, 137]. Версия не лишена этнологических и археологических оснований.

Это тысячелетнее духовно-религиозное единство не могло не сказаться на последующем формировании огромного государственного образования, на векторе его дальнейшей многовековой эволюции в формате русского государства. «Московское государство в XVI—XVII веках развивалось с опорой на восточно-исламские политико-властные подходы. Все эти позитивные для укрепления российской государственности, интеграции российского общества процессы способствовали сближению русского и мусульманских народов, православия и ислама» [3, 52].

Эта онтология духовно-религиозного единства обретает поистине мистический характер, в своей абсолютизации божественного духа. «Так как Единый по своему понятию есть свободный разумный дух, то способ его необходимого проявления тоже должен быть духовным»..., таким объективно сущим, т. е. всеобщим и необходимым... выступает *свободный нравственный дух*. Его наиболее развитой формой, подлинной *действительностью* является государственное устройство народной жизни. Поэтому Единый с необходимостью полагает себя в такой единственной форме, в которой его понятие, свободная субъективность, должна совпасть с действительностью свободы и тем завершить процесс Его осуществления в мире» [4, 12–13]. Возможно, в таком осмыслении интегративных достоинств христианского православия, ислама (в его суфийской, наиболее значительной для евразийства версии) в российском культурогенезе, точнее, социогенезе, есть некое гипостазирование и доля напыщенности, но исторической правды также немало.

Иначе эта интеграция не выдержала бы исторических испытаний революций и других социальных переломов, в особенности Великой Октябрьской революции 1917 года. Вождь этой революции подчеркивал, что в условиях антагонистического общества в пределах одной и той же национальной культуры существуют прямо противоположные тенденции: есть культура народная, демократическая и культура эксплуататорских классов. «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре, — писал Ленин. — Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова». Пролетарская культура берет из каждой национальной культуры «...только ее демократические и ее социалистические элементы...» [5, 225]. Как известно, В. И. Ленин не имел в виду в этих элементах ни православие, ни ислам. И его благие намерения о создании «подлинно свободной культуры», практическое решение вопросов о социальном статусе искусства, его свободного развития, творческом взаимовлиянии культуры художника и культуры общества в условиях Российского государства остались на полпути.

Но религии в нашем отечестве выжили и выстояли. Хотя и затем наступили разрушительные для СССР, а затем и новой России десятилетия слепого подражания Западной Европе и США и духовного раздвоя, неразберихи и сумбура либеральной демократии. Формальное и правовое возвращение традиционных религий — православия и ислама, с которыми были связаны надежды многих на нравственное и гуманистическое возрождение России далеко не оправдались. Хотя история наших народов в очередной раз свидетельствовала об онтологии духовно-религиозного единства, что «объединение религиозных и нравственных регуляторов произошло в силу того, что они дублировали друг друга, причем религия с самого начала претендовала на идеологическое обоснование и освещение всех норм и обычаев». Заметна была эффективность исламской религии, в которой «религиозные верования не только составляли внешние формы общественной жизни как традиционное

одеяние цивилизации, но и в качестве идеологии стремились внутренне объединить мусульманские народы» [6, 45]. С трудом, но преодолевались противоречивые обстоятельства в культуротворчестве, когда господствующая почти официально парадигма западного философствования приоритет отдавала уму, как монопольному носителю трансцендирующего начала в человеке, а мусульманство в лице суфизма — сердцу, а «православие рассматривало эти два начала скорее как равноценные и стремилось к их гармонизации» [7, 81].

Интегративные достоинства православия, ислама и суфизма в российской культуре проявили себя и в сглаживании побочного негатива доминирования религии: «...Усваивая национальную специфику народных традиций, обычаев, фольклорных произведений и приспособлявая ее к культу, духовенство конфессионализирует некоторые этнические особенности» [6, 46], что так же не способствует сохранению и развитию традиционных ценностей национальной культуры. Кроме того, развязанная полвека назад оголтелая идеологическая агрессия интернет-СМИ, опирающаяся на превосходящие во много раз технологическую мощь России, также создала деформации в отечественном образовании, культуре, науке. Неслыханный «рост разных видов нетерпимости агрессивности» сплелись в один узел исламофобии и русофобии. «Свидетельство тому — «война карикатур», начавшаяся с изображения пророка Мухаммеда в датских, вслед за ними других европейских изданиях, что породило масштабные протесты мусульман и актуализировало проблему отношений исламского и христианского миров в целом. Достаточно сослаться на протестную реакцию мусульман на речь Папы Римского Бенедикта XVI, который процитировал одного из последних византийских императоров Мануила II Палеолога, где пророк Мухаммед характеризовался в воинствующем духе» [8, 127–128].

Теперь, «после длительной стадии исторического развития в стиле европейничества перед Россией стоит задача сложнейшего в ее истории метафизического, умственного, психологического и даже религиозного конституирования без

исторического аналога» [9, 348]. Будем надеяться, что рассмотренные выше онтологические основания и факторы духовно-религиозного единства «создали условия для позитивного, постоянно действующего межконфессионального диалога, способного на постоянной основе синтезировать важнейшие элементы двух политических культур, укрепить политико-правовую основу евразийской российской государственности» [3, 52]. Согласен с известным культурологом и философом Э. Тагировым: «Преображения себя и переустройство Евразии — ее карма. Благо в том, что этот вектор вписан в глобальный тренд перемещения мирового ядра концептуально-творческого лидерства с Запада на Восток» [9, 348].

Литература:

1. *Алиев Муху*. Согласие. Социально-философский анализ. — М.: Республика, 2001. — 287.
2. *Курячая М. А.* Евразийство в контексте историко-географической концепции Мурада Аджи // Казанский международный конгресс евразийской интеграции. 2022 / Сост. Р. А. Шагеева. — Казань: Медицина, 2022. — 360 с. С. 130—140.
3. *Саидов А. А.* Исламский фактор российской государственности в доимперский период // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 1. С. 41—54.
4. *Чочаев Ш. Ю.* Социально-философский идеал в религиозной философии восточного перипатетизма: Концептуальный анализ. Автореферат дисс... канд. филос. наук. — Ростов-на-Дону, 2024.
5. *Ленин В. И.* О литературе и искусстве / В. И. Ленин. — М.: Художественная литература, 1986.
6. *Ахмедова А. С.* Соотношение этнического и конфессионального в культуре народов Дагестана [Текст]: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. г. Махачкала. 25–26 сентября 2008 г. / Отв. ред. М. И. Билалов. — Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008. — 234 с. С. 44–46.

7. *Манько Л. И.* Ценность духовного опыта суфиев в современном мире [Текст]: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. г. Махачкала, 25–26 сентября 2008 г. / Отв.ред. М. И. Билалов. — Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008. — 234 с. С. 79–82.
8. *Тагиров, Э. Р.* Феномен культуры на фоне разлома Истории / Э. Р. Тагиров. — Казань. Логос-Пресс, 2023. — 360 с.
9. *Тагиров Э. Р.* Россия—Евразия: цивилизационный выбор// Казанский международный конгресс евразийской интеграции. 2022 / Сост. Р. А. Шагеева. — Казань: Медицина, 2022. — 360 с. С. 347–348.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

*Алилова К. М.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. В статье описывается экологическая ситуация, сложившаяся сегодня в мире. Проблема взаимодействия человека и природы с давних пор волнует ученых, философов, исследователей. Рост тематических исследований дал возможность определить новый путь в создании глобального экологического сознания, экологической нравственности, формировании взгляда на человека как часть природного мира в историческом плане, нереальность продолжения жизни рода человеческого, если окружающая его природа не будет сохранена. К сожалению, мировая общественность еще не знает, какая концепция природопользования может сохранить природу.

Ключевые слова: экологическая ситуация, природный мир, природопользование.

ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF MODERN CIVILIZATION

*Alilova K. M.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. This article describes the current global environmental situation. The problem of interaction between humans and nature has long preoccupied scientists, philosophers, and researchers. The growth of research topics has enabled a new approach to developing global environmental awareness and environmental ethics, shaping a view of humans as part of the natural world in a historical context, and the impossibility of the continued existence of the human race without preserving the natural world. Unfortunately, the global

community still lacks a clear understanding of the concept of environmental management that can preserve nature.

Keywords: environmental situation, natural world, environmental management.

XXI век стали называть «столетием окружающей среды». И это не просто красивая фигура речи. Сегодня мыслители самых разных мировоззренческих ориентаций говорят о том, что современная человеческая цивилизация входит в состояние беспрецедентного кризиса. Суть его в перенапряжении основных параметров бытия общества, что находит отражение в увеличении числа глобальных проблем, их углублении.

Возникновение глобальных проблем человечества является признаком того, что необходимы новые общепланетарные принципы организации общественной жизни как единого мирового целого.

Требование сегодняшнего дня — поиск точек соприкосновения для решения гуманнейшего вопроса — сохранения человечества.

Стабильность развития человеческого общества будет во многом определяться способностями человечества воплотить в своем сознании и практической деятельности принципы морали и нравственности, соответствующие опыту общественной организации.

Независимо от того, к каким исследовательским школам принадлежат ученые, они едины в том, что дальнейший рост производства приведет к опустошению Земли и экологической катастрофе. Сегодня экологическим проблемам уделяется значительное внимание во всем мире. Ими занимаются на уровне ООН, главы ведущих государств мира, различные общественные и религиозные организации. Например, на конференции ООН по окружающей среде и развитию, которая состоялась в июне 2024 года в Баку, ее участники пришли к парадоксальному на первый взгляд выводу: путь, по которому пришли к своему благосостоянию промышленно развитые страны, не может быть всеобщим для всех стран. Подчеркивается

необходимость комплексного подхода, объединяющего усилия разных стран и регионов для достижения целей устойчивого развития. Бакинская декларация станет важной вехой на пути к углеродно-нейтральному будущему, способствуя укреплению международного сотрудничества и ускорению действий по борьбе с изменениями климата [1].

Еще в 1992 году в Рио-де-Жанейро модель развития современных промышленно развитых стран признана ведущей к катастрофе и в связи с этим провозглашена необходимость перехода мирового сообщества на рельсы устойчивого развития, обеспечивающего полный баланс между решением социально экономических проблем и сохранением окружающей среды, удовлетворением основных жизненных потребностей нынешнего поколения с сохранением таких возможностей для будущих поколений [3, 4].

Перенос научных методов на другие сферы человеческого бытия поначалу был неизбежен в силу их практической эффективности. Однако практическая полезность, ставшая основной доминантой, вытесняет другие проблемы, в частности духовного характера, на периферию бытия. В 1938 году Й. Хёйзинга справедливо отметил, что наука, не сдерживаемая уздой высшего морального принципа, без сопротивления отдает свои секреты гигантски развивающейся, толкаемой меркантилизмом технике, а техника, еще менее удерживаемая высшим принципом, на котором держится культура, создает с помощью предоставленных наукой средств весь инструментарий, который требует от нее организм власти [5, 287].

Бездуховный человек трагичен тем, что он не знает своей бездуховности, видит смысл в материальном, забывая о более высоком своем предназначении. Н. А. Бердяев писал, что кризис современной культуры начался уже давно. Он сознавался еще великими творцами. Войны, революции, внешние катастрофы только обнаруживали вовне внутренний кризис культуры [2, 25]. И вот этот кризис становится глобальным и захватывает такую сферу, как окружающая среда, показывая, как опасны бездуховность и безразличие, ведущие к кризису человека.

Гармонизация взаимоотношений человека с природой — одно из необходимых условий общественного развития, поэтому необходимо определить не только экономические, технологические, социальные, но и духовно-нравственные условия и основания решения экологических проблем. Целью общественного развития должно стать создание такого общества, которое будет способно разрешить экологические проблемы и обеспечит человеку не только благоприятное окружение, но и возможность удовлетворения его потребностей, всестороннего культурного развития.

Истоки данной проблемы лежат глубже чисто экологических или санитарных вопросов. Поэтому необходимо уяснить и довести до каждого живущего на земле человека, что в основе охватившего мир экологического кризиса, лежит духовно-нравственная деградация.

По мнению духовных лидеров многих стран, нужно безотлагательно, используя все средства массовой информации, убедить людей, что проникшая во все поры духовная нищета это уже начавшаяся смерть человечества. И единственный выход — принятие общественных мер к контролю за духовно — нравственным уровнем и его повышению у всех категорий населения и представителей всех конфессий.

Н. Н. Моисеев, говоря об экологическом императиве, пишет, что система ограничения человеческой деятельности, система запретов, выполнение которых необходимо для продолжения процесса развития общества, неизбежно приведет к выработке нравственных критериев, то есть повлечет за собой появление нового нравственного императива. Это означает, что реализация экологического императива, необходимого для обеспечения жизни человека на планете, неизбежно изменит структуру ценностей, позволит обрести новые цели и новые стимулы жизни [4, 9]. А для этого надо воспитывать у людей с детских лет эстетическое восприятие природы.

Еще в середине прошлого столетия американский философ и математик Норберт Винер возмущался экологическим невежеством большинства жителей планеты. «Мы столь радикально

изменяли природную среду, что теперь для того, чтобы благополучно существовать в ней, мы должны изменить себя», — писал он. Прошли десятилетия, а экологическая угроза для всего человечества меньше не стала. Пусть не будут пророческими слова Р. Рождественского, русского поэта и публициста:

Леса без птиц
И земли без воды.
Всё меньше
окружающей природы,
Всё больше — окружающей среды.

Литература:

1. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-konferentsii-oon-po-izmeneniyu-klimata-cop29-v-baku/?sphrase_id=1675270581
2. Бердяев Н. А. Новое Средневековье. — М., 1990. С. 25
3. Коптюг В. А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.) // Информационное обозрение. — Новосибирск. 1992. С. 4.
4. Моисеев Н. Н. На пути к нравственному императиву // Экология и жизнь. 1998. № 1. С. 9.
5. Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. — М., 1992. С. 287.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МУХУ ГИМБАТОВИЧЕ АЛИЕВЕ, ФИЛОСОФЕ И ПОЛИТИКЕ

*Абдулагатов З. М.,
Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН,
г. Махачкала*

Аннотация. Автор делится своими впечатлениями о политической и философской деятельности Муху Гимбатовича Алиева.

Ключевые слова: Муху Гимбатович Алиев, политика, философия.

A FEW WORDS ABOUT MUKHU GIMBATOVICH ALIYEV, A PHILOSOPHER AND POLITICIAN

*Abdulagatov Z. M.,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan
Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala*

Abstract. The author shares his impressions of the political and philosophical activities of Mukhu Gimbatovich Aliyev.

Keywords: Mukhu Gimbatovich Aliyev, politics, philosophy.

Писать о человеке, биография которого в последние десятилетия тесно связана с политической историей Дагестана и наукой, сложно. Сложна была и политика того времени, которым он занимался, не менее сложной оказалась и наука, которая должна была бы осмыслить происходящие коренные изменения в общественной и государственной жизни того времени. Сложность заключалась и в том, что сочетание политики и философии, которыми успешно занимался Муху Гимбатович, является само по себе проблемным. Нетрудно заметить, что название

книги М. Г. Алиева «Между философией и политикой» [1] говорит о нетождественности этих двух сфер человеческой деятельности. С другой стороны, как показывает история, в деятельности отдельных политиков, таких, как К. Маркс, В. Ф. Плеханов, В. И. Ленин и ряд других, они были тесно связаны. Причём эта связь была настолько тесной, что, исключив философию из их жизни, говорить о них как о личностях в политике было бы невозможно.

Вместе с тем, между философией и политической практикой существуют определённые внутренние противоречия. Философия учит сомневаться, ставить вопросы, осознавать сложность устройства мира, человека и общества. Политические идеологии, напротив, тем успешнее, чем они проще и понятнее. Они радикальнее делят мир на «своих» и «чужих», тем самым формируя чувство идентичности [7].

Наиболее чётко и по существу определил различия философии и политики известный политический деятель Лев Давидович Троцкий: «Политическая борьба есть по самой своей сути борьба интересов и сил, а не аргументов» [8]. Философия как наука в реконструкции картины мира основывается на логике, фактах, аргументации, доказательности. Наличие множества философских концепций не противоречит этому: как правило, они отличаются решением «проблемы начала», последовательным развёртыванием её до философской картины мира, а не наличием или отсутствием логики, аргументации.

Муху Гимбатович как политик последовательно придерживался широких философских взглядов, подходов к сложным проблемам дагестанской жизни в начале XXI века. В известной степени можно сказать, что он был не «между философией и политикой», а вместе с ними, что придавало его политической деятельности чёткую траекторию, определяемую культурным контекстом современной истории. Об этом говорят научные статьи «Социализм: философская истина и аксиологическое правдоподобие», «Какие разные России: версии модернизаций», «В поисках третьей жены» и др. Он умело применял и применяет общие, теоретические подходы к практическим,

эмпирически обозначенным проблемам, о чём говорят его публикации по логике и методологии изучения отдельных общественных явлений.

В сложное время экстремизма и терроризма он верно заметил, что в республике больше боролись с террористами, чем с терроризмом. А это, несмотря на общее звучание, достаточно разные проблемы. Борьба с терроризмом включает в себя не только силовые методы, как было в основном в конце XX — в начале XXI века в республике, но и решение массы социальных проблем, в частности проблем безработицы, улучшения материальных условий жизни. В Посланиях Президента РД М. Г. Алиева Народному Собранию РД в 2006 и 2007 годах эта сторона вопроса подчёркивалась особо. Он справедливо считал, что одним из направлений, определяющим новый курс, качественно новый этап в противодействии экстремизму и терроризму, является «переход от силовых форм борьбы с терроризмом и экстремизмом к их профилактике и предупреждению, идеологическому противодействию» [6]. При этом Президент считал, что «главная ответственность за противодействие религиозно-политическому экстремизму лежит на органах власти. Эту работу нельзя ни на кого перекладывать: ни на СМИ, ни на общественные советы, ни на Духовное управление» [2].

К сожалению, вопросы профилактики этих негативных явлений до сих пор не имеют своей чёткой государственной идеологии. Что убедительно демонстрируется беспомощностью общеобразовательных школ республики, да и всей России, в решении вопросов воспитания гражданина.

Оставаясь противником «уничтожения всех подряд», Муху Гимбатович считал наиболее оптимальным диалог между «ваххабитами» и властью: «Мы с вашими идеями, какие бы они антигосударственные не были, тоже будем бороться идейно» [2].

Муху Гимбатовича сильно отличало от других постсоветских руководителей Дагестана его отношение к религиозным процессам, происходящим в республике. Он чётко различал место религии в светском государственном образовании. Это проявилось, например, в характеристике явлений экстремизма

и терроризма в республике. Автор данного текста был членом оргкомитета по проведению научно-практической конференции «Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму» в 2007 году в Махачкале. Конференция проводилась по инициативе М. Г. Алиева. Состав оргкомитета был весьма солидный и разношёрстный. Сюда входили министры Правительства РД, представители Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), заместитель муфтия, высокопоставленные представители правоохранительных органов. На заседаниях оргкомитета возникали сложные вопросы, острые дискуссии. Одним из таких вопросов был вопрос о названии конференции. Ряд лиц, в том числе и представители ДУМД, утверждая, что в религии нет экстремизма и терроризма, требовали убрать в названии конференции слово «религиозный». Муху Гимбатович лично не присутствовал на всех заседаниях оргкомитета, хотя, как я понял позже, внимательно следил за тем, что там происходит. Придя на последнее заседание, он оценил работу оргкомитета, поблагодарил его членов и сказал: «...и, последнее, кому бы это не нравилось, назовите конференцию »Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму«. Это был чёткий ответ философа на важный вопрос определения сути социального явления. Это был чёткий ответ политика политическим силам, желающим достичь свои политические цели в межконфессиональном, религиозно-светском противостоянии искажением картины реальной ситуации. К сожалению, данная позиция не стала примером не только для религиозных лидеров, которые, искажая суть проблемы, некорректно ставили и ставят вопросы идеологического противодействия экстремизму и терроризму в республике, но и для государственных лидеров, которые, согласно позиции М. Г. Алиева, должны взять на себя основное бремя этого противодействия. Неоднократные заявления духовных лидеров о том, что следует избавиться от термина «религиозный экстремизм», имели и имеют поддержку у региональных лидеров. Такие заявления неоднократно делал экс-глава РД Р. Г. Абдулатипов [5]. По его мнению, явления терроризма

и экстремизма не имеют ничего общего с религией. То же самое говорил в своё время Президент Чечни Р. А. Кадыров [3]. Та же идея пропагандируется и зарубежными исламскими деятелями, зачистившими в Республику Дагестан [4]. Такая постановка вопроса камуфлировала один, возможно, самый существенный, из реальных факторов, формирующих экстремальное сознание дагестанцев в сложных процессах исламского возрождения в республике. Разумеется, он уважительно относился к религии, к религиозным лидерам. В этом вопросе, который до сих пор не находит своего последовательного решения, Муху Гимбатovich проявил научную трезвость и смелую политическую волю. В частности, научный характер его позиции выражался в том, что есть и «мирные ваххабиты» (из выступления в с. Согратль). Социологические опросы по Дагестану, признание исследователями наличия различных составляющих салафитского движения — конструктивного и консервативного, экстремистского и неэкстремистского, подтверждают это. М.-Н. О. Османов, известный востоковед, переводчик Корана, считал, что есть «ваххабизм» экстремистский, но есть и неэкстремистский «ваххабизм».

Президент М. Г. Алиев отмечал, что мы, дагестанцы, размышляя о проблемах экстремистско-террористической угрозы, хотя она и остаётся одним из самых дестабилизирующих факторов, не должны забывать о других факторах, определяющих наше общественное развитие, в том числе и духовно-нравственного характера. Духовность в постсоветской России, особенно в Дагестане, часто однозначно понимают как религиозность, приобщенность человека к сакральному. Для религиозных лидеров это норма. М. Г. Алиев пропагандировал широкое понимание духовности, которое в интересах Дагестана и дагестанцев: «Духовность Дагестана не ограничивается рамками одной лишь религии. Говоря о духовности, о преобразованиях в этой сфере, мы не должны забывать, что авторитет Дагестана в стране и за её пределами во многом определяется престижем наших высших и средних специальных учебных заведений, качеством

науки, образования, состоянием литературы и искусства, дагестанских музеев, библиотек, клубов, театров, памятников культуры» [6].

Поздравляя Муху Гимбатовича с юбилеем, желаю ему здоровья и благополучия! Выражаю благодарность за пример достойного служения Родине, дагестанскому народу! Не сомневаюсь, что так думают все дагестанцы, которые его знают.

Литература:

1. Алиев М. Г. Между философией и политикой. – Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2025. — 448 с.
2. Алиев М. Г. Мы должны действовать вместе и сообща // Дагестанская правда. 2009. 12 июня.
3. Встреча Президента РФ Д. А. Медведева с муфтиями и руководителями регионов Северного Кавказа. 29 августа 2009 г. // [http:// www.rian.ru/politics/20090828/182751692.html](http://www.rian.ru/politics/20090828/182751692.html) (дата обращения: 16.09.2009).
4. Гаджиев А. Исламу радикализм не присущ // Новое дело. 2014. 26 сентября.
5. Заседание Комитета по международным отношениям, делам общественных и религиозных объединений. 23_05_2014 // http://www.nsrд.ru/pub/novosti/zasedanie_komiteta_pomenacionalnim_otnoshen_ (дата обращения: 08.09.2014).
6. Послание Президента РД Народному Собранию РД // Дагестанская правда. 2007. 29 июня.
7. Панин С. Может ли философ управлять государством? // <https://yandex.ru/q/culture/2038148097/> <https://yandex.ru/q/culture/2038148097/> (дата обращения: 15.09.2025).
8. Самые известные высказывания Льва Троцкого // <https://www.samara.kp.ru/daily/26122/3015216/> (дата обращения: 15.09.2025).

К ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМ ОСНОВАМ РАЗВИТИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ

*Курбанов М. Г.,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
г. Махачкала*

Аннотация. В статье исследуются цивилизационные факторы, структурно определяющие развитие ценностных взглядов, ориентаций и убеждений молодежи. Цивилизация формирует многомерный, многозначный и системный характер формирования и функционирования ценностей, которые не укладываются в традиционное, линейное, однозначное их измерение и понимание. Формы восприятия и способы практического руководства ценностными взглядами и убеждениями молодого поколения в условиях цивилизации получают решающее значение для перспектив развития всего общества и требует дальнейших тщательных исследований.

Ключевые слова: молодежь, цивилизация, цивилизационные основы, ценности, система ценностей.

TOWARDS THE CIVILIZATIONAL FOUNDATIONS OF YOUTH VALUES DEVELOPMENT

*Kurbanov M. G.,
Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala*

Abstract. The article examines the civilizational factors that structurally determine the development of values, orientations, and beliefs among young people. Civilization creates a complex, multidimensional, and systemic nature of the formation and operation of values that cannot be easily understood through traditional, linear, or unambiguous methods of measurement. The

ways in which young people perceive and apply values, as well as the ways they are guided by these values, are crucial to the future of society and require careful study.

Keywords: youth, civilization, civilizational foundations, values, value system.

Российская цивилизация по историческим меркам своего развития является одной из самых молодых в мире. У молодых цивилизаций всегда есть такие достоинства, которых лишены старшие цивилизации, уходящие своими корнями в неолитическую революцию. Одно из таких особенных достоинств — это запредельная реверсивность цивилизационного развития [3]. Она состоит в том, что, с одной стороны, цивилизация предопределяет основы развития молодого поколения, а с другой стороны, молодое поколение является наиболее решающей силой и самым активным социальным базисом развития самой цивилизации. Реверсивные обстоятельства и ситуации культурно-исторического процесса при определенных условиях могут не только дублировать традиционные результаты, но и вести к заметному импульсному инновационному росту функциональной эффективности, к неожиданному обогащению векторного и фазового потенциалов цивилизационного развития. Но при этом лучшие достижения прошлого не теряются в катаклизмах современной динамичной жизни. Эти обстоятельства цивилизационного развития накладывают свой отпечаток на ценностные ориентации и представления молодежи. Сложные проблемы и общие обстоятельства жизни всегда «сближают, объединяют людей, особенно молодежь, на основе созидательных традиционных ценностей, духовно-нравственных скреп, менталитета наших людей» [1, с. 158].

Молодое поколение в развитии российского общества всегда занимало видное место. Эта практика жизни получила целый ряд своих ярких ментальных выражений во многих широко известных поговорках и пословицах фольклорной культуры («молодым везде у нас дорога, старикам всегда у нас почет»,

«молодой — на службу, старый — на совет», «молод бывал — на крыльях летал; стар стал — на печи сижущу»).

В зарубежных исследованиях порою принижается и ставится под сомнение полноценный цивилизационный статус России, взятой в образе постоянно отсталой и стремящейся «догнать» Запад [5]. При этом цивилизационная отсталость России объясняется якобы неспособностью к самостоятельному инновационному развитию [4]. Тем не менее, вполне очевидно, что помимо инновационного потенциала ни одна империя и ни одна цивилизация за всю мировую историю не имела такую огромную и непрерывную территориальную принадлежность, как у России. Надежная государственность, скрепленная своей территориальной целостностью и суверенностью, является одним из важнейших характерных базисов российской цивилизации наряду с ее религиозно-конфессиональной, национально-этнической и культурно-исторической многомерностью. Эти и другие основы российской цивилизации находятся в уникальном и устойчивом сочетании, поддерживающем самосохранение и динамичное развитие российской цивилизации только по одной фундаментальной причине — все они создавались и создаются на основе исторической справедливости. Несмотря на целый ряд катастрофических эпизодов своей тысячелетней истории Россия динамично и последовательно развивалась и открыто демонстрировала другим народам свой трудный опыт цивилизованного и справедливого сосуществования.

Молодое поколение России, воспитанное на лучших традициях братских народов, всегда было достойным продолжением старших поколений, чтит память своих предков, продолжало служение Отечеству, преумножало лучшие достижения на благо всего народа, сплоченного общими судьбами и свершениями. Российская молодежь всегда была достойно представлена и активно задействована во всех сферах государственной и общественной жизни. Семья, школа, вуз, производство, армия, спорт, досуг, политика, наука, культура, искусство — эти и другие сферы современной цивилизованной жизни широко

открыты и активно востребованы быстро растущим, молодым поколением.

В последних изменениях и дополнениях Федерального закона о молодежной политике от 20 декабря 2024 года (ст. 7) реализована очень важная поправка, предоставляющая российской молодежи прямой доступ к формированию молодежной политики и представительному участию в деятельности органов государственной и публичной власти, направленной на организацию и реализацию проектов и мероприятий по развитию молодежи. Через молодежную политику российское государство-цивилизация привносит в самосознание молодежи такую систему ценностей, которая соответствует перспективам и ресурсам развития России, нацеленной на достойное и престижное место в современной, многополярной, всечеловеческой цивилизации.

Ценностная система российской цивилизации является многомерной, многофакторной, многоуровневой. Вся она пронизана и переплетена самыми невероятными связями, отношениями, зависимостями, которые во множестве различных соотношений регулируются друг другом и системно согласуются между собой. Согласованность ценностей логически ведет их к согласию, а на основе согласия могут возникать новые, более совершенные и эффективные формы согласованности.

Среди ценностей действуют такие системные регулятивы и нормативы, как ментальные, когнитивные, коммуникативные, ориентационные, потребительские, традиционалистские, опытно-практические, познавательные и другие, которые привязаны к своим соответствующим функциональным аналогам. Даже произвольный их перечень показывает ту сложность и многомерность, которые задаются возможностями и условиями цивилизационного развития.

Не вдаваясь в семантическую конкретику самих ценностей, можно отметить, что все они могут быть концептуально классифицированы в трех статусных значениях своего функционирования — моноцентрированное, бицентрированное и полицентрированное. Эти значения формируются и получают

позиционированный статус на основе трех соответствующих мировоззренческих систем — монизма, дуализма и плюрализма. Среди обширного множества прочих концептуально-мировоззренческих подходов открываются такие ценностные определенности, которые на системном уровне способны согласовываться, дополняться, обогащаться, усиливаться друг другом или же вступать в проблемное, конфликтное, насильственное, разрушительное сосуществование. Так, например, ценность свободы как одна из ключевых в развитии самосознания молодежи, взятая в моноцентрированном своем значении, имеет линейный и непосредственный характер доминирующего функционирования в сознании и самосознании молодежи. В бицентрированном значении эта же ценность свободы, вместо самодостаточной значимости, может функционировать в связке своей функциональной равнозначности с другой ценностью, например с ценностью равенства. Если свобода и равенство вступают в согласованное функционирование, то между ними может актуализироваться ценность согласия. Если свобода и равенство конфронтируют, то их взаимодействие может вести к стимулированию отношений ненависти, вражды и насилия.

Системное согласование свободы и равенства возможно только как результат разумного, социально-личностного творчества каждого молодого человека. Оно также необходимо для создания современной, прочной, цивилизованной, молодой семьи и ее дальнейшего поддержания на долгие годы совместной супружеской жизни.

Системные сложности развития различных ценностных комплексов, взятых в бицентрированных и полицентрированных соотношениях, показывают, что «согласованность и несогласованность меняются местами, переходят друг в друга, образуя два полюса системно-структурных изменений в качественно различных системах» [2, с. 38] социального универсума. Любая ценность, попадая в бицентрированный и полицентрированный способы существования, испытывает прямую угрозу перехода в инструментальный характер существования, вплоть до полной утраты своего сущностно-целевого статуса.

В полицентрированном своем значении ценность свободы обретает совершенно иной статус суверенности, который выходит за пределы самой ценности свободы и получает множественную значимость, привязанную к другим ценностям, например к равенству, согласию, верности и честности в социальных отношениях. В полицентрированной модели понимания ценностей каждая ценность становится не столько самодостаточной, сколько ситуативным, комбинаторным, комплексным условием реализации для каждой другой или для всех других ценностей, взятых вместе. Таким образом, каждая ценность в своем функциональном значении может быть моноцентричной, бицентричной и полицентричной, что усугубляет теоретическую проблематику понимания ценностной систематики. В системном кризисе ценностей общественного и личного сознания молодежи, складывающегося в динамичных условиях цивилизационного развития, можно выделить два крайних исхода, между которыми трансформируется все их содержание — это разрушение устаревающих представлений о ценностях и зарождение новых ценностных взглядов и убеждений. Зачастую, при любом социально-историческом кризисе общества большинство самих ценностей не исчезает из повседневной жизни. Многие базовые ценности, совершенствуя свое семантическое пространство и функциональные возможности, умеренно и непрерывно меняют его содержание, ориентиры, установки, формы и способы проявления с учетом меняющихся возможностей, обстоятельств, ситуаций, условий и других факторов объективного и субъективного характера.

Острая фаза ценностного кризиса молодежного сознания выражается в том, что устаревшие, общепринятые и закрепленные в традициях ценности уже не действуют, а новые еще не сложились и не получили среди молодежи общего признания. Тем не менее, в отличие от старшего поколения, привязанного своим богатым жизненным опытом к традиционным ценностям, молодое поколение всегда более открыто к новым возможностям и неизведанным перспективам развития ценностного

самосознания, соответствующего перспективам развития цивилизации.

Роль и значение цивилизации в жизни молодежи и младших поколений воспринимается всегда на порядок ближе, чем в жизни старших поколений. Это происходит потому, что общее формирование молодого поколения опирается не столько на традиционный опыт, сколько на новые возможности, открываемые достижениями старших и предыдущих поколений. Свою ведущую роль при этом играют инновационные факторы и ресурсы цивилизационного развития.

Литература:

1. *Алиев, М. Г.* Между философией и политикой. — Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2025. — 448 с.
2. *Алиев М. Г.* Согласие. Социально-философский анализ. — М.: Республика, 2001. — 287 с.
3. *Климова С. М., Майданский М. А.* Реверсивность идей в философии: в поисках новой герменевтики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 3 (113). С. 6–14. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-6-14>
4. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. — М.: Издательство «Захаров», 2004. — 493 с.
5. *Ragsdale Н.* The Russian Tragedy: The Burden of History. — N.-Y.; London, 1996. — 306 p.

РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ И ВОСПИТАНИИ

*Омарова З. У.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. Современный социум требует от индивида все большей включенности во множество социальных групп, коммуникаций и всякого рода информационных систем, что приводит к стиранию этнических, национальных, традиционных особенностей. Вплетение этнокультуры в процесс образования и воспитания позволит сохранить и передать знания, аккумулярованные в фольклоре, этнографических материалах, народных воспитательных традициях, играх и игрушках, народных праздниках и т. д., от поколения к поколению. Сочетание поликультурного образования, с одной стороны, этнокультурного — с другой, позволит структурировать образование, начальная ступень которого погружает в поток родной культуры и языка, а средняя и высшая ступени выводят на общероссийское и мировое культурное пространство.

Ключевые слова: этнокультура, образование, воспитание, этнопедагогика, этническая идентификация, поликультура.

THE ROLE OF ETHNOCULTURAL PROCESSES IN MODERN EDUCATION AND UPBRINGING

*Omarova Z. U.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. Modern society demands that individuals become increasingly involved in a multitude of social groups, communications, and all kinds of information systems, which leads to the blurring of ethnic, national, and traditional characteristics. Weaving ethnoculture

into the education and upbringing process will preserve and transmit knowledge accumulated in folklore, ethnographic materials, folk educational traditions, games and toys, folk festivals, etc., from generation to generation. The combination of multicultural education, on the one hand, and ethnocultural education, on the other, will allow for a structured education: the initial stage immerses students in their native culture and language, while the middle and higher stages introduce them to the national and global cultural space.

Keywords: ethnoculture, education, upbringing, ethno-pedagogy, ethnic identification, multicultural.

Роль образования и воспитания в процессе формирования и становления личности сложно переоценить. Современный социум требует от индивида все большей включенности во множество социальных групп, коммуникаций и всякого рода информационных систем, это приводит к стиранию этнических, национальных, традиционных особенностей. Важность и ценность определенного общего уровня развития, думаем? никто не будет оспаривать, но в связи с этим возникает другая задача: как не потерять свою национальную самобытность, культуру, язык? Как сохранить себя, свою этническую идентификацию в глобальном процессе стирания всех границ? С такой задачей отчасти, призвано справиться новое направление в педагогической науке — этнопедагогика, которая рассматривается прежде всего, как отрасль эмпирических педагогических знаний, которые передаются от поколения к поколению, будучи аккумулированы в фольклоре, этнографических материалах, народных воспитательных традициях, играх и игрушках, народных праздниках и т.д. Основы этнопедагогики опираются на лучшие образцы народной мудрости, что обеспечивает сохранение национального характера, обычаев и психологии человека. Специфика этнопедагогики — афористичность. Пословицы, поговорки, загадки, благопожелания, клятвы, проклятия, недоговорки, нефигуративные изречения, парамиологические тирады — вот далеко не полный перечень средств, где в образной форме заключены сгущенная констатация и обобщение множества факторов и примеров, их

анализ и абстрагирование и, наконец, возврат к художественно-педагогической конкретике. Педагогическая народная мудрость предоставляет кладезь целесообразных суждений относительно трудового, нравственного, физического воспитания молодежи.

Важным моментом, на который стоит обратить внимание, является то, что этнокультурные группы как субъекты этнопедагогики не могут быть ни «плохими», ни «хорошими». В них по-своему проявляется общая социальная, природная, духовная человеческая сущность. Каждый этнос обладает уникальной исторической, языковой, культурной, генетической и иной общностью и одновременно выступает как дифференцированный феномен. Так, когда говорят о «русской душе», вспоминают самые разные приметы ее богатейшей общности и многообразия. «Мы любим все — и жар холодных чисел, и дар божественных видений» (А. Блок). В «многоцветие» русского человека свои краски вносят азартные казаки Дона и Кубани, неспешные поморы Севера, ловкие москвичи, шустрые костромичи, степенные петербуржцы, основательные сибиряки и т. д.

Этнокультурное воспитание и образование призвано заботиться о развитии лучших качеств представителей этнокультурных групп. Так, при воспитании индивида необходимо поощрять его открытость, сметливость, оптимизм, отходчивость, радушие, готовность к труду и т. д. Не следует забывать, что человек, зачастую играя со словом и реальностью, склонен к иррациональному, фантазийному мышлению, порой полярно противоречив и непредсказуем: готов безудержно радоваться и впадать в тоску. Этнокультурное образование предназначено для поддержки позитивной социальной направленности сознания современных людей: любовь к своей малой и большой родине, культуре, владение языком. При организации педагогического процесса следует учитывать как традиционные истоки самоидентификации каждого человека, так и укоренившиеся в нем «советские» и «западные» ценности. Важно знать, что в целом россиянин рассматривает Россию как «общий дом народов, которые должны обладать равными правами» [1].

В процессе этнокультурного образования можно выделить два феномена: этнопедагогику и народную педагогику. Если в первом случае речь идет о научном знании, то во втором — исключительно об опыте воспитания и обучения, интерпретация которого не всегда совпадает с устремлениями поликультурного образования. И здесь следует проявлять крайнюю тактичность и осторожность в использовании и понимании различных форм народной педагогики. В интерпретации тех или иных форм можно не заметить, как происходит латентное противопоставление одного народа другому.

Этнокультурное образование не может обходить вниманием особенности общения и поведения разных народов. Так, представители кавказских народов любят беседу; в разговоре они искренни, остроумны, без конца перебивают друг друга, что не означает невежливость, а доказывает внимание к собеседнику. В ментальности горцев не принято открыто и прямолинейно высказывать свои суждения, которые могут огорчить собеседника, избегаются формы прямого отказа в чем-либо, в речи присутствует иносказательность и смысловая множественность, которая позволяет судить об остроумии и мудрости слушающего. В процессе разговора принято подавать короткие реплики, чтобы не создалось впечатления, будто слушатель нетактичен и невнимателен.

Концепции поликультурного и этнокультурного воспитания и образования имеют множество точек соприкосновения. Они возникают прежде всего в силу общности субъектов педагогического воздействия — этнокультурных групп. Вместе с тем, такая общность возможна лишь при условии, если идеи этнокультурного образования позиционируются сквозь призму межэтнического диалога. Такое понимание соответствует духу поликультурного и полиэтнического воспитания и позволяет опереться на своеобразие культуры, языка, менталитета каждого этноса, на гуманистический потенциал народной педагогической традиции, своеобразие культур при формировании общности национальной культуры. Это означает признание «не только различий, но и схожести, одинаковости, которые

чаще преобладают над различиями, по крайней мере, в рамках одной национальной... культуры» [2].

Подобная трактовка этнокультурного образования органично сочетается с концепцией поликультурного образования. Она предполагает использование идей, направленных на гармонию с окружающей средой, ориентацию на идеалы, воплощающие лучшие качества народа. При использовании воспитательного потенциала этнокультурного образования важно систематически выявлять общность этнокультур.

Этнокультурное образование, становясь частью концепций поликультурного образования, изучает и использует такую общность при обращении к фольклору разных этносов, оно имеет обширные возможности ненавязчиво приобщать к инациональной культуре и тем самым выполнять важную педагогическую функцию борьбы с ксенофобией, признания культурных ценностей других народов. Трактующее в подобном духе образование предлагает движение представителей тех или иных этносов от родной культуры к культуре общенациональной и мировой. Подобная трактовка красноречиво выведена в название документа, подготовленного Департаментом образования г. Москвы, который именуется «Программа развития этнокультурного образования в духе культуры мира в Москве (от этнокультурного образования к поликультурному)». Программа предусматривает воспитание на основе межкультурного диалога, чтобы обеспечить гармонизацию национальных отношений и модернизацию различных этносов. Назначением такого диалога является включение личности в культурный опыт, осознание специфики и близости цивилизационных типов, многообразие как условие развития общества и индивида в поликультурном социальном контексте [3].

Следует учитывать, что народы России относятся к разным цивилизационным типам и нуждаются в дифференцированном образовании. Вследствие этого обучение и воспитание в многонациональной российской школе означает интегративно-плюралистический процесс, который питают несколько культурных источников: русский, национальный (нерусский)

и общечеловеческий. Предполагается сочетание поликультурного образования и одновременно формирования опыта этнокультурного самовыражения в ходе взаимодействия национальной культуры с культурами народов России и мировой культурой. Органичное сочетание поликультурного и этнокультурного образования, которое учитывает объективное несовпадение культурных потребностей отдельных этносов и общероссийских целей воспитания и образования. Это предполагает обучение по единым Федеральным стандартам и одновременно введение в образовательный стандарт материалов, отражающих национальные особенности тех или иных культур.

Сочетание поликультурного образования, с одной стороны, этнокультурного — с другой, позволяет предложить следующую структуру образования: начальная ступень — погружает в поток родной культуры и языка, а средняя и высшая ступени — выводят на общероссийское и мировое культурное пространство. В итоге школьные классы и студенческие аудитории оказываются полем воздействия общенациональной культуры, интеграции культур малых этносов, русской культуры и мировой культуры. «В Дагестане — я аварец, в России — дагестанец, а за границей — я русский» — известная парадигма великого поэта отражает суть поликультурного социума, которая может быть предложена как одна из идеологических основ нашего общества.

Литература:

1. **Мясников В. А., Найденова Н. Н.** Постсоветское образовательное пространство в контексте педагогических измерений // [https://alley-science.ru/domains_data/files/Journal_Dec18/6 %20tom%20Dekabr%20isp.pdf](https://alley-science.ru/domains_data/files/Journal_Dec18/6%20tom%20Dekabr%20isp.pdf)

2. *Никитин В. М., Егорова З. В.* Сможем ли мы сохранить этнопедагогiku? // Сборник материалов Всероссийской НПК. 16 марта 2019 г. Якутск. С. 64.

3. Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. — М.: ИЭА РАН, 2018. С. 221—243.

СУЩНОСТЬ НАРОДНОСТИ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В ЭТНИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ

*Саркарова Н. А.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация: Целью данной статьи является анализ проявлений народности в этнических признаках, а также выявление их значения для формирования культурной идентичности в условиях современности.

Актуальность исследования сущности народности заключается в необходимости понимания ее этнических признаков в условиях глобализации, когда культурные идентичности становятся более подвижными и смешанными. Изучение народности и ее проявлений в этнических признаках поможет выявить механизмы сохранения культурного наследия и формирования идентичности в современном мире.

Ключевые слова: народность, этнические признаки, культурная идентичность, этническая общность, язык, этническое самосознание.

THE ESSENCE OF NATIONALITY AND ITS MANIFESTATION IN ETHNIC CHARACTERISTICS

*Sarkarova N. A.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. The purpose of this article is to analyze the manifestations of nationality in ethnic characteristics, as well as to identify their significance for the formation of cultural identity in modern conditions.

The relevance of the study of the essence of nationality lies in the need to understand its ethnic characteristics in the context of

globalization, when cultural identities are becoming more mobile and mixed. The study of nationality and its manifestations in ethnic characteristics will help to identify the mechanisms of cultural heritage preservation and identity formation in the modern world.

Keywords: nationality, ethnic characteristics, cultural identity, ethnic community, language, ethnic identity.

Проблема сущности народности и ее проявления в этнических признаках представляет собой важный аспект изучения культурной идентичности и социальной структуры. В условиях глобализации и культурного смешения понимание народности становится все более актуальным, так как оно связано с сохранением уникальных традиций и обычаев, которые формируют этнические признаки.

В работе предпринята попытка анализа сущности народности и выявления ее проявлений через призму этнических характеристик, что позволит глубже понять механизмы формирования культурной идентичности.

Предложим несколько первых попыток определения понятия народности:

1940 год — в журнале «Большевик»: «Народность — это этническая, то есть племенная и междуплеменная общность, базирующаяся, как правило, на отсталой патриархальной культуре, характеризующаяся нередко кочевым или полукочевым образом жизни племени, другими пережитками родового быта» [1, с. 57];

1951 год — И. П. Цамерян в статье «Нация и народность» — «Народности и народы, как исторически сложившиеся общности людей докапиталистической эпохи, имеют известную общность языка, территории, некоторую общность экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, созданной народностью» [7, с. 59];

1954 год — в учебнике «Исторический материализм» — «Народность — это объединение родственных по языку и происхождению племен, имеющих общность территории» [2, с. 28].

1962 — год — С. М. Папазян — «Народность является исторически сложившейся формой общности людей, возникшей

в результате смешения родов и племен в период становления рабовладельческого и феодального способов производства на общей территории...».

Здесь сущность народности выражается в единстве ее общенациональных, типологических и единичных черт [4, с. 9].

Единичность, особенность и всеобщность — вот те три категории, в рамках которых движется все «учение о понятии», — писал Энгельс [8, с. 102]. Иначе говоря, понятие народности должно быть ограничено в рамках исторических форм самой этнической общности людей, затем и в рамках всех видов исторических общностей. Мы должны ясно видеть, чем и как отличается народность от нации, от расовой, классовой, религиозной общности людей; и видеть ее связь с конкретно-исторической эпохой общественного развития. Понятие, не отображающее эти требования, не может быть научным определением. Такова суть марксистского подхода. Понятие народности должно выводиться из признания ее в первую очередь этнической общностью.

С общесоциологической точки зрения народность есть этническая общность, основанная на территориальной этнической связи. И, наконец, понятие народности правомерно определить с этнографической точки зрения. Для объективной характеристики народности необходимо определить в качестве наиболее важных такие, которые позволили бы всесторонне охарактеризовать народность как живой, сложный и многогранный этнический организм; четко разграничить ее от других типов общности людей; определить историческое место народности среди самих форм этнической общности.

Другим объективным фактором образования народности является общность языка как условие внутреннего общения. Общность языка предполагает и предопределяет общность культуры. Однако для формирования народности указанных факторов недостаточно, необходимо учитывать численность населения, их организованность, уровень экономического и социального развития.

На формирование представлений о народности влияют такие ключевые фигуры, как антропологи, социологи и культурологи, которые разрабатывают теоретические подходы к пониманию этнических признаков. Их исследования помогают осветить, как народность взаимодействует с культурными и социальными факторами, а также как она адаптируется к изменениям в современном мире.

Актуальность темы обусловлена тем, что в России и других странах мира наблюдается возрождение интереса к этническим корням и культурному наследию. В условиях глобализации, когда традиционные ценности подвергаются угрозе, изучение народности и этнических признаков становится необходимым для сохранения культурной идентичности и устойчивости сообществ [5].

Идентичность — одна из категорий, применяемая для описания индивидов и различных сообществ в качестве относительно устойчивых, тождественных самим себе образований. Общество известным образом порождает свою идентичность; и тем, что оно не утрачивает своей идентичности, оно обязано своим собственным усилиям. С ростом у народов этнического самосознания, возрождением интереса к собственной самобытной культуре возросло внимание к проблематике национальной идентичности.

В рамках данной темы можно рассмотреть такие проблемы, как влияние этнических признаков на формирование культурной идентичности, механизмы сохранения народности в условиях глобализации и выявление современных примеров проявления народности в различных культурах. Дополнительные вопросы, которые могут быть полезны для дальнейшего исследования, включают: Как этнические признаки влияют на социальные отношения внутри народности? Как народность адаптируется к изменениям в современном обществе? Каковы последствия утраты этнических признаков для культурной идентичности?

Многие исследователи выделяют следующие признаки этнической идентичности:

— этничность, как правило, мифологична и символична, особенно в понимании происхождения, истории и общих культурных истоков, что является одной из причин ее огромных мобилизационных возможностей. Этой стороной этническая идентичность ориентирована больше на подсознание, чем на разум и сознание, что особенно характерно для отечественной метрики идентичности;

— этничность всегда чувственно насыщена и часто связана с положительными или отрицательными эмоциональными переживаниями;

— этничность ретроспективна, она являет собой «прошлое в настоящем». Этим самым она обеспечивает связь прошлого, настоящего и будущего в национальной динамике и преемственность поколений;

— этничность многослойна.

В условиях глобализации этническая идентичность перестает играть социально значимую роль. Происходит размывание рамок идентичности. С другой стороны, специалисты указывают на существование так называемого «*синдрома навязанной этнической идентичности*» [6], означающего, что национально-культурная принадлежность человека, против его собственной воли и желания, становится слишком значимой характеристикой его бытия и сознания, начинает определять его место в обществе. Такая навязанная этничность не обязательно проявляется в такой открытой форме доминирования механизмов этнической идентичности над другими векторами самоопределения человека и общности. Еще одной причиной, объясняющей первенство этнической идентичности перед другими, является то, что именно в этнической истории аккумулируется память того или иного народа.

Таким образом, обозначаются границы новых исследований, направленных на глубокое понимание сущности народности и ее проявлений в этнических признаках, что позволит выявить значимость этих аспектов для формирования устойчивой идентичности в современном мире.

Литература:

1. Большевик. 1940. № 13.
2. Исторический материализм. — М.: Госполитиздат, 1954. СР. 274, 109. История СССР. М.: — Госполитиздат. 1956. Т. 1.
3. Соотношение этнической и национальной идентичности / <https://cyberpedia.su/13xb2a7.html> (дата обращения; 22.06.2025).
4. Папазян С. М. Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. — Мичуринск, 1962. С.9.
5. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. — 532 с.
6. Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности: Философские и политические статьи. — Донецк: Изд-во «Донбасс», 1999. 345 с.
7. Цамерян И. П. Нация и народность // Большевик. 1951. № 6.
8. Ф. Энгельс. Диалектика природы. — М.: Партиздат, 1934.

РОЛЬ ИСЛАМА В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ДАГЕСТАНА

*Ахмедов И. А.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. Религиозность населения частично компенсирует идеологический вакуум в обществе, образовавшийся после крушения советской социалистической системы. Республика Дагестан, будучи самым многонациональным регионом России, характеризуется этноконфессиональным разнообразием. По данным различных социологических опросов, от 80 до 90 % представителей коренных этнических общностей республики сегодня считают себя мусульманами. Наиболее показательным является возрождение ислама, его влияние на социально-политическую обстановку в республике, а также все большее преобладание религиозных традиций и обрядов в быту и повседневной духовной жизни дагестанцев. В конечном итоге, ислам оказался идеологией, наиболее адаптированной к местным условиям, что обеспечивает его растущее влияние на широкие слои дагестанского населения, а также его поддержку как со стороны этнических элит, так и со стороны республиканской власти.

Ключевые слова: ислам, духовность, религия, дагестанское общество, возрождение.

THE ROLE OF ISLAM IN THE SPIRITUAL CULTURE OF DAGESTAN

*Akhmedov I. A.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. The religiosity of the population partially compensates for the ideological vacuum in society created after the collapse of

the Soviet socialist system. The Republic of Dagestan, being the most multinational region of Russia, is characterized by ethno-confessional diversity. According to various opinion polls, from 80 to 90 % of representatives of the republic's indigenous ethnic communities consider themselves Muslims today. The most significant is the revival of Islam, its influence on the socio-political situation in the republic, as well as the increasing predominance of religious traditions and rituals in everyday life and daily spiritual life of Dagestan peoples. In the end, Islam turned out to be the ideology most adapted to local conditions, which ensures its growing influence on broad segments of the Dagestan population, as well as its support from both ethnic elites and the republican government.

Keywords: Islam, spirituality, religion, Dagestan society, renaissance.

Дагестан — одна из самых ранних территорий возникновения исламской культуры на карте сегодняшней России. Ислам коснулся здешних земель уже в VII веке. Являясь наиболее многонациональной частью России, Республика Дагестан в первую очередь выделяется этноконфессиональным разнообразием.

С недавнего в исторической перспективе времени в республике получили свое распространение многообразные религиозные общественные организации и движения, также партии, такие, как Исламская партия возрождения, «Джамаатул Муслимин», Исламская партия Дагестана, Дагестанское отделение общероссийского мусульманского общественного движения «Нур», Дагестанское отделение Союза мусульман России (СМР), объединение женщин-мусульманок «Муслимат» и другие. В связи с этим заняла и свою нишу на информационном рынке исламская пресса, представленная газетами «Ас-Салам», «Нурул Ислам», «Путь ислама», «Исламский вестник» и иными.

Помимо этого в Дагестане была развита сильная школа мусульманских ученых, а также знатоков богословия и исламского права (шариата). Также широкий охват приобрел суфийский (тарикатский) вариант ислама, который сегодня стало привычным называть «традиционный».

Своеобразная «исламизация» системы образования и воспитания и последующий прогресс системы религиозного образования способствовал тому, что: в государственные учебные заведения были введены религиозные предметы; имеется возможность религиозных организаций осуществлять обучение религии с согласия органов местного самоуправления и администрации учебных заведений; начали свою работу сети исламских детских садов; студенты религиозных вузов изучают общеобразовательные дисциплины; учреждение государственного исламского института, обучают квалифицированных имамов и преподавателей духовных учебных заведений.

Опуская сам факт значительного количественного роста числа мусульман, активно практикующих религию, формальными признаками исламского возрождения можно выделить восстановление старых и бурное строительство новых мечетей, общую тенденцию к развитию и распространению системы исламского образования, развитие в сфере исламских организаций собственных, иногда специфических, взаимосплетений, активизация мусульманских религиозных деятелей. Важным индикатором возрождения ислама является рост влияния ислама на социально-политическую ситуацию в республике, а также все большее доминирование религиозных традиций и обрядов в быту и повседневной жизни дагестанцев. Возрастание влияния ислама на этноконфессиональные процессы в республике стало причиной дробления ранее единого ДУМ Северного Кавказа по этнополитическому признаку и создания Духовного управления мусульман Дагестана.

Традиционный ислам в республике представлен Духовным управлением мусульман Дагестана и подчиненными ему религиозными организациями, многочисленными «мюрридскими гильдиями». Он сегодня имеет разветвленную инфраструктуру. Так, если в 1985 году в республике было всего 27 мечетей, то в 2001 году уже функционировали 1594 (по данным Духовного управления мусульман Дагестана — более 2000) мечети, где работало около 3500 имамов. При мечетях действовало 245 коранических школ. В 132 медресе и 17 высших исламских учебных

заведениях и 45 их филиалах учились около 14 тысяч человек [1, с. 5–13].

По данным Комитета Правительства Республики Дагестан по делам религий, к 2010 году в республике действовало 2512 религиозных объединений, среди которых 2458 — исламских. Из этого числа суннитских — 2438 организаций (1276 джума-мечетей, 827 квартальных мечетей), 243 молитвенных дома, 13 вузов, 76 медресе, 2 культурно-просветительских центра, 1 союз исламской молодежи. Значительно меньше в республике шиитских религиозных организаций — всего 19 (9 центральных мечетей, 10 квартальных мечетей). По пятницам в джума-мечетях городов и сел собирается свыше 240 тыс. прихожан.

Вместе с тем, широкие возможности в республике получили религиозные партии, общественные объединения, движения: Исламская партия возрождения, Джамаатул Муслимин («Общество мусульман»), Исламская партия Дагестана, Дагестанское отделение общероссийского мусульманского общественного движения «Нур», дагестанское отделение Союза мусульман России и др.

Данного рода организации в республике на сегодняшний момент располагают собственными или подконтрольными им СМИ. Духовное управление мусульман Дагестана имеет собственный информационный орган — регулярно издаваемую на 8 языках (русском, аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, чеченском и табасаранском) газету «Ас-Салам». Также к нему индуцируемы другие печатные средства: газета «Нурул ислам», журналы «Исламский вестник» и «Ислам». Все издания тиражируются и в электронном виде в интернет. В городе Дербенте издается газета «Ислам в Юждаге».

Исламские институты республики в целях популяризации и распространения своих идей активно используют и возможности различных каналов центрального, республиканского и муниципального телевидения, по которым ведутся ежедневные передачи религиозного содержания, многие из которых дублируются на каналах кабельного телевидения. Радио «Сафинат», «Прибой» и др. каждодневно занимаются религиозным

просвещением населения. Литература религиозного содержания издается в республике многотысячными тиражами, в том числе и на национальных языках. Все вышеизложенное свидетельствует о высокой степени активности религиозных деятелей и проникновении ислама во все сферы жизнедеятельности общества.

Еще одним существенным в своем проявлении традиционного ислама, влияющим на общественно-политическую и духовно-нравственные тенденции в республике, является мусульманский мистицизм в виде суфизма. По данным электронных средств массовой информации, в Дагестане сегодня активно проявляют себя 23 шейха различных тарикатов [2]. Суфийские структуры оформились организационно, выделились их признанные лидеры, обозначились каналы финансирования их деятельности, формы и методы влияния на государственные и муниципальные органы, этнонациональные кланы, экономические структуры общества.

В частности, С. Семедов считает, что в исламе есть интеграционный потенциал и его возможно и необходимо реализовать. «Переплетение этнических и религиозных составляющих кавказского общества, глубокая интеграция ислама в социокультурной среде, ее восприятие массовым сознанием национальной религией создают благоприятные возможности для использования мощного мобилизационного потенциала в борьбе за решение политических задач и реализацию амбиций местной элиты... Ислам должен играть консолидирующую роль в целом в российском обществе. Основные положения ислама не противоречат демократическим принципам. Социальную напряженность на Кавказе необходимо снизить и, по возможности, устранить не только экономическими и политическими «инструментами», но и идеологическими» [10].

Представители исламского фундаментализма, напротив, пытаются актуализировать интеграционный потенциал ислама, подчеркивая, что он не противоречит сохранению культурно-национальной самобытности народов. «Ислам вовсе не является орудием слепой глобализации и унификации и, безусловно,

сохраняет национально-культурное наследие наций и народов. Но, вместе с тем, мусульманину присуще восприятие действительности сквозь призму ислама, который диктует те или иные параметры и критерии, формируя отношение к проблеме» [12].

В реальной духовной жизни дагестанского народа ислам оказался идеологией, наиболее адаптированной к местным условиям, что обеспечивает его растущее влияние на широкие слои дагестанского населения, а также его поддержку как со стороны этнических элит, так и со стороны республиканской власти. Традиционный ислам сегодня предлагает более содержательную социальную программу, которая фактически освящает сложившуюся в республике политическую систему и экономический порядок. Его социальная ориентация состоит в принятии существующего социально-экономического порядка и разделения собственности. В плане политической ориентации традиционный ислам безоговорочно поддерживает правящие элиты и политическую систему. В плане духовной ориентации он претендует на роль официальной идеологии и доминирование в педагогической, образовательной и культурной подсистемах общества.

По мнению М. Я. Яхьяева: «Ислам несет в себе и интегративно-конструктивные, и деструктивно-дезинтеграционные потенции. Все зависит от социальной среды, исторической обстановки или социальной почвы, от политики власти и духовенства, от их взаимодействия, а также от политики центральной власти и отношений ее с местной властью. В кризисном обществе ислам не может не быть формой проявления социальных и этнических конфликтов и противоречий» [5].

Подводя итоги проделанной работы, мы с уверенностью можем говорить о достаточно основательном потенциале ислама на арене духовно-нравственных «агонов», его способности к профилактике и даже противодействию духовным кризисам как отдельно взятого человека, так и целого общества, и, что важно еще отметить, его достаточно толерантном интегративном характере при правильном обращении в систему социально-политических институтов.

Литература:

1. <http://kavpolit.com/ilyas-xadzhi-ilyasov-bogoslovov-ne-nadopodminat-pod-pyatu-chinovnikov/>
2. Саватеев А. «Ваххабит» «ваххабиту» рознь (Ислам и политика в Дагестане) // Азия и Африка сегодня. 2002. № 2.
3. Семедов С. А. Ислам в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе // http://religio.rags.ru/journal/anthology4/a4_17.pdf.
4. Шариат и адат в реалиях Северного Кавказа // <http://dagnovosti.ru/islam/325-shariat-i-adat-v-realiyah-severnogo-kavkaza.html>
5. Яхьяев М. Я. Место и роль ислама в социокультурной интеграции дагестанского общества // Исламоведение. 2013. № 3.

ДИАЛЕКТИКА ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

*Велиев О. В.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. Используя диалектическую методологию, принцип восхождения от абстрактного к конкретному, предпринята попытка лаконичного анализа целей и задач развития основных сфер жизни российского общества и государства на перспективу до 2036 года. Это работа произведена с опорой на действующий Указ Президента РФ от 07.05.2024 года, позволяющий вывести нашу страну на совершенно новую высоту в консонансном единстве с процессом обеспечения безопасности российского общества и государства.

Ключевые слова: национальные цели развития, экономический уклад людей, поддержка семьи, материнства и детства, НИОКР, венчурные технологии и их внедрение в процесс производства, подготовка, переподготовка и повышение квалификации работников, повышение уровня жизни сограждан, обеспечение безопасности общества и государства и т. д.

DIALECTICS OF THE PROCESS OF DEVELOPMENT AND SECURITY OF RUSSIAN SOCIETY AND THE STATE

*Veliev O. V.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. Using dialectical methodology, the principle of ascending from the abstract to the concrete, an attempt has been made to succinctly analyze the goals and objectives of the development of the main spheres of life of Russian society and the state for the period up

to 2036. This work was carried out based on the current Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2024, which allows us to take our country to a completely new height in consonance with the process of ensuring the security of Russian society and the state.

Keywords: national development goals, economic structure of people, support for family, motherhood and childhood, R&D, venture technologies and their implementation in the production process, training, retraining and advanced training of workers, improving the standard of living of fellow citizens, ensuring the security of society and the state, etc.

Актуальность темы настоящей публикации связана с необходимостью выявления диалектики процесса реализации общенациональных целей развития с обеспечением состояния безопасности российского общества и государства. И это в настоящее время является одним из приоритетных направлений деятельности властно-политических институтов нашей страны в свете принятия главой нашего государства В. В. Путиным Указа от 07.05.2024 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1]. Представляется, что реализация в условиях нашей страны основных, концептуальных положений этого правового документа является имманентным, аксиологичным условием обеспечения безопасности отдельно взятой личности, групп людей и общества в целом, поскольку в данном Указе намечены цели экономического, социального, культурного, духовно-нравственного характера, которые в своей совокупности свидетельствуют о применении при его составлении и подготовке диалектической системно-мыследеятельностной методологии.

На самом деле, трудно себе представить безопасность общества и государства без определения конкретных общенациональных целей развития на соответствующие периоды исторического времени. Нет, речь не идёт об очередной пятилетке развития нашей страны, как в свое время это делали в условиях строительства социализма и коммунизма. Хотя и в этом

не видим ничего сверхъестественного и утопичного по той простой причине, что цели на определённую историческую перспективу и сегодня ставятся во многих других государствах и над их достижением работают соответствующие властно-политические институты соответствующих стран.

Очевидно, что в современных условиях России, не определяя цели её развития, механизмы обеспечения безопасности общества и государства, они обречены впасть в историческое небытие. А опредмечивание целей источника, механизма и направления развития страны есть необходимое и должное бытие, предполагающее изыскание для реализации целей соответствующих ресурсов. Их освоение и преумножение, как правило, влечёт за собой конечный позитивный результат. На это ориентирована и в этом заинтересована господствующая элита со своим электоратом, являющимся внутренней побудительной силой правящей элиты и важным элементом механизма реализации целей. В таком случае нет места историческому небытию, поскольку реализация целей в различных сферах жизни и деятельности общества есть не что иное, как жизнь со своими различными гранями, образующими в конечном счете разнообразности образа жизни людей в условиях современной России. Вместе с тем, институциональное и электоральное целеполагание является начальным этапом для достижения общенациональной идеи, об отсутствии которой в условиях постсоветской России часто говорили учёные-обществоведы в научной обществоведческой литературе. Хотя считаем, что общенациональная идея нашей страны была сформулирована ещё в 1993 году в Основном законе страны посредством посылки: Российская Федерация является демократическим, правовым, социальным государством с республиканской формой правления. В том числе для обеспечения демократического, правового и социального статуса нашей страны главой нашего государства принят вышеназванный Указ, являющийся нормативно-правовым актом, обязывающим властно-политические институты страны, их руководителей, рядовых граждан проявлять сознательное, активное и результативное поведение для достижения показателей

социально-экономического и духовного развития страны в обозначенных рамках исторического времени.

Мотивы принятия упомянутого Указа главой государства определены лаконично целым рядом обстоятельств. Речь идёт о: а) достижении устойчивого экономического и социального развития нашей страны; б) важности экономического развития, базирующегося на многообразии форм собственности, высокой эффективности и технологичности создаваемых производств, честной конкуренции, предпринимательстве и частной инициативе; в) незыблемости посыла укрепления государственного, культурного, аксиологического и экономического суверенитета; г) увеличении численности населения, повышении уровня жизни граждан, опираясь на традиционные общероссийские духовно-нравственные ценности и принципы патриотизма, гуманизма, справедливости и социальной справедливости, равенства возможностей; д) обеспечении безопасности государства и общества, их открытости внешнему миру.

Таким образом, прослеживается чёткая логика первоочередных целей развития общества и государства, где первоначальный приоритет отдаётся факторам объективного характера, а затем субъективного порядка. И это вполне понятно. Ибо трудно говорить о сохранении населения, укреплении его здоровья, повышении его благополучия, поддержке семьи, материнства и детства, культурного, духовного взросления, воцарении режимов гуманизма и патриотизма, комфортной и безопасной среде для жизни, экологическом благополучии без устойчивой и динамичной экономики, технологического лидерства, цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

В рассматриваемом Указе установлены целевые показатели, необходимые для выполнения общенациональной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи».

Речь идёт о повышении суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 году и до 1,8 к 2036 году, вместе

с увеличением продолжительности здоровой жизни до 78 лет к 2030 году и до 81 года к 2036 году.

Государством обеспечивается:

- рождаемость и продолжительность жизни на основе формирования здорового образа жизни, профилактики заболеваний и стимулированием занятий россиян спортом;
- медицинская реабилитация, переобучение и трудоустройство участников специальной военной операции;
- снижение общего уровня бедности ниже 5 % к 2036 году, включая уровень бедности многодетных семей до 12 % к 2030 году, и до 8 % к 2036 году, в том числе посредством повышения МРОТ (минимального размера оплаты труда) до величины 35 тыс. рублей;
- увеличение доходов работников бюджетной сферы и дальнейшая защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В Указе говорится о необходимости реализации цели «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности» до 2030 и 2036 годов. Для достижения этой цели планируется осуществить целый ряд практических действий, а именно:

- опираясь на традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, создать условия для воспитания всесторонне развитой личности с чувствами патриотизма и социальной ответственности, в том числе увеличением доли молодёжи, участвующей в соответствующих проектах и программах не менее чем до 75 %;
- создать условия для 85 % молодых россиян в аспекте их самореализации и 45 % — вовлеченным в добровольческо-общественную деятельность;
- повысить эффективность функционирования системы по выявлению, поддержке и развитию способностей и талантов детей и молодёжи, базирующейся на таких основных началах, как ответственность, справедливость, всеобщность, которые в своей идеальной совокупности направлены на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся;

— обеспечить продвижение и защиту традиционных, отечественных духовно-нравственных ценностей в рамках не менее 70—80 % проектов в сфере культуры и искусства, финансируемых с бюджетов различных уровней, в том числе для удовлетворенности граждан работой таких учреждений;

— совершенствование системы подготовки и переподготовки педагогических работников системы образования посредством ежегодного дополнительного профессионального образования на основе соответствующих образовательных стандартов для 10 % педагогических работников на базе ведущих образовательных организаций высшего образования и научных организаций.

В рассматриваемом Указе главы нашего государства определены индикаторы, посредством которых достигается выполнение такой цели, как «Комфортная и безопасная среда для жизни» на период 2030–2036 годов. В качестве таких индикаторов выступают действия, направленные на:

— коренное улучшение качества среды для жизни и деятельности людей в соответствующих населённых пунктах, в том числе обеспечением россиян жильем с повышенными условиями комфортности — от 33 кв. метров до 38 кв. метров на человека;

— обновление на 20 % жилищного фонда по сравнению с показателем 2019 года, в том числе посредством сокращения непригодного жилья;

— обеспечить доступность жилья на первичном рынке и систематически заниматься благоустройством общественных территорий, опираясь на 1600 проектов, принадлежащих победителям Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды;

— реализацию программы обновления коммунальной инфраструктуры, улучшение качества предоставляемых коммунальных услуг, строительство и модернизация 2 тыс. объектов питьевого водоснабжения;

— обеспечение эффективности на объектах ЖКХ, промышленном и инфраструктурном строительстве;

- замену в городах устаревшего общественного транспорта, строительство и модернизация автомобильных дорог федерального, регионального и местного значения в целях увеличения комфортности в этой среде и снижения смертности в ДТП;

- увеличение авиаперевозок населения посредством отечественных авиалайнеров;

- полное завершение капитального ремонта зданий дошкольных образовательных учреждений и общеобразовательных школ;

- газификацию от 1,6 млн до 3 млн домовладений как закономерный итог реализации программы газификации населения;

- оснащение малых населенных пунктов оборудованием для воспроизведения аудиовизуального материала, могущим обеспечить доступ россиян к достижениям современного отечественного кино, и их подключение к единой цифровой платформе, имеющей также аудиовизуальную библиотеку.

В рассматриваемом Указе также сформулированы цели и задачи, направленные на обеспечение экологического благополучия нашей страны посредством создания мощностей для переработки твердых бытовых отходов, их минимизации посредством глубокого захоронения, промышленной переработки и вовлечения в хозяйственный оборот.

В крупных городах к 2036 году в два раза планируется снизить выбросы загрязняющих воздух веществ, в том числе посредством утилизации и обезвреживания неочищенных сточных вод, сохранением уникальной экологической системы озера Байкал.

В числе аналогичных мероприятий также выделяют охрану лесного фонда, фауны и флоры, поддержание и организация экотуризма в существующих национальных парках.

В рассматриваемом нормативно-правовом акте Президента РФ установлены маркеры достижения режима устойчиво и динамично развивающейся экономики страны за счёт макроэкономической стабильности, повышения производительности труда, снижения безработицы, увеличения объёма ВВП выше

среднемирового, рассчитанного по паритету покупательной способности, а также значительного снижения импорта товаров и услуг.

Планируется увеличение инвестиций в основной капитал существующих и вновь создаваемых предприятий общенациональными финансовыми средствами, а также за счет систематического улучшения инвестиционного климата. Это делается для роста доходов населения не ниже уровня инфляции, параллельно с ростом валового внутреннего продукта страны, обеспечиваемого в том числе плотностью роботизации.

Обоснованно планируется вовлечь крупные предприятия несырьевых отраслей экономики и все государственные и муниципальные организации социальной сферы в реализацию проектов, ориентированных на повышение производительности труда, создание эффективной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, могущих работать в приоритетных отраслях экономики, освоение значительным количеством студентов нескольких квалификаций в рамках профессионального образования.

Планируется достижение профицитной бюджетной обеспеченности всех 89 субъектов Российской Федерации для минимизации финансовой поддержки из федерального бюджета в форме целевых межбюджетных трансфертов. Значительно увеличить долю туристских услуг в валовом внутреннем продукте страны, а также величину экспорта несырьевых неэнергетических товаров, а также продукцию агропромышленного комплекса.

Посредством налаживания устойчивых экономических связей с дружественными государствами, технологической, промышленной кооперации, освоением новых рынков, глобальной конкурентоспособности существующих и вновь создаваемых маршрутов повысить объемы торговли товарами.

В качестве стратегической поставлена цель сделать упор в экономической сфере на внедрение в производство венчурных технологий, получаемых посредством НИОКР, с вхождением нашей страны в число 10 ведущих стран мира по объему таких

разработок. На эту цель планируется выделить финансовые средства, равные 2 % ВВП страны, с увеличением в два раза величины инвестиций со стороны частных компаний. Отсюда в разы планируется увеличение объёмов российских высокотехнологичных товаров и услуг, а также выручки малых технологических компаний.

Иначе говоря, нам необходимо добиться *технологического лидерства* среди развитых стран современного мира. А сама технологическая независимость обеспечивается созданием различных сегментов рынка. Речь идёт о биоэкономике, охране здоровья граждан, продовольственной безопасности, беспилотных авиационных системах, средствах производства и автоматизации, транспортной мобильности, экономике данных и цифровой трансформации, искусственном интеллекте, новых материалах и химии, перспективных космических технологиях и сервисах, новых энергетических технологиях, включая атомные.

В качестве одной из основных определена задача цифровой трансформации управленческого процесса в стране, её экономики, а также социальной сферы, названной «цифровой зрелостью». Она в себя включает:

- автоматизацию модели управления с внедрением технологий обработки информации в сфере управления, отраслях экономики, социальной сфере, здравоохранении и образовании;
- работу с рынком данных, предполагающую их использование в хозяйственном обороте, сохранность, обмен и защиту от несанкционированного использования;
- расширение числа домохозяйств, получаемых высокоскоростной интернет с качественной мобильной связью;
- качественный рост инвестиций в информационные технологии, сопряжённый с переходом отраслей экономики на прикладное российское программное обеспечение в управленческой и производственной сферах. Речь идёт о государственных и муниципальных органах, юридических лицах с государственным участием, в уставном капитале которых доля участия государства превышает 50 %;

— увеличение доли предоставления населению государственных и муниципальных услуг в электронной форме посредством внедрения в деятельность органов публично-правовой власти единой цифровой платформы;

— формирование кадровой политики государства, руководствуясь принципами: а) равных возможностей; б) приоритета знаний, умений и навыков (компетенций), с механизмом оценки и обратной связи посредством единой цифровой платформы;

— минимизация случаев совершения общественно-опасных деяний в виртуальной среде, а также достижение суверенитета информационной безопасности в сети Интернет.

Подытоживая, отметим, что обеспечение безопасности российского общества и государства невозможно представить без реализации вышеизложенных целей и задач на перспективу до 2036 года. Благо, что есть политическая воля государства, определённая в рамках соответствующего нормативно-правового акта, где выстроены приоритеты развития страны с опорой на российскую самость во всех сферах общественной жизни. Активная реализация указанных целей и задач поднимет страну на желаемую высоту, позволит ей перейти на сугубо российские технологические и сырьевые основы, избавит общество и государство от ненужной зависимости со стороны третьих стран, сделает страну независимым, суверенным, эффективным, самодостаточным и уважаемым государством во всем мире.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 года // О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Российская газета. 2024. 7 мая.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ДУХОВНО- НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

*Алжанбеков М. Г.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
Багамаева И. О.
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. В настоящей статье рассматривается социокультурные и духовно- нравственные ценности как база патриотического воспитания обучающихся на современном этапе и прилагаются формы и методы патриотического воспитания на Северном Кавказе, в частности Дагестане. Определяется компетенция образовательных организаций республики, методы воспитания учащейся молодежи, а также вопросы активного межэтнического диалога различных культур, обогащающая содержательную основу национального развития народов Северного Кавказа и Дагестана. Одной из основных задач современного образования становится раскрытие познавательного потенциала учебного процесса и всех его участников. Это обусловлено тем, что именно образование позволяет человеку активно участвовать в экономической, политической, духовной и культурной жизни общества, дает возможность утвердить свою самостоятельность, раскрывать свои способности и реализовать свои возможности как мобильный специалист и морально устойчивая личность. В статье рассматривается понятие методология как основа социокультурных и духовно-нравственных ценностей патриотического воспитания обучающихся.

Ключевые слова: нравственность, педагогика, ценности, патриотизм, личность, духовность, воспитание, школа, методология, обучающиеся.

SOCIO-CULTURAL AND SPIRITUAL-MORAL VALUES AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS

*Alzhanbekov M. G.,
Dagestan State University, Makhachkala
Bagamaeva I. O.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. This article examines socio-cultural and spiritual and moral values as the basis of patriotic education of students at the present stage and applies the forms and methods of patriotic education in the North Caucasus, in particular Dagestan. It defines the competence of educational organizations of the republic, methods of educating young students, as well as issues of active interethnic dialogue between different cultures, enriching the substantial basis of the national development of the peoples of the North Caucasus and Dagestan. One of the main tasks of modern education is the disclosure of the cognitive potential of the educational process and all its participants. This is due to the fact that education allows a person to actively participate in the economic, political, spiritual and cultural life of society, provides an opportunity to assert their independence, reveal their abilities and realize their capabilities as a mobile specialist and a morally stable person. The article discusses the concept of methodology as the basis of socio-cultural and spiritual and moral values of patriotic education of students.

Keywords: morality, pedagogy, values, patriotism, personality, spirituality, upbringing, school, methodology, students.

В современных условиях модернизации образования актуализируется задача подготовки активной, творческой, целеустремленной, гуманной личности, проявляющей высокий уровень патриотических и гражданских чувств,

духовно-нравственной культуры, адаптивной к складывающимся в обществе нормам и ценностям, к жизнедеятельности, сопряженной с большим количеством кризисных, стрессовых ситуаций, способной их конструктивно преодолевать. Проблема формирования личности с высокими нравственными, гражданско-патриотическими качествами связана не только с кардинальными изменениями социально-экономических, политических отношений и сложных социальных и культурных преобразований, но и с необходимостью принятия конкретных шагов для выхода из глубокого системного кризиса образования, устранения его последствий.

Современная социальная и культурная ситуация характеризуется рядом негативных факторов, влияющих на жизненные ориентиры молодежи. В этих условиях в воспитании патриотизма и гражданственности молодежи большое значение имеет осознание ими приоритетов и духовных ценностей, выработанных и накопленных старшими поколениями за многие века. Создавшаяся ситуация в молодежной среде нашей страны, существующее положение в сфере воспитания еще больше актуализируют проблему формирования личности с высокими нравственными, гражданско-патриотическими качествами, предъявляют высокие требования к психологическим и духовно-нравственным ресурсам человека как субъекта жизнедеятельности.

Между тем, современная социальная и культурная ситуация характеризуется рядом негативных факторов, влияющих на жизненные ориентиры молодежи. Начавшиеся с «застойного» периода, продолжающиеся в перестроечные годы негативные явления в сфере воспитания сейчас начинают проявляться в масштабе семьи, школы, микрорайона, региона, республики в форме непрекращающегося терроризма, вандализма, экстремизма, национализма, ксенофобии.

Отсюда состояние нашего общества, в особенности молодежи, таково, что значительная ее часть испытывает общую неудовлетворенность жизнью, наблюдается также снижение «нравственной планки», духовности обучающихся. Кроме того,

процесс наращивания в стране огромного потенциала аксиологических ориентиров, исторического опыта, накопленного человечеством, народами России, к великому сожалению, не сопровождается достаточным отражением их в содержании патриотического воспитания молодого поколения, очень низок уровень освоения ими этих ценностей, идеалов, смыслов. Отсюда возникает проблема изучения, освоения обучающимися социокультурных и духовно-нравственных ценностей в процессе их социализации.

Сегодня для России, одной из крупнейших многонациональных, многоконфессиональных стран мира, важнейшей целью стало формирование у своих граждан чувств и сознания патриотизма и дружбы народов. В Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» главной целью становится развитие системы патриотического воспитания граждан страны.

Ее достижение означает формирование патриотических чувств и сознания граждан России, решение задач по консолидации общества, поддержание общественной и экономической стабильности, упрочение единства и дружбы народов России. Совершенствование системы патриотического воспитания, несомненно, обеспечит развитие России как свободного, демократического государства, формирование у граждан Российской Федерации высокого патриотического сознания, верности Отечеству, готовности к выполнению конституционных обязанностей.

При этом Государственная программа обращает серьезное внимание на то обстоятельство, что экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей оказывали негативное влияние на общественное сознание большинства социальных и возрастных групп населения, особенно молодежи [4].

Вопросы воспитания общечеловеческих ценностей отражаются в различных международных документах. Образовательная система России отреагировала на это принятием ряда

документов федерального и регионального уровня по реформации образования и воспитания на различных этапах обучения.

В частности, в основном документе — Законе об образовании в РФ в статье 3 первым пунктом ставятся принципы о признании приоритетности образования и о его гуманистическом характере. Отсюда и вытекает приоритетность общечеловеческих ценностей, жизни, здоровья, свободного развития людей [6].

Необходимость воспитания у подрастающего поколения представлений об общечеловеческих ценностях возникла не сегодня. Неоднократно делались попытки создать список таких ценностей как в виде религиозных заповедей (семь заповедей Ветхого Завета или сорок заповедей христианских ценностей вообще), так и в виде морального облика личности (105 критериев Л. Толстого или моральный кодекс строителя коммунизма).

Достаточно подробно и критично сделан анализ и обобщен смысл того, что заложено в каждой из таких духовных ценностей, рядом авторов — Н. Д. Никандровым, С. Бирзеа, Дж. Соросом, П. Уайтом, В. А. Караковским и другими.

Исторически эволюционные и революционные проекты воспитания человека постоянно сменяли друг друга, противопоставлялись и поочередно одерживали верх друг над другом. По этому поводу Н. Д. Никандров пишет: «Государственные документы и общечеловеческие ценности отождествлять нельзя. Многие провозглашали государственные ценности, но их суть — ценности господствующей группы населения» [9, с. 237].

Ценности фиксируют то, что сложилось в жизни, в менталитете народа и провозглашено как нормы. Меняются ценности — меняются нормы — меняются цели воспитания... С древнейших времен люди пытались найти наиболее общие нравственные основания для поведения, привести их в систему писанных моральных норм...

Неслучайно великие философы древности стремились представить себе и теоретически обосновать облик идеального человека как средоточия фундаментальных ценностей — добродетелей... Воспитание человека в духе этих ценностей и есть правильное решение проблемы целей воспитания. [10, с. 3–10].

В раскрытии методологических ориентиров и ценностных приоритетов в патриотическом воспитании молодежи особое место занимают исламские традиции и ценности, т. к. в образе жизни кавказских народов ислам, шариат являются определяющим фактором влияния. По этому поводу можно привести ряд примеров, но здесь остановимся лишь на двух.

У мусульман есть две клятвы, которые не осмелится нарушить ни один правоверный: «Клянусь Аллахом!», «Клянусь Кораном!» Это говорит о немеркнувшей ценности Корана как одного из величайших шедевров мировой культуры, почтительное отношение к которому передается из поколения в поколение уже почти четырнадцать веков...

Рождались и умирали революции, возникали и погибали государства, появлялись и исчезали правители, в том числе великие, меняющие лицо Земли, обогащались наши знания, а Коран жил и живет, поражая глубиной мысли, широтой охвата проблем, увлекая людей божественной красотой своих аятов тем сильнее, чем чаще мы к нему обращаемся [7, с. 5].

В духовно-нравственном развитии народов Северного Кавказа огромную роль играла мусульманская религия ислам, которая стала распространяться с 642 года. По числу последователей она занимает второе место в мире (в настоящее время ее исповедуют более миллиарда жителей всех континентов планеты).

Исключительно выдающаяся роль в основании ислама принадлежит Пророку Мухаммаду, реальному историческому лицу. В книге американского ученого Майкла Харта «Сто самых влиятельных личностей в истории», расставленных по порядку, на первое место поставлено имя Великого Мухаммада, К. Марксу отводится одиннадцатое, а В. И. Ленину — пятнадцатое место [8, с. 62]

Говоря о роли других ученых-арабистов дагестанцев в распространении исламских традиций и заповедей Корана, в частности выдающегося мыслителя, мусульманского философа, имама тариката, духовного вождя антиколониального освободительного движения под руководством имама Шамиля — Магомеда

Ярагского, А. Г. Агаев приводит заповеди и наставления, систематизированные М. Ярагским:

- каждый человек должен верить во что-то одно, единственное, то, что он признает лучшим на свете;
- первой заповедью веры наших отцов, нашим высшим благом всегда была свобода;
- первым нашим пожеланием должно быть свобода, последним — ненависть к неверным;
- кто мусульманин, тот должен быть свободный человек, и между всеми мусульманами должно быть равенство;
- идите и освободите свои души от духа рабства, который вас сковывает;
- угнетенные должны освободить себя, а свободные — отвести от себя рабство;
- вера делает человека сильным, а безверие — трусливым;
- боритесь — и вы будете свободны;
- знайте, молитвы рабов не будут услышаны;
- вы можете найти спасение: изгоните от себя разврат, умерщвляя страсти постом и воздержанием, не пейте вина, этого нечистого изделия дьявола, не подражайте неверным, которые курят трубки, кайтесь, что никогда грешить не будете [1, С. 212].

Таким образом, для того чтобы защитить молодежь от негативного, воспитать их подлинными гражданами и патриотами страны, надо научить ее мудрости, способности принимать во внимание опыт других, в том числе знания и опыт предыдущих поколений, выбору правильных жизненных приоритетов и ценностных ориентаций.

Методологическую сторону силы воспитательного воздействия старшего человека на младшего, опыта старшего поколения очень тонко показывают в своей работе А. Я. Данилюк и А. М. Кондаков: «В общественном сознании имеет место неоднозначное отношение к воспитанию. Именно поэтому необходимо вернуться к изначальному его значению.

Слово «воспитание» состоит из двух частей: приставки «вос-», означающей восхождение, возрастание и т. д., и корня — пит,

означающего пить, питать и т. д. Русское слово «воспитание» означает буквально «питание человека духовной пищей для его личностного роста и развития». Воспитатель отвечает за качество духовной пищи.

Но при этом выбор самой духовной пищи (при всем ее разнообразии, предоставляемой современной информационной цивилизацией, обществом знания) остается за воспитанником. Да и сами социальные роли воспитателя и воспитанника в современных условиях уже не фиксируются жестко за отдельными людьми.

Родители учатся у своих детей и развиваются благодаря их влиянию не в меньшей степени, чем сами их воспитывают. Воспитатель перестал быть определяющим источником норм поведения, он всегда значим, но уже не авторитарен.

Современное воспитание перешло в сферу взаимной поддержки, обмена опытом духовного, социального, профессионального и иного личностного развития. Один человек уже не может сказать другому: «Поступай и живи, как я сказал». Такие слова фальшивы, и их значение ложно в мире, в котором все меняется стремительно и никто не может знать будущее точно.

Чтобы оставаться человеком в непрерывно обновляющемся мире, быть успешным, конструктивно, творчески решать новые задачи, человеку самому надо постоянно совершенствоваться. В процессе личностного развития он может уверенно опереться только на опыт других людей, решавших сходные проблемы.

Истинный воспитатель тот, кто может сказать другому: «Я знаю эту проблему, я знаю, что надо изменить в себе, чтобы ее решить, возможно, мой опыт будет тебе полезен». Воспитание как взаимная поддержка людей в процессах личностного развития каждого из них исключительно важно для современной России.

Главная наша национальная проблема — отсутствие должной заботы государства об обществе, общества — о своем настоящем и будущем, людей — друг о друге, человека — о собственной жизни. В Советской России жизнь отдельного человека ничего не стоила, власть вела борьбу с собственным народом,

перековывая его в угоду абстрактным политическим идеалам, подозрительность, настороженность, недоверие граждан друг к другу стали условием их личной безопасности.

В 1990-е годы идеологический диктат власти прекратился, но до сих пор сохраняется стиль гражданской войны в социальных отношениях: каждый сам за себя, мораль поддерживается среди своих, по отношению к другим многое позволено. Эту духовную и как следствие социальную неустроенность российского общества не выправить ни властью, ни деньгами, но только консолидированными усилиями государства и общества по формированию и укреплению заботы и доверия как ценностей национальной культуры и современной жизни» [5, с. 8–9].

Патриотизм в России стал государственной идеологией, одним из основных ресурсов консолидации общества. В общественном сознании патриотизм выступает важнейшим условием сохранения и развития нашей Родины, неотъемлемой исторической и социально-нравственной ценностью российского народа, системообразующим элементом общенациональной идеи.

В патриотическом воспитании как направлении государственной политики удалось осуществить перевод решения проблемы на системную основу. Одна из важнейших задач, поставленная в государственных программах, — создание и функционирование государственной системы патриотического воспитания в стране.

В свете современной ситуации проведенный исторический анализ развития патриотических идей в России, интерпретация патриотизма как важнейшего компонента русской идеи, безусловно, ценны и продуктивны, а основанные на анализе выводы представляются конструктивными в выработке взвешенной, научно обоснованной стратегии патриотического воспитания [2, с. 114].

Так, весьма созвучен нашему времени принцип нравственности и гуманизма, лежащий в основе методологии русской идеи В. Соловьёва, согласно которой патриотизм был поднят на новую высоту и представлен перед народами в виде высшего

идеала, объединяющего начала, способствующего преодолению национальной ограниченности и эгоизма.

«Мы должны любить все народности, как свою собственную. Этой заповедью утверждается патриотизм как естественное и основное чувство, как прямая обязанность лица к его ближайшему собирательному целому, и в то же время его чувство освобождается от зоологических свойств народного эгоизма, становясь основой и мерилom для положительного отношения ко всем другим народам сообразно безусловному всеобъемлющему нравственному началу» [14, с. 378].

Безопасность это не только защищенность страны от военной угрозы, не только охрана государственных границ и поддержание необходимого уровня обороноспособности, не только борьба с терроризмом, но и состояние общественного сознания, духовной атмосферы, общественной психологии, идеологии, морали. Эти духовные факторы сами зависят от степени защищенности и гарантированности социальных интересов и прав граждан.

Безопасность страны обеспечивает не примитивное копирование западных образцов и подражание им, а гибкое реагирование на мировые реалии, опора на исторический уклад жизни, национальный характер, традиции, интеллектуальный и духовно-патриотический потенциал, развитие внутренних творчески-созидательных сил и способностей народов России с учетом их истории, менталитета и традиций [13, с. 42].

Наши исследования, проведенные по выявлению и обоснованию ценностных ориентаций, аксиологических основ российского патриотизма, убедительно показывают, что в последние десятилетия ценностный багаж молодежи претерпел серьезные изменения как по своему содержанию (обеднение правовых, нравственных, социальных ориентиров), так и по форме проявления — на первый план вышли индивидуалистические и материальные ценности. Так, если рассмотреть палитру базисных ценностей, действующих до сих пор, то среди них узловыми считаются: здоровье; семья; общение с друзьями, близкими; деньги; любовь к человеку, природе, Родине.

Если же анализировать, как меняется отношение современной молодежи к рассматриваемому аспекту, т. е. патриотизму, то в ее понимании это понятие изжило себя. Идеи защиты Родины, жертвенности во имя ее благополучия уходят на задний план. Быть патриотом, как считает молодежь (третья часть), — это значит соблюдать законы своего государства и добросовестно выполнять свои обязанности, т. е. быть гражданином своей страны [15, с. 122].

Аксиологический (ценностный) потенциал патриотизма принято определить как совокупность интеллектуальных, эмоциональных и духовных возможностей патриотических ценностей, используемых для формирования патриотического сознания, чувства любви к Родине, верности своему Отечеству, социально позитивного поведения и деятельности.

Интегрированным показателем развития личности школьника в идеале должны стать такие системообразующие качества, как свободная, гуманная, духовная и творческая личность, при этом основными характеристиками выступают: высокий уровень самосознания, самодисциплины, саморегуляции, независимость суждений, ориентация в мире духовных ценностей и жизненных ситуаций; развитое чувство собственного достоинства, чувство личной и социальной ответственности, культура самоуважения, самоутверждения, выбор стиля жизнедеятельности, линии поведения, способы своего развития, культура жизненного самоопределения, ответственное принятие решений.

Кроме того, качествами гуманной личности, на наш взгляд, являются: любовь к живому, признание неприкосновенности человеческой жизни, ее неповторимости и ценности, здоровья, семейного благополучия; милосердие, доброта, доброжелательность, отзывчивость, сопереживание и альтруизм.

Анализ литературы показал, что главными качествами духовной личности являются: автономность внутреннего мира, развитие потребности в самопознании, рефлексивная культура, высокий уровень личностной рефлексии; поиск идеала и смысла жизни; историческая память и национальное самосознание;

способность к культурной идентификации, потребность в прекрасном; коммуникативная культура, компетентность и т. д. Качества творческой личности — культура сомнения, развитое чувство нового; сочетание интуитивного и аналитического (вариативного) мышления; позитивная мера неудовлетворенности, способность к жизнотворчеству, созиданию.

Так определяет базисные ценности в качестве стратегии воспитания и национальной идеи для граждан Российской Федерации академик РАО Г. Н. Волков: «История педагогики оставила нам непревзойденные образцы и идеи, и проекты, и действующие учреждения...». Подводя в «Духовном завещании» итоги своей деятельности, Н. Я. Яковлев сформировал национальную идею в семи заповедях — и это в то время, когда одни великие науки потеряли ее, а другие до сих пор ищут и не могут найти.

«Чувашскую национальную идею» ученый назвал «семижды любовь»:

1) к Богу: «Крепче всего берегите величайшую святыню — веру в Бога»;

2) к России: «Чтите, любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума и воли... Верьте в Россию и любите ее, и она будет вам матерью»;

3) к родному народу: «Не гнушайтесь бедности, слабости и невежества своих сородичей: из них вы вышли, и для них вы должны поработать, чтобы заплатить ваш долг за полученное образование. Любовь народная вознаградит вас за то, что вы не забудете вашего долга перед своими младшими братьями»;

4) к родному языку: «Помните, что владеть сердцем народным вы сможете только, если не будете чуждаться языка родного»;

5) к родителям и детям: «Берегите семью: в семье — опора народа и государства. В семейном счастье — защита от жизненных испытаний. Берегите целомудрие: бойтесь вина и соблазнов»;

6) к труду: «Верьте в силу мирного труда и любите его»;

7) к правде и справедливости: «Будьте дружны между собой, избегайте мелких счетов и распрей, помните о великом завете

Спасителя: любите и ненавидящих нас... и твердо надейтесь на жизненную силу уступчивости и снисхождения... Бойтесь путей кривых и обходных: успехи, достигаемые нечестными средствами, непрочные и временные» [3, с. 14].

В идеале патриот России должен быть ориентированным на приоритет национальных российских ценностей при должном движении к ценностям других цивилизаций (статья 29 Конвенции о правах ребенка). Такой человек стремится в разумных пределах сочетать личные интересы с интересами страны, общества, государства и других людей, способен правильно выбирать жизненные цели, избегая крайностей коллективизма и индивидуализма.

Он терпим к другим людям и их ценностям, понимает, что идеальные общественные устройства — это довольно абстрактные модели, что реальная ориентация человека есть ориентация на развитие в рамках социального мира, справедливости, полного равенства прав и возможностей и относительно дифференцированного распределения благ в соответствии с затраченным трудом, его количеством, качеством и квалификацией работника.

Человек-патриот, гражданин понимает и стремится осуществлять идею устойчивого развития в различных сферах собственности, отвергает эксплуатацию в любых формах, понимает демократию как реальное народовластие, но осознает и ограниченность ее современных форм в России. Он способен адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, готов активно влиять на эти условия для достижения как общественного прогресса, так и личного успеха.

Подлинный гражданин законопослушен и одновременно готов легальными методами изменять систему власти, не работающую на интересы народа и личности [11, с. 25].

Подытоживая все общечеловеческие и отечественные достижения в этой области, попробуем дать более полную характеристику следующих базисных качеств человека, религиозных ценностей, смертных грехов, добродетелей и моральных принципов самого общего характера:

— базисные качества человека (их 49): доброжелательность, умеренность, активность, аккуратность, вежливость, приветливость, дисциплинированность, работоспособность, чувство долга, чувство национальной гордости, патриотизм, ответственность, культура общения, бережное отношение к природе, уважение прав и свобод других людей, честность (правдивость), чуткость (милосердие, сопереживание), ответственность за свои поступки, организованность, трудолюбие, настойчивость (целеустремленность), скромность, коллективизм (умение трудиться сообща), инициативность (самостоятельность), готовность трудиться, деловитость (предприимчивость), уважение к людям труда, тактичность, умение держать себя в обществе, опрятность (чистоплотность), усердие, ответственность за свое здоровье, активный образ жизни, умение проводить досуг, разносторонняя образованность, знание правовых норм, знание религии, этики, знание духовных основ жизни, умение наладить отношения в семье, психосексуальная подготовленность, уважение к противоположному полу, готовность вступить в брак, уважение к родителям, уважение к пожилым людям, умение наладить общение, прилежание, умение доводить дело до конца, толерантность;

— религиозные ценности, известные людям уже не одно столетие: почитай отца своего и мать; не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не произноси ложного свидетельства на ближнего своего; не пожелай жены ближнего своего; не пожелай имущества ближнего своего; возлюби ближнего своего как самого себя;

— смертные грехи, которые человек должен избегать в жизни (их восемь): гордыня; жадность; блуд (половое распутство); зависть; чревоугодие (обжорство); гнев; лень;

— добродетели (их тоже семь), противоположные главным грехам: смирение; щедрость; целомудрие; доброжелательность; умеренность; кротость (сабур, толерантность); усердие в добрых делах;

— моральные принципы (самого общего характера): накормить голодного; напоить жаждущего; одеть нагого; принять

странника в дом свой; навестить больного; посетить заключенного; похоронить умершего.

Аксиологическими ориентирами и особенностями национального воспитания в Дагестане выступают: уважение, почитание и непререкаемость авторитета старших, решение спорных вопросов и выход из конфликтных ситуаций с помощью мудрости, мудрый совет, поступок, т. е. тринитарность, «примерка» на себя; метод общественного порицания за поступки, святость намуса, т. е. понятия чести и достоинства; гостеприимство, совестливость, справедливость, семья, тухум (род), милосердие, целомудрие и девственность до замужества, воспитание железного характера мужчины, непримиримость к позору, предательству и т. п. [16, с. 36].

Таким образом, иман, яхI, намус, горский дух, любовь к Родине — вот малый перечень ценностей дагестанских народов.

Вполне естественно, что чем глубже молодые люди будут осознавать сущность и значимость вышеуказанных базисных ценностей, установок и приоритетов, тем лучше и успешнее формируются их оценочные суждения, взгляды, убеждения и установки поведения, развивается их сознание.

Российский патриотизм можно представить как своеобразную национальную идею и обобщающую ценность, объединяющую социально-ценностную систему.

Современный национальный воспитательный идеал — это высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях многонационального народа России.

В федеральных государственных образовательных стандартах среднего (полного) общего образования в разделах «требования к результатам освоения основной образовательной программы», «требования к структуре основной образовательной программы» красной нитью проходят идеи формирования базовых национальных ценностей российского общества [12, с. 71]. Эти идеи, можно

сказать, служат своеобразной моделью, концептуальным ядром в патриотическом воспитании молодежи.

Таким образом, вышеуказанные приоритеты, ценностные ориентации, общечеловеческие и российские базисные ценности, а также национальные и религиозные ценности народов, населяющих Россию, являются методологической основой, фундаментом в социокультурном и духовно-нравственном становлении личности школьника. Они являются базисом, национальной идеей и идеалом патриотического воспитания молодежи.

Литература:

1. *Агаев А. Г.* Магомед Ярагский. — Махачкала, 2016.
2. *Быков А. К.* Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации: на стыке двух государственных программ // Педагогика. 2018. № 1.
3. *Волков Г. Н.* Этнопедагогическая стратегия национального образования // Педагогика. 2018. № 8.
4. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2015—2020 гг.». — М.: Росвоенцентр, 2015.
5. *Данилюк А. Я., Кондаков А. М.* Развитие человеческого потенциала в условиях модернизации России // Педагогика. 2014. № 1.
6. Закон об образовании в РФ от 27 декабря 2012 г. // Официальный сайт Министерства образования и науки РФ. — Режим доступа: <http://mon.gov.ru/dok/fz/obr/3986>.
7. *Керимов Г.* Коран и Сунна: проблемы соотношений // Этнодиалоги: Коран в России. — М.: Этносфера, 2017.
8. *Магомедов А. М.* Исламские традиции и их использование в опыте старших поколений // Вестник Дагестанского научного центра РАО. Вып. II. — Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2018.
9. *Никандров Н. Д.* Круглый стол «Реформирование образования России» // Педагогика. 2017. № 5.
10. *Никандров Н. Д.* Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. — М., 2020.

11. *Никандров Н. Д.* Ценности как основа целей воспитания // Педагогика. 2018. № 3.
12. Проект Федерального государственного образовательного стандарта общего образования [Электронный ресурс] <http://standart.edu.ru/attachment.aspx?id=446>
13. Российский патриотизм: истоки, содержание, воспитание в современных условиях / Под общ.ред. А. К. Быкова и В. И. Лутовинова. — М.: Планета, 2014.
14. *Соловьёв В. С.* Оправдание добра // Соч.: В 2 т. Т. 1. — М., 2016.
15. *Тучалаев С. Т.* Национальное образование России: методология, теория и практика (на примере содержания национально-регионального компонента образования Дагестана). — Ростов-на-Дону, 2014.
16. *Тучалаев С. Т., Забитова Я. З.* Патриотическое воспитание старшеклассников на примере жизни и деятельности выдающихся ученых. — Махачкала: АЛЕФ, 2018.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ — ПУТЬ К ГРАЖДАНСКОМУ СОГЛАСИЮ

*Сеидова Г. Н.,
филиал Дагестанского государственного университета
в г. Дербенте*

Аннотация. В статье показывается, что возрастание роли и значения религиозной сферы в жизни российского общества связано со становлением институтов гражданского общества и изменением характера государственно-конфессиональных отношений. На первый план в качестве особо значимого фактора общественного развития выдвинулись культура, религиозные и ментальные составляемые духовной жизни народов. Северный Кавказ изначально входит в число главных геополитических векторов России.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религиозная идентичность, цивилизация, культурная самобытность.

INTERCULTURAL AND INTERRELIGIOUS DIALOGUE — THE PATH TO CIVIL HARMONY

*Seidova G. N.,
Branch of Dagestan State University in Derbent*

Abstract. It is shown that the increasing role and importance of the religious sphere in the life of Russian society are associated with the formation of civil society institutions and changes in the nature of state-confessional relations. Culture, religious and mental components of the spiritual life of peoples have come to the forefront as a particularly significant factor in social development. The North Caucasus has been one of Russia's main geopolitical vectors from the beginning.

Keywords: state-confessional relations, religious identity, civilization, cultural originality.

Необходимость теоретического исследования проблемы сохранения гражданского согласия в обществе как одной из основ государственности России на примере её южных рубежей, в частности Северного Кавказа, никогда не утратит актуальности. Вне всякого сомнения, что за последние десятилетия роль и значение религиозной сферы в жизни российского общества существенно возросли. Не в последнюю очередь это связано со становлением институтов гражданского общества и изменением самого характера государственно-конфессиональных отношений, возможностью более объективного, глубокого изучения и постижения духовного наследия многонационального и поликонфессионального российского народа. Регионы юга России представляют собой чрезвычайно пёструю картину, как в этническом, так и конфессиональном отношении. По разным оценкам, здесь проживают представители более 170 народов, принадлежащие к более чем 40 направлениям и течениям религии. В целом же в стране проживают, хотя оценки и сильно разнятся, от 11 до 22 млн мусульман, принадлежащих более чем к 40 этносам [3, с. 438–450]. Уникальность российской цивилизации также и в том, что в её истории не имели места сколько-нибудь серьёзные межконфессиональные и межэтнические конфликты. Мощным традиционным культурным пластам исламской цивилизации удалось органично влиться в целостную российскую культуру. На первый план в качестве особо значимого фактора и детерминанта общественного развития, отодвинув где-то даже на второй план способ производства и экономику, выдвинулись культура, религиозные и ментальные слагаемые духовной жизни народов. Северный Кавказ изначально входит в число главных геополитических векторов России и, к счастью, не является более одной из самых горячих точек планеты. Но это столь сложный геополитический район, что нельзя расслабляться, и потому первейшей задачей продолжает оставаться необходимость исключить присущий

ему политический регионализм. Наблюдается, с одной стороны — тенденция к всплеску религиозности, а с другой — переплетение и обострение межэтнических и межрелигиозных противоречий, опасное распространение новых для России религиозных движений, что усложняет религиозную ситуацию [1, с. 150]. Поэтому многонациональный, поликонфессиональный, с высоким уровнем безработицы, особенно среди молодёжи, регион всё ещё остаётся зоной социального и политического напряжения. По справедливому наблюдению Н. В. Филатовой: «Часто молодёжь определяют как цель общества, т. к. в молодёжи заложена потенциальная возможность иметь будущее страны, которое может быть создано с помощью соответствующего развития молодого поколения. В таком случае молодёжь рассматривается как ресурс национального развития» [8, с. 164].

Россия при учете национальной и религиозной специфики народонаселения страны исходит из модели государства-цивилизации, делая акцент на том, что традиционные религиозные деноминации являются неотъемлемой частью идентичности и исторического наследия страны. В. С. Комаровский пишет: «Следует исходить из того, что в идеале русская культура является таковой скорее по форме, языку. В своём содержании она отражает многовековой опыт сотрудничества всех народов страны. Немало подтверждений этому прозвучало на X Международном мусульманском форуме (Москва, 10—12 декабря 2014 г.), на котором представители различных конфессий продемонстрировали общность подходов к укреплению независимости России, взаимодействию культур и формированию национально-государственной идентичности страны» [4, с. 20]. Общество само по себе гораздо более способно к трансформации, нежели такая консервативная форма общественного сознания, как религия. Поэтому вопрос вероисповедания служит не просто поводом для интеллектуальных дискуссий или словесных упражнений, а одним из основополагающих принципов самой культуры, в которой вырабатывалась парадигма правового развития нации. Вопросы религии подчас оказываются наиболее болезненными, нередко провокационными, так

как обращены к самым глубинам национального сознания, на что обратил внимание Г.В.Ф. Гегель: «Все народы знают, что именно религиозное сознание есть та сфера, где они обладают истиной, и в религии они всегда видели своё достоинство...» [2, с. 533]. Есть мнение, что, пожалуй, нигде, кроме нашей страны, геополитика не была так тесно связана с регионалистикой, а преодоление международной изоляции и усиление внешнеполитического влияния — с необходимостью учёта разнообразия и специфики регионов [7, с. 320]. Государственное управление должно стремиться, насколько можно, к концепции социальной справедливости, обеспечивающей консенсус различных слоёв населения и не вызывающей возмущения общества или чувства зависти среди составляющих его индивидуумов. О национальной справедливости в этом плане можно говорить лишь при чрезвычайно важной её составляющей — безопасности социальной [5, с. 9].

Это, в свою очередь, привело к возникновению диалога культур, касающегося судеб мирового сообщества не столько с точки зрения экономического взаимодействия, а преимущественно религиозно-культурных особенностей, которые на протяжении веков формировались в ареалах различных духовных традиций. Каждая из этих религиозно-философских и этических систем формировала законы функционирования государства, а также гражданские и правовые нормы [6, с. 14]. Главное для сегодняшнего северокавказского общества — общественная безопасность, экономическое благополучие, качественное здравоохранение и образование, сбережение родных языков и традиционной культуры. Задача же ученых и политиков — формировать соответствующую систему ценностей, оптимальную ее иерархию, реализуемую в прогрессе общества.

Литература:

1. Барышникова И. В., Беликова Е. О., Нестерова А. Г. Религии и религиозные организации в регионе: опыт социологического исследования // *Личность. Культура. Общество*. 2007. Т. 9. Спец. выпуск 1(35). 149 с.

2. Гегель Г. Философия религии / Г. Гегель. В 2-х т. Т. 1. / Пер. с нем. М. И. Левиной. — М.: Мысль, 1975. 532 с.
3. Ермаков И. А. Ислам в культуре России в очерках и образах. — М.: Агентство «Издательский сервис», 2001. — 512 с.
4. Комаровский В. С. Формирование национально-государственной идентичности России: Вызовы и риски // Власть. 2015. № 3. С 20—27.
5. Пирогов Г. Г., Ефимов Б. А. Социальная справедливость и национальная безопасность // Конфликтология. 2007. № 4.
6. Сеидова Г. Н. Иран и глобальные вызовы современности: монография — Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М. А.), 2015. — 284 с.
7. Трофимова И. Н. Региональное развитие России в геополитическом контексте. Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / Под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина. Отв. ред. Т. Л. Шестова. — М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 2. — 448 с.
8. Филатова Н. В. Возможности реализации мирных стратегий в управлении политическими процессами // Конфликтология. 2007. № 4.

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Ташлинская Е. Ш.,
Ульяновский государственный
технический университет, г. Ульяновск*

Аннотация. В статье раскрываются основные противоречия национального самосознания, что составляет исток русской цивилизации, преодоление которых позволит двигаться на пути нравственного и социального прогресса.

Ключевые слова: цивилизация, противоречия, национальное самосознание, русская идея.

RUSSIAN CIVILIZATION: CONTRADICTIONS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

*Tashlinskaya E. Sh.,
Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk*

Abstract. The article reveals the main contradictions of national self-consciousness, which is the source of Russian civilization, overcoming which will allow us to move along the path of moral and social progress.

Keywords: civilization, contradictions, national self-consciousness, Russian idea.

Цивилизационные вызовы в эпоху глобализирующегося пространства ставят под вопрос существование локальных «миров», к коим можно отнести и русскую цивилизацию. Традиционно так называемый «русский мир» связывался с православной культурой, монархическим строем, консерватизмом, жизненным укладом с опорой на такие ценности, как верность семейным традициям, любовь к Отечеству, честь и достоинство личности.

Эти принципы находим, в частности, у славянофилов. Однако и западники, более ориентированные на практическое решение вопросов, стремление преобразовать жизнь народа, в том числе и революционным путем, ратовали и переживали за судьбу страны и находились в поисках лучшей доли для нее.

Уже здесь мы находим известное противоречие, лежащее в основе понимания проблемы русского (шире — национально-го) самосознания, русской (национальной) идеи, путей достижения славного будущего для отечества. Условимся понимать под «русским» все то, что относится и лежит в пределах нашей отечественной культуры со всем ее многообразием и неоднородностью, поскольку уже изначально, испокон веков сначала Русь (Киевская, Московская и Петровская), становление империи, затем рождение Советской республики, падение и распад СССР и снова зарождение в новом формате страны, — вся история ее нераздельно связана с историей взаимодействия с сопредельными государствами, подчас трудного и неоднозначного, многонационального, интернационального сосуществования в едином пространстве народов и наций. Именно этот факт обусловил, на наш взгляд, принципиальную особенность русской (российской) цивилизации.

Уже здесь мы обнаруживаем ряд противоречий, которые исходят из истоков рождения отечественной цивилизации, ее становления и развития. Именно они дают основу для движения, изменения и тех трансформаций, поскольку и создают ту неповторимую «ткань» жизненного пространства, с ее бесконечным разнообразием узоров, складывающихся из самобытности существования народов с их национальной кухней, организацией быта, языками и диалектами, географическими и территориальными особенностями, спецификой и непохожестью их нравов, обычаев, праздников, обрядов и традиций, песен и танцев и т.д. и т.п. Отсюда рождаются как взаимные непонимание, претензии, обиды и рознь, но именно это многонациональное своеобразие служит и фундаментом для поиска единства и установления диалога, сотрудничества, кооперации и дружбы. Другими словами, так рождаются союзы, подлинное

братство на основе поиска и установления свободного согласия и взаимного понимания. Сегодня важно, как никогда, находить точки соприкосновения в любых сферах деятельности — искусстве, политике, экономике, образовании, науке, технике, медицине.

К противоречиям, что мы обнаруживаем и что подлежат осмыслению и проработке всех (в т. ч. усилиями методологов, философов, экспертов и аналитиков), заинтересованных в улучшении/модернизации условий социального бытия, можно отнести следующие:

— разрыв в экономическом статусе регионов (есть передовые и богатые мегаполисы, а есть отсталые и дотационные («депрессивные») регионы с низким уровнем доходов населения);

— стремление построить «социальное государство» на правовой основе и принципах демократизации — с одной стороны, и бюрократизм и формализм — с другой;

— попытки привить ценности, исходящие из религиозной (шире — духовной) культуры, и глубокая секуляризация общества (исходящая из иных стандартов и идеалов жизни, навязываемых в том числе и СМИ — погони за богатством, модой, престижем и т. п.);

— стремлением к власти, лидерству, амбициозность и правовой нигилизм (неверие власти и, что еще хуже, разрушение, девальвация, аномия ценностей — моральных, правовых);

— инициативность и социальная апатия, проявляющиеся, в частности, как: 1) стремление вершить великие дела, вера и увлечение чем-то громадным (пусть и несбыточным), участие в масштабных проектах (строительство БАМа, поднятие целины, комсомольские стройки, освоение космоса, строительство ГЭС, стахановское движение и т. д.); 2) нежелание обустроить малое, близкое, в том числе и личное пространство, неумение ценить повседневность, рутину (ремонт в квартире, чистый подъезд, ухоженный двор, хорошие дороги, качественная бытовая техника, электроника и т. п.);

— проповедование традиционных ценностей, а на деле — повсеместное их разрушение (нивелирование семейных

ценностей, разрушение института брака, вступление и поддержание «свободных» отношений, нежелание иметь и воспитывать детей);

— разработка проблем экологической этики (теоретически) и бесхозяйственность (практически) в отношении природных ресурсов (загрязнение морей, рек, озер, расхищение и захламление лесных массивов, несанкционированные свалки, проблема переработки мусора и т. п.);

— щедрость, великодушие, открытость, искренность, радушие и трудолюбие русского народа, немеркантильность, смелка, задор, изобретательность и вечное лукавство, прижимистость, недоверчивость, желание отлынивать от работы при первой возможности, ярость и исступление (при доведении до крайности), «бесшабашная отвага» [2], которая сочетается с ненастойчивостью и отсутствием глубины и логики в мыслях — все эти черты психологического портрета определяют «загадочность» русской души, ее импульсивность и готовность на спонтанные поступки, подчас неожиданные и непредсказуемые, столь пугающие западного обывателя, воспитанного на привычке, исходящей из апелляции к понятиям долга, справедливости, порядка и организованности;

— неторопливость в принятии решений, обдумывание — и попытки кидаться из крайности в крайность (что отражается в поговорках и пословицах: «Долго запрягают — и быстро скачут», в сказках об Илье Муромце, про Емелю и т. п.);

— стремление и надежда, мечта и желание лучшей доли и известная пассивность, исходящая из неверия в собственные силы, духовая нищета (обломовщина, маниловщина);

— гордость и стремление сохранить национальную культуру и быт (музейные, архивные ценности, исторические и культурные достижения, памятники архитектуры) и низкопоклонство, пустое и бездумное заимствование либо западных, либо восточных образцов, ритуалов, ценностей, моделей (поведения, одежды, технологий, музыки, образовательных и языковых шаблонов и стандартов и т. п.);

— презрение к власти предрержащим и богатству («Бедность не порок», «Все люди — братья») и неизживаемое раболепие, искренность в желании благодарить вышестоящих и кланяться перед начальством.

Эти и многие другие особенности определяются и географическим местоположением России, и менталитетом людей, ее историческим наследием, пониманием ее места и роли среди других цивилизаций. Без осознания и проработки противоречий, понимания необходимости отказа от пустого подражания, «обезьянничанья и гримасничанья» (П. Я. Чаадаев), а также уход от «образованщины» и обретение подлинной интеллигентности. Верности нравственным принципам (А. И. Солженицын, Д. С. Лихачёв) [1], «выдавливания из себя по капле раба», отказ от легкомыслия, небрежности и неуважения к делу, от чиновничества и лицемерия, осознание и преодоление собственного ничтожества (А. П. Чехов) [3].

До тех пор, пока не состоится движение по пути просвещения и становления профессиональной культуры и нравственности, говорить о русской цивилизации, о ее миссии и, тем более, мессии — не приходится. Нам предстоит еще довольно длительный и трудный путь выработки человеческих и человеческих качеств, с тем чтобы мы научились преодолевать леность и косность, верить не только в «пассионариев», но и в себя, ценить то, что создали предшествующие поколения, приумножать, не разрушая, работать, созидая лучшее. И только тогда есть надежда, что и другие народы и цивилизации признают и оценят созданное трудом соотечественников, не бывших, но уже наших современников.

Литература:

1. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном / Сост., общ. ред. Г. А. Дубровской. — М.: Детская литература, 1985.
2. Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое. // <https://www.yabloko.ru/Themes/History/Chaadaev1.html>
3. Чехов А. П. Письмо Суворину А. С., 7 января 1889 г. Москва («Посылаю Вам бумажку...») // Чехов А. П. Полное собрание

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ

сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1983. Т. 3. Письма, Октябрь 1888 — декабрь 1889. — М.: Наука, 1976. С. 131—133.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИИ В ИСЛАМСКОМ ИСТОЛКОВАНИИ

*Залибекова А. З.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. В статье, представляющей текст выступления на конференции, дана исламская трансформация смыслов ряда традиционных духовных ценностей, перечисленных в Указе Президента РФ. Показана их роль в консолидации многонационального и многоконфессионального российского общества и становлении современной евразийской и российской цивилизации. Показано, что исламский взгляд на традиционные российские ценности представляет собой важный элемент внутреннего развития и укрепления российской идентичности.

Ключевые слова: традиционные духовные ценности, ислам, цивилизация, российская идентичность.

TRADITIONAL VALUES OF RUSSIA IN THE ISLAMIC INTERPRETATION

*Zalibekova A. Z.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. The article, which presents the text of a speech at a conference, provides an Islamic transformation of the meanings of a number of traditional spiritual values listed in the Decree of the President of the Russian Federation. It shows their role in the consolidation of the multinational and multireligious Russian society and the formation of modern Eurasian and Russian civilization. It is demonstrated that the Islamic perspective on traditional Russian values is an important element of internal development and strengthening of Russian identity.

Keywords: traditional spiritual values, Islam, civilization, and Russian identity.

Традиционные ценности России являются важнейшим элементом культурного наследия народов, населяющих территорию государства. Они отражают специфику исторического развития многонациональной общности, этнические особенности отдельных групп населения и взаимодействие различных религиозных традиций. Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6] перечисляет 17 ценностей. В июне 2025 года. Президент Владимир Путин провел заседание Совета безопасности РФ, в котором призвал противодействовать попыткам навязать нашим гражданам — особенно молодежи — установки, разрушающие эти традиционные ценности.

На Всероссийской научно-практической конференции «Между философией и политикой» обсуждаются фундаментальные философские, культурологические, религиозно-политические и этнонациональные проблемы многонациональной России, методология экономической, социокультурной и образовательной стратегии, в том числе этнические и религиозные ценности в структуре многонациональной культуры. В своем выступлении хочу обратить внимание на роль ислама в культуре дагестанских народов, его ценностей в региональной культуре в контексте противоречий и тенденций развития российской цивилизации, цивилизационной идентичности северокавказских и дагестанских народов в составе России. Одной из значимых конфессий, оказавших влияние на формирование духовных ориентиров россиян, является ислам.

Вначале хочу напомнить, что в истории человечества, «религиозная вера, — как верно отмечает в своей монографии наш юбиляр М. Г. Алиев, — не исключая и мусульманскую, сама использовалась для крестовых походов и священных войн даже в местностях, где используется одна и та же вера» [1]. Исторически российские мусульманские общины формировали

собственную систему ценностей, адаптированную к местным условиям существования и культурному контексту. Оставаясь неотъемлемой частью ислама как мировой религии, традиционное мусульманство современной России в духовной культуре многих народов Поволжья, Кавказа и Сибири несколько отличалось от классических арабских и турецких моделей религиозной практики. Несмотря на то что веками живущие бок о бок этносы и религиозные общины России и СССР выработали механизмы ненасильственного разрешения противоречий и конфликтов, до последнего времени слышны эхо выстрелов и взрывов террористов и экстремистов на религиозной почве.

Очевидно, нашему образованию, СМИ, научному сообществу предстоит проработать систему мер по адаптации различных этнических и религиозных групп к ключевым идеологообразующим ценностям российского общества. Основными традиционными ценностями российского ислама являются веротерпимость, уважение к другим религиозным традициям, миролюбивость и приверженность семейным устоям. Эти принципы получили отражение в повседневной жизни мусульманской общины, веками выражаясь через обычаи, нормы поведения и отношение к окружающим людям. Однако все еще «в том же мусульманском образовании возникает необходимость противоречивого осмысления гуманистического и плюралистичного потенциала Корана [2]. Существует реальная необходимость органически сочетать «разные точки зрения, разные школы и практики» в исламе, — пишет Д. Мухетдинов и предлагает избегать «как крайний традиционализм, вырождающийся в архаизацию жизни и образа мышления, так и крайний мистицизм, вырождающийся в непризнание основ веры» [5].

В этой духовной атмосфере важным и одним из ключевых аспектов традиционной мусульманской идентичности выступает принцип толерантности. Российское общество традиционно характеризовалось высоким уровнем межэтнической интеграции и взаимопонимания представителей разных конфессиональных сообществ. Мусульманская община также внесла значительный вклад в поддержание атмосферы терпимости

и взаимоуважения среди различных социальных слоев населения. Сегодня актуальным становится исламское истолкование традиционных духовных ценностей, выдвинутых в упомянутом Указе Президента РФ в качестве консолидирующей базы для духовной и культурной жизни многоконфессионального российского общества. «Для государства, утверждающего свой светский характер и не отказывающегося от положения о свободе совести, — пишет известный российский философ Е. Золотухина, — очень важно, чтобы верующие традиционных религий не вступали друг с другом в конфликты и противоречия, а также не расходились в своих поучениях с установками светской власти» [3].

Нам уже приходилось в качестве убедительного примера сослаться на толкование такой добродетели, как справедливость. «Когда вы будете судить людей, — говорится в Коране, — то решения надлежит выносить правосудно» [4]. Прямо или косвенно этот аят связан с исламским осмыслением общечеловеческого этического принципа «не делайте другим того, чего не хотите себе» — «золотого правила нравственности». Веками шариатское требование «судить справедливо» охватывает и материальные отношения, и возмездие за убитых, и отношение к вере и т. п.

Особое значение в духовной консолидации общества имеет ориентация ислама на семейные ценности. Как известно, семья во всех социумах рассматривается как фундаментальная ячейка общества, обеспечивающая преемственность поколений и сохранение культурных традиций. В российском исламе подчеркиваются обязанности родителей перед детьми, необходимость воспитания молодежи в духе уважения старших и соблюдения нравственных норм. В мусульманском воспитании четко прослеживается ориентир на крепкую семью, традиционно культивируется взаимопомощь и взаимоуважение между родственниками, созидательный труд, незыблемость высоких нравственных идеалов, присутствующих в числе 17 традиционных ценностей Указа. В Дагестане с детского возраста прививают знания к своей родословной, обязательное стремление иметь представление о старших тухума или рода до «седьмого колена», так что отсюда

формируются историческая память и преемственность поколений, патриотизм как любовь к малой и большой родине.

Не только терпимость и ориентация на крепкую семью способствуют укреплению социальной стабильности и гармоничному развитию полиэтничного российского общества. Для мусульманской общины в России важно понимать, что русская культура и её традиции глубоко уважают семейные связи, честность, порядочность и справедливость. Эти качества находят отклик и в исламских принципах. Например, почитание родителей, помощь нуждающимся и стремление жить честно — это именно те вещи, которые близки каждому человеку мусульманской веры. Взаимодействие русской культуры и ислама обогащает каждую сторону новыми взглядами и подходами. Этот диалог помогает лучше понять друг друга и укрепляет доверие между людьми разных убеждений.

Исламские представления о справедливости, верности слову, уважении старших, гостеприимстве и семейственности оказали заметное воздействие на традиционные русские нормы поведения и общественные устои. Они находят отклик и встречное движение — такие качества, как честность, трудолюбие, уважение семьи и родовых связей, являются неотъемлемой частью и русского национального характера. Сегодня исламское сообщество является важной составляющей современного российского общества. Мусульмане активно участвуют в общественной и культурной жизни страны, сохраняя собственные религиозные и этнокультурные традиции. Они вносят вклад в развитие межконфессионального диалога и укрепление общенациональных ценностей. Исламское понимание традиционной нравственности основывается на принципах милосердия, доброты, взаимопомощи и уважения человеческого достоинства. Эти принципы находят отклик в традициях не только светской русской культуры, но и православной церкви, создавая общее поле взаимного восприятия и сближения двух крупных культурных сообществ.

Таким образом, исламский взгляд на традиционные российские ценности представляет собой важный элемент

внутреннего развития и укрепления российской идентичности. Взаимодействие русской и исламской культур в рамках российского общества, да всего постсоветского пространства, способствует формированию устойчивого мировоззрения, способствующего консолидации общества и укреплению позиций России на международной арене.

Литература:

1. *Алиев Муху*. Согласие. Социально-философский анализ. — М.: Республика, 2001. — 287 с. С. 251.
2. Залибекова А. З. Религиозное осмысление традиционных ценностей// Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: программа и тезисы докладов участников XI международного научного форума. Краснодар. 11—14 сентября 2025 г. — М.: Институт наследия, 2025. — 266 с. С. 104.
3. *Золотухина Е. В.* О мировоззрении за пределами конфессий// Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: программа и тезисы докладов участников XI международного научного форума. Краснодар. 11—14 сентября 2025 г.). — М.: Институт наследия, 2025. — 266 с. С. 106—107
4. Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. — Душанбе, 1999.
5. Мухетдинов Д. Дилемма нашего времени: псевдосалафизм или интеллектуальный салафизм? // Мухетдинов Д. В. Ислам в XXI веке: программа обновления (сборник докладов) / Дамир Мухетдинов. — М.: ИД «Медина», 2016. — 196 с. С. 50—55.
6. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

ПРОБЛЕМЫ РОСТА СОЦИАЛЬНОЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ КАК УГРОЗЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМУ СОГЛАСИЮ

*Магомедова М. А.,
Региональный центр этнополитических исследований
ДФИЦ РАН, г. Махачкала*

Аннотация. Одним из многонациональных и многоконфессиональных регионов Российской Федерации является Северный Кавказ. Статья посвящена анализу факторов, способствующих обострению межнациональных отношений на Северном Кавказе. В статье проанализирована деятельность антироссийских информационных каналов, деятельность которых направлена на разжигание межнациональной и межконфессиональной розни, сепаратистских и националистических настроений. Автор приходит к выводу, что в целом межэтнические отношения на Северном Кавказе сохраняют управляемость и стабильность. Возникающие конфликты в межэтнической сфере обусловлены социально-экономическими и имущественно-земельными проблемами.

Ключевые слова: Северный Кавказ, межнациональное согласие, угрозы, «деколонизация», религия.

THE PROBLEMS OF GROWING SOCIAL AND RELIGIOUS TENSIONS IN THE NORTH CAUCASUS AS A THREAT TO INTERETHNIC HARMONY

*Magomedova M. A.,
Regional Center for Ethnopolitical Research
Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala*

Abstract. One of the multinational and multi-confessional regions of the Russian Federation is the North Caucasus. The article is devoted to the analysis of factors contributing to the aggravation of interethnic relations in the North Caucasus. The article analyzes the activities of anti-Russian information channels, whose activities are aimed at inciting interethnic and interfaith strife, separatist and nationalist sentiments. The author concludes that, in general, interethnic relations in the North Caucasus remain manageable and stable. The conflicts that arise in the interethnic sphere are caused by socio-economic and property-land issues.

Keywords: North Caucasus, interethnic harmony, threats, «decolonization», religion.

Россия сегодня столкнулась с целым комплексом внутренних и внешних вызовов, ставящих под вопрос само ее существование в XXI веке. При этом нужно подчеркнуть, что все социальные, экономические, политические и конфессиональные вопросы в нашей стране неизбежно затрагивают межнациональные отношения. Поэтому любое исследование в рамках указанной проблематики в полиэтничном государстве всегда является актуальным вне зависимости от того, затрагивает ли оно национальные отношения в масштабе всей Российской Федерации или одной конкретной республики. Как известно, одним из многонациональных и многоконфессиональных регионов России является Северный Кавказ, регион контакта многих культур и этносов.

Этническое многообразие северокавказского общества делает национальный вопрос одним из ключевых в сфере государственного управления. По сравнению с 90-ми годами XX века, остроконфликтная форма межнациональных отношений не характерна для современного этапа развития. Тем не менее в регионе проявляются застарелые конфликты, обусловленные прежде всего земельными отношениями. Особая напряженность в межнациональных отношениях на Северном Кавказе связана с нерешенностью вопроса восстановления Ауховского района в Республике Дагестан, непреодоленным

осетино-ингушским конфликтом, нерешенностью проблем репрессированных, депортированных и разделенных народов. Также дестабилизирует межэтнические отношения в регионе современный процесс демаркации границ между субъектами РФ [5]. В разной степени для многих территорий северокавказских республик среди факторов, влияющих на этнополитическую сферу, является также кадровая политика, распределение властных полномочий.

Вышеуказанные проблемы отражены во многих исследованиях по Северному Кавказу [1, 2, 3, 4, 6 и др.].

Негативное воздействие на внутренние межэтнические и межконфессиональные отношения вызывает усугубляющийся социально-экономический, экологический, политический кризис, переживаемый Северным Кавказом как результат и следствие общероссийского кризиса; внешние геополитические противоречия и конфликты (Палестина и Израиль, Армения и Азербайджан, Россия и Украина, Сирия, Мьянма, Иран, Ирак, Кита и Тайвань); рост интереса к нетрадиционным религиям, «истинной вере», народным верованиям при попытках заменить светское право религиозными догматами, а также существенное влияние на обострение межэтнических отношений оказывает высокий уровень внешней и внутренней миграции.

В медийном пространстве за последние годы развернулась информационная война против России. Основным орудием борьбы выбрана историческая память в целях дестабилизации внутренней ситуации в России. Самыми уязвимыми оказываются национальные регионы страны. Многие онлайн-сообщества, созданные как оппозиционерами из регионов России, так и внешними силами, эксплуатируют ряд нерешенных общественных проблем, межэтнических и межконфессиональных противоречий. В антироссийских информационных каналах поднимаются вопросы дестабилизации общественно-политической ситуации внутри самой России через ее субъекты, продвигается нарратив об ущемлении прав мусульман России, об оккупации народов Северного Кавказа Россией.

Начиная с 2022 года как реакция на специальную военную операцию на Украине (СВО) в социальных сетях поднимается тема «деколонизации» России. С этого периода социальные сети, интернет-ресурсы, новые медиа и Telegram стали одними из основных инструментов военно-психологической борьбы. Ежедневно на антироссийских информационных каналах транслируются прямые эфиры, где обсуждаются политические, социальные и религиозные темы, касающиеся северокавказского региона. Осуществляется призыв к мусульманам начать освободительную борьбу за свою независимость от России-оккупанта. Основной нарратив направлен против официального мусульманского духовенства (муфтиятов), особенно муфтия Республики Дагестан шейха Ахмад-Хаджи Абдулаева. Гибридная война, которая активно ведется против Российской Федерации на Северном Кавказе, нацелена на возбуждение межнациональной розни и возобновление сепаратизма. На фоне текущих событий на Украине сепаратисты ожидают ослабления центральной власти России в связи с ухудшением социально-экономического состояния страны, роста общественного недовольства и снижения возможностей и ресурсов силовых органов.

Постоянное совершенствование и растущее многообразие коммуникационных технологий ставят перед Российским государством новые задачи по повышению эффективности методов мониторинга и систем выявления радикальных ресурсов в социальных сетях, их нейтрализации, привлечению к ответственности лиц, участвовавших в распространении экстремистских и сепаратистских материалов, формированию системы взглядов, демонстрирующих ущербность идеологии насилия и нетерпимости.

Несмотря ни на что, по мнению экспертов, около 80–90 % населения на Северном Кавказе оценивают ситуацию в межэтнических отношениях как спокойную и стабильную. Определенной стабилизации межэтнических отношений послужили в свою очередь неблагоприятные геополитические факторы и сплочение населения перед «коллективным

Западом», санкциями и «культурой отмены». Население в своем большинстве демонстрирует патриотическую поддержку Президента РФ [4].

Северный Кавказ для страны в целом имеет важное историко-культурное, геополитическое значение. Регион имеет стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности. И главным направлением российской политики на Северном Кавказе должна стать защита законов и правопорядка, объединение созидательного этнонационального и религиозного потенциала для блага людей и безопасности государства.

Литература:

1. *Адиев А. З.* Мониторинговые исследования этнополитических процессов в регионах России: методы власти и научного сообщества // *Власть*. 2022. № 3. С. 17–24.
2. *Акжиева С. И.* К вопросу межкультурного и межэтнического взаимодействия народов Северного Кавказа // *Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием.* — Махачкала: АЛЕФ, 2019. С. 6–13.
3. *Апажеева С. С., Мамсиров Х. Б.* Межнациональные отношения в молодежной среде Кабардино-Балкарской Республики // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2021. № 2. С. 135–153.
4. *Аствоцатурова М. А.* Этнический аспект социально-экономического и общественно-политического контекста Северо-Кавказского федерального округа // *Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2023 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В. А. Тишков, А. В. Черных.* — Пермь: Изд-во «Маматов», 2024. С. 31–42.
5. *Магомедова М. А.* Межэтнические конфликты и противоречия на Северном Кавказе в контексте региональной безопасности // *Власть*. 2023. № 2 (31). С. 72–78; DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9539>

6. Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа. Первое полугодие 2018 г. / Экспертный доклад. Научное издание. — Ставрополь: СКФУ, 2018. — 168 с.

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ЭТНИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК НАРОДНОСТИ

*Агаева Ш. А.,
Дагестанский государственный
медицинский университет, г. Махачкала*

Аннотация. В плане исследования нас интересует проблема не «язык — общество», а «язык — национальность». В таком аспекте вопросы языка исследованы недостаточно. Нет ясности в таких проблемах, как диалектика языка и национального самосознания, национального языка и национальной формы культуры, взаимосвязь языка и других этнических признаков, роль языка в этнической дифференциации национальности. Автор предлагает свое философско-теоретическое видение проблемы.

Ключевые слова: национальность, национальный язык, национальное самосознание, этнос, народность, поливалентность, национальная культура, русский межнациональный язык.

NATIVE LANGUAGE AS AN ETHNIC CHARACTERISTIC OF NATIONALITY

*Agueva Sh. A.,
Dagestan State Medical University, Makhachkala*

Annotation. In terms of research, we are not interested in the problem of «language — society», but «language — nationality». In this aspect, the issues of language have not been sufficiently investigated. There is a lack of clarity in such issues as the dialectic of language and national identity, the national language and the national form of culture, the relationship between language and other ethnic characteristics, the role of language in the ethnic

differentiation of nationality. The author offers his philosophical and theoretical vision of the problem.

Keywords: nationality, national language, national identity, ethnicity, nationality, polyvalence, national culture, Russian interethnic language.

Главным объединяющим признаком нации является именно язык, так как никакие общие идеи, культурные ценности и совместное хозяйство не могут существовать без единого понимания используемых в общении словесных знаков.

Язык возникает одновременно с нацией, является ее творением, а также органом оригинального мышления нации. Каждый национальный язык имеет свои оригинальные пути развития, но в то же время все национальные языки имеют и общие особенности, что и дает возможность говорить о национальном языке как об особом историческом этапе в развитии языков. По-видимому, для всех сложившихся наций характерно наличие литературного языка, общего для всех слоев населения и охватывающего все или многие жизненно важные сферы общения (как теперь говорят, обладающего поливалентностью). Внелитературные возможности общения (местные диалекты, жаргоны и пр.) по большей части сохраняются, но применение их все более ограничивается. Образцом, нормой является единый для всех литературный язык. Такого литературного языка у народностей донациональной эпохи не было, а многие из народностей вообще были бесписьменными. Возьмем для примера историю русского языка. В эпоху Древней Руси письменность в основном использовалась в трех сферах общественной жизни: 1) религиозные отправления, 2) деловые сношения и частная переписка и 3) литературная деятельность. Подавляющее большинство дошедших до нас письменных памятников религиозного содержания и назначения. Написаны эти памятники на близкородственном старославянском языке, который не был разговорным языком населения. Договоры, грамоты, частные письма и пр. были написаны на собственно древнерусском языке, хотя и в них обнаруживается старославянское

влияние. Наконец, повести, хроники и иные виды письменности, которые условно можно назвать литературой, по своему языку представляли собой своеобразный сплав древнерусской и старославянской стихий, часто причудливо смешивающихся. Единого литературного языка, таким образом, не существовало. Для всех разновидностей этого языка было характерно относительно свободное употребление вариантов на всех языковых уровнях, обусловленное столкновением в сфере письменности двух разных, хотя и близкородственных языковых систем, проникновением в письменную речь диалектизмов. Нормы в нашем современном понимании в древнерусском письменном языке не было. Новгородское цоканье, теперь невозможное в литературном языке, не считалось чем-то зазорным и относительно свободно проникало как в письменность низших слоев населения, так и в письменную речь правящих верхов северных и северо-западных земель. То же можно сказать и относительно многих других диалектных явлений того времени.

Серьезные изменения, произошедшие в языке русской народности XV—XVII вв., не привели к созданию единого, «поливалентного» литературного языка. По известному свидетельству Лудольфа, в Москве конца XVII в. царило двуязычие: языком образованности был книжный старославянский, а в обиходе была обычная русская разговорная речь. Но уже в XVII в., как считает И. П. Ерёмин, возникает демократическая литература, тесно связанная с народным эпосом, которая в истории русского литературного языка «оставила глубокий неизгладимый след. В выработанный предшествующим развитием книжный язык она влила две мощные струи — речь народно-поэтическую и живое разговорное просторечие, — влила в объеме, Древней Руси неведомом» [В. Н. Ярцева. Развитие литературных языков. Теоретические проблемы советского языкознания. — М., 1968, с. 52]. Проникновение в литературный язык разговорной и народно-поэтической стихии было началом процессов, которые интенсивно развивались в XVII в., а в начале XIX в. гением Пушкина и деятельностью его современников завершились в виде создания единого, «поливалентного», нормированного,

стилистически разветвленного русского литературного языка. Народная речь стала базой, активным началом, основой творческой лаборатории, в которой были переплавлены и богатое старославянское языковое наследие, и интенсивные заимствования из западноевропейских (прежде всего французского) языков. Впрочем, объективности ради мы должны сказать, что имеются и другие точки зрения относительно истоков русского литературного языка. Например, за последние годы Б. О. Унбегаун усиленно пропагандирует идею, согласно которой русский литературный язык по своей основе является церковнославянским, русифицировавшимся лишь в фонетике и морфологии, частично в лексике и очень незначительно в синтаксисе. Поднимается также вопрос, правомерно ли вообще говорить о литературном языке XI—XVII вв.

А. В. Исаченко, например, считает, что русский литературный язык возникает только в XVIII в., а до этого времени существовала русская письменность, но еще не было литературного языка в современном смысле этого слова. Мы не будем здесь спорить с Б. О. Унбегауном и А. В. Исаченко, так как это далеко увело бы нас в сторону от нашей темы, хотя все же отметим чрезмерную схематичность гипотезы Б. О. Унбегауна и ее недостаточную фактическую обоснованность. Далеко не ясно, где мы должны искать границы литературного языка и литературы в современном их понимании. Во всяком случае и эти высказывания не противоречат положению о возникновении единого русского литературного языка в XVII—XIX вв. По схеме А. В. Исаченко, это будет «новорусский период — с XVIII в.; соответственно: новорусский язык — а) язык XVIII в., б) современный русский язык (с начала XIX в.)». Новорусский период совпадает с русским национальным языком.

Довольно пестрой была языковая картина в донациональной Европе. Родные языки, с одной стороны, ограничивались в своих общественных функциях чужими письменными языками, с другой стороны, и в литературных своих разновидностях дробились на диалектные варианты. Хорошо известно, что в средневековой Европе латынь долгое время была не только

языком религии, но и языком науки, образованности. Во многих странах исстари происходили языковые конфликты на почве двуязычия. В Галлии V в. язык германских победителей сталкивается с народной латынью романизированных галлов. В Англии после германского завоевания 1066 г. сосуществуют французский язык победителей и английский народный язык, который во второй половине XII в. низводится до положения почти бесписьменного языка. До начала XIV в. французский язык остается разговорным языком двора и аристократии. Лишь затем постепенно на основе среднеанглийских диалектов начинает формироваться английский национальный язык, оказавшийся в значительной степени романизированным. Двуязычие устанавливается в завоеванных немцами в XII–XIV вв. заальпских славянских областях и в Прибалтике, в Османской империи (греко-турецкое, славяно-турецкое, румыно-турецкое и т. п. Ср. также распространение немецкого языка в Чехии, английского в Шотландии и Ирландии, польского в Литве и т. д.). Латинский, старославянский, арабский и некоторые другие языки распространялись во многих странах и областях вместе с распространением религии, другие виды двуязычия возникли в результате завоеваний. Вместе с тем нужно отметить и еще один вид двуязычия донационального времени: сосуществование архаичных и новых языков. Примеры тому – употребление классического греческого языка в Византии и в поздней Греции, классического арабского у позднейших арабов, классического китайского у китайцев в новое и новейшее время, древнего санскрита у некоторых народностей средневековой Индии, «грабара» у позднейших армян, старославянского (древнеболгарского) у поздних болгар и т. д., и т. п. Вместе с освободительным и демократическим движением раскрепощались от такого двуязычия народные языки, на них создавалась разнообразная литература, их общественные функции расширялись. Но чтобы стать национальными, им необходимо было еще освободиться от диалектного разнобоя, выработать единые нормы, обязательные для всех, кто пользуется этими языками. Устранение диалектного разнобоя из развивающихся литературных языков

становится общим явлением, хотя реализуется в каждом языке различно.

Единые наддиалектные нормы русского литературного языка складываются на базе московского говора, являющегося сложным соединением северных и южных великорусских особенностей и развившим в себе также ряд новообразований. Говор Москвы начиная с XVII в. постепенно становится образцом подражания и распространяется среди образованных слоев населения всех русских местностей, в то же время он впитывает в себя элементы самых различных диалектов, поэтому попытки найти диалектную базу современного русского литературного языка в какой-нибудь теперешней диалектной группе (например, курско-орловской) совершенно безнадежны (такой локально ограниченный диалектной базы не существует; что касается московского говора XVII в., то он отошел в область истории). Как показывает в своем двухтомном исследовании «От языка немецкой народности к немецкому национальному языку» М. М. Гухман, в ходе исторического развития Германии XIV—XV вв. на первый план в языковом объединении выдвигаются восточногерманские центры. Осознанное стремление к единству литературного языка в Германии появляется только в XVII в., когда и создается возможность кодификации норм и отбора существующих локальных и иных языковых вариантов. Какими бы своеобразными путями ни шло развитие каждого литературного языка в эпоху сложения наций, общий результат этого процесса один: создание единого литературного языка, обслуживающего все жизненно важные потребности нации. Как писал основоположник языкознания В. Гумбольдт, «язык есть дыхание, сама душа нации».

Большая часть обстоятельств, сопровождающих жизнь нации: места обитания, климат, религия, государственное устройство, законы и обычаи — от самой нации могут быть в известной степени отделены. И только язык существует в качестве живого, родного языка лишь в сознании нации. Именно в языке запечатлен весь национальный характер, в нем как в средстве общения данного народа исчезают индивидуальности и проявляется

общее. Наличие единого национального языка обеспечивает обществу удобство общения в самых разных сферах деятельности.

Верное и глубокое понимание произведений литературы невозможно без хорошего знания национального языка. Национальный язык является средством развития всех видов искусства, его единство имеет огромное значение для образования, для средств массовой информации, одним словом, для всей жизни нации. Обобщая сказанное, отметим, что по отношению к нации язык играет консолидирующую роль, т. е. поддерживает ее единство, служит средством создания национальной культуры и ее передачи следующим поколениям.

Язык — наиболее очевидный признак нации. Невозможно узнать, к какой нации принадлежит человек по его внешнему облику, поведению, по профессии, по тому, где он родился и т. д., пока не определим, какой язык является его родным. Попадая в иноязычную среду, представляющую собой большую компактную группу населения, мы с первых же слов узнаем, что переступили границу распространения собственного языка. Языковые барьеры, разделяющие человечество, — одно из главных препятствий в обмене мыслями между людьми, преодоление их — одна из актуальнейших проблем общества. Каждая нация обязательно имеет свой язык, независимо от того, принадлежит этот язык одной нации или нескольким. Образно говоря, червонец не перестает быть червонцем от того, что рядом с ним в кошельке лежат монеты того же достоинства. Нужно также иметь в виду, что язык, общий для двух или нескольких наций, постепенно приобретает в пределах каждой нации «локальные» особенности. На базе общего языка возникают отдельные варианты, свойственные каждой нации.

Как известно, язык социален по своей природе и во всех своих проявлениях не может ни функционировать, ни развиваться вне связи с жизнью. Общественные функции языка активно воздействуют на его структуру, во многом предопределяя направление его развития.

Роль русского языка в современных условиях развития общества становится все более важной в обеспечении единства

народов Дагестана. Дагестан — это уникальное неповторимое объединение народов, своего рода созвездие. Территорию республики населяют представители более 100 национальностей и более 60 народностей. Возможно, во всем мире нет такой маленькой и красивой территории, которую населяли бы столько народов с различными языками, диалектами, традициями, обычаями и своей культурой. Поэтому именно в Дагестане роль русского языка необычайно велика.

Русский язык является не только языком межнационального общения, но и служит средством овладения русской и мировой культуры. Р. Гамзатов писал о русском языке как «о золотой цепочке, которая соединяет горы Дагестана, его народы». «Благодаря русскому языку Россия подарила мне не только собственную литературу, но и Шекспира, Мюллера, Гёте, Тагора и Шевченко», — пишет он.

Просвещая дагестанские народы русской культурой, русский язык для народов Дагестана стал вторым родным языком. Еще в 50—70 годах XX в. в Дагестан самоотверженно начали приезжать русские учителя, врачи, артисты, ученые, а также представители других специальностей. Это способствовало совершенствованию и развитию научной культуры населения в Дагестане.

Говорить о роли русского языка в Дагестане можно говорить еще долго и много. Но самое главное уже сказано. Русский — это язык, который покорила сердца всего дагестанского народа; язык — который объединил все народы Дагестана и укрепил их связь; язык — без которого и не было бы дальнейшего развития; и, конечно же, язык — который вселяет надежду в людей, так как благодаря ему мы сейчас «живем». Поэтому невозможно представить Дагестан без русского межнационального языка.

Литература:

1. *Унбегаун Б.* «Русские фамилии. История происхождения, значение и национальные черты наследственных родовых

- имен и псевдонимов». / Пер. Л. А. Игоревского. — М.: Центрполиграф, 2022. — 559 с.
2. Магомедов. М. И. Русский язык в многонациональном Дагестане: монография [Текст]. — М., 2010. С. 61.
 2. Гамзатов Расул Гамзатович // Большая советская энциклопедия: [В 30 т.] / Под ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1969.
 3. Гамзатов. Р. Журавли [Текст] / Р. Гамзатов // Литературный Дагестан. — Махачкала, 2002.
 4. Цадаса Гамзат // Большая советская энциклопедия: [В 30 т.] / Под ред. А. М. Прохорова. — 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1969.
 5. Фёдоров А. В. О художественном переводе. — Л.: ОГИЗ гос. изд-во худ. лит-ры, 1991. С. 258.

СУФИЙСКИЕ ЦЕННОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

*Магомедалиева К. М.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. Суфизм как сердцевина ислама, ее проникновение на территорию Дагестана и формирование тарикатов, которые составляют религиозную основу наряду с традиционным исламом в Дагестане. Влияние суфизма на дагестанскую литературу и культуру в целом и формирование мировоззрения дагестанцев.

Ключевые слова: суфизм, культура, тарикат, тасаввуф, мистицизм.

SUFI VALUES IN REGIONAL CULTURE

*Magomedalieva K. M.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. Sufism as the core of Islam, its penetration into the territory of Dagestan and the formation of tariqas, which constitute the religious basis along with traditional Islam in Dagestan. The influence of Sufism on Dagestan people literature and culture in general and the formation of the worldview of Dagestanis.

Keywords: Sufism, culture, tariqa, tasavvuf, mysticism.

Становление дагестанской культуры происходило под влиянием различных культурных традиций, как исконно дагестанских традиций, т. е. историческое наследие наших народов, так и благодаря арабо-мусульманской культуре в лице ислама, русской культуре, после присоединения Дагестана к России, и, конечно, современной массовой культуре, которая пришла к нам с Запада. В своем выступлении хочется делать акцент

на суфийские ценности и влиянии суфизма на дагестанскую, можно сказать, на региональную культуру, поскольку распространение ислама и его влияние на регион нельзя представить без суфийских традиций, которые имеют глубокие корни в Дагестане и представлены такими суфийскими школами или тарикатами, как накшбандийский, шазилийский и кадирийский.

Юсупова Г. И. в статье «Суфизм в социокультурной традиции народов Дагестана» указывает, что по степени идеологического влияния на психологию, быт, культуру и образование дагестанских народов суфизму нет равных в более чем пестром и широком спектре религиозных традиций в Дагестане.

Как отмечает профессор М. И. Билалов: «Суфизм оказал серьезное влияние на развитие философской мысли. культовая сторона суфизма соответствует принципиальным идейным установкам его философии. Суфии считают, что лучше свою точку зрения стараться претворять в жизнь, чем пытаться разрушить чужие твердые убеждения и идеалы. Подобный диалектический подход проистекает из «изначальных попыток философских основоположников суфизма гармонично вписать в него положительные и привлекательные идеи из других учений и культур для получения целостной картины мира, что в этическом плане сказалось в мировоззренческой толерантности и социальном гуманизме суфиев и их последователей» [1, с. 76].

Мы не можем с точностью определить, когда же суфизм как мистическое течение в исламе проник в Дагестан, связано ли это с первыми сподвижниками ислама. Поскольку для суфизма очень характерно наличие свободно странствующих суфиев-дервишей, можно предположить, что отдельные проповедники уже в XII–XIII веках были на Северном Кавказе и в частности в Дагестане. Английский исследователь Дж. С. Тримингем в книге «Суфийские ордена в исламе» утверждает, что решающим каналом проникновения суфизма на территорию Дагестана был арабский этнический элемент, занимавшийся строительством рибатов (приграничных крепостей), которые постепенно превращались в центры обучения духовным практикам суфизма. Удивительный союз воинов и руководителей

приграничных гарнизонов с учёными и шейхами арабского и персидского происхождения! Суфизм изначально распространялся как в устной, так и в письменной форме, причём книжный суфизм это и философские трактаты, и высокая поэзия арабского и персидского Востока.

Как считают многие исследователи, формирование устойчивых традиций суфийского учения необходимо отнести к XV—XVII веком, поскольку в этот период происходит ренессанс арабо-мусульманской культуры в Дагестане. Именно в этот период наблюдается огромный интерес к произведениям известного представителя суфийской философской мысли аль-Газали. Допускается, что в указанный период в Дагестане существовала развитая местная суфийская традиция и местное воспроизведение текстов. Выходцы из Дагестана обучались и в городах Ближнего Востока.

Вокруг суфизма много домыслов, мифов, одни видят в них мудрецов, достигших духовных вершин, а другие — еретиков, которые искажают ислам. Суфизм не отвергает шариат и признает все столпы веры, но он стремится делать все это не формально, не из страха наказания и нежелания попасть в ад или из-за желания попасть в рай, а из всепоглощающей и безграничной любви к Создателю — Аллаху. Для суфиев религия это не набор правил, а личный опыт переживания божественного. «Наследование непосредственно пережитого духовного знания от духа живущего человека его преемником-учеником реализуется в мусульманской общине среди первых сподвижников Мухаммада (асхабов) и четырех праведных халифов, в дальнейшем служит прообразом для создания организованных суфийских общин, бинома учитель — ученик и сложения цепи духовной преемственности» [2, с. 19].

Суфизм как мистическое течение и путь духовного развития в рамках ислама зародился более тысячи лет назад и сегодня имеет своих последователей и увлекает людей на пути в поисках божественного откровения и познания себя. Суфизм также называют тасаввуфом, под этим понятием подразумевается искренняя устремленность к Аллаху и чистота во взаимоотношениях

с Ним. «Исследовать реальность суфизма исключительно извне не представляется возможным, поскольку суфизм предполагает непосредственное участие, подготовку и опыт. Несмотря на то, что суфии написали огромное количество книг, все они написаны применительно к различным обстоятельствам, кажутся противоречивыми друг другу и не могут быть поняты непосвященным, или же имеют скрытый смысл» [3, с. 36].

«Мусульманский мистицизм совмещает в себе веру в возможность приобщения к Всевышнему и стремление к этому приобщению, любовь к Абсолюту и Богу, отличающий мистицизм от тривиального аскетизма. И любовь эта таинственна, непостижима разумом, невыразима интеллектуальными средствами, реализуется только мудростью сердца» [4, с. 28].

Ислам изначально был обращен к созданию этических, эстетических канонов, и суфизм рассматривал номинацию Бога не только как истину, но и как красоту, и таким образом, оказал влияние на литературу, музыку и прикладное искусство, о чем свидетельствует высокая поэзия Омара Хайяма, Дж. Руми, Хафиза, Навои и др., танец дервишей, который по сей день завораживает своей красотой ценителей искусства. Поэтому с уверенностью можно отметить, что суфизм, укрепив свои позиции в Дагестане, сыграл большую роль в формировании дагестанской поэзии в лице Умму Камал, Али Багдадский из Тарков, Али-хаджи из Инхо, Муса из Кудутля, Гасан из Кудали, Абубекр из Аймаки, Абдурахман из Какашуры, Етим Эмин, Махмуд из Кахаб-росо, Ирчи Казак, Ансар Кадиев, ашуг Ахмед Табасаранский, Заяутдин-кади, Абдулла-Хаджи Урахинский, Али-Хаджи Акушинский, Шцаза из Куркли.

Хочется привести отрывок из стихотворения Али-хаджи из Инхо, проникнутый духом суфийского мировоззрения.

Прости же всех, да будет мир их дому.
Прощать завещано нам с очень давних пор,
Оставь с глупцами бесполезный спор.
Бесплодный куст, разросшийся нахально,
Не сравнивай зазря с прекрасной пальмой.

Легко расстанься с тем — поможет случай,
С кем не найдёшь душевных ты созвучий.
Ему ты помаши приветливо рукой
И оставайся лишь самим собой.

Здесь хочется упомянуть и поэзию шейха Саида афанди из Чиркея, который, будучи известным суфийским устазом, не только в Дагестане, но и за его пределами, писал стихи, которые были проникнуты духом суфизма, наставления и любви к Всевышнему.

Образ жизни суфийских устазов и шейхов, их высказывания часто цитируют и используют богословы в своих проповедях, т. е. используются в религиозном дискурсе, в назмах (песнопениях). Суфийские шейхи в своих трудах оставляли не только пояснения по совершению религиозных ритуалов, но и ценные для нас исторические сведения, как например в текстах, принадлежащих суфийским шейхам Мухаммаду Ярагскому, Джамалудину Казикумухскому, Абурахману Газикумухскому. В своих трудах они излагали отдельные события из периода Кавказской войны, история появления и распространения накшбандия в Дагестане.

В 1910 году в типорграфии М. Мавраева было издано сочинение на арабском языке «Асар аль-Яраги», в котором даны сведения о жизни и деятельности Мухаммада Ярагского, изложены его религиозно-философские взгляды. В этой работе прослеживаются глубокие знания ислама первого учителя суфизма в Дагестане Мухаммада Ярагского. Он также был сторонником изучения светских наук, наряду с исламскими науками. Книга «Асар» является культурным памятником, который дает нам сведения о духовной жизни Дагестана 20–30-х годов XIX века.

Джамалудину Казикумухскому, второму муршиду Дагестана, принадлежит текст накшбандийского трактата «Адаб уль-Марзия», который опубликован в дореволюционный период в русском переводе в «Сборнике сведений о кавказских горцах». В этой работе изложена история возникновения накшбандийского тариката, сообщается о характере послушания ученика,

его должных качествах (*нафс*) и устанавливает золотую цепь передатчиков — *силсила*, восходящую к самому Пророку Мухаммаду.

Известный дагестанский востоковед М.-С. Саидов перевел с арабского на русский язык известную работу Абдурахмана из Газикумуха «Книга воспоминаний». Она опубликована в 1997 году [5, с. 28].

Учения суфийских устазов занимают центральное место в мировоззрении последователей, а их жизнь и деятельность окутана мистической таинственностью. Места захоронения (зиараты) суфийских шейхов, устазов по сей день являются местами поклонения и местами силы для последователей шазилийского, накшбандийского, кадирийского тарикатов.

«Суфийская идеология и практика сыграли заметную роль в деле утверждения ислама у дагестанских народов. Несмотря на трагическую судьбу суфизма в годы Советской власти, суфийские традиции не были совсем утрачены. Они сохранились и продолжают существовать в многочисленных суфийских братствах в современном Дагестане. Они сыграли и играют большую роль в духовно-нравственном воспитании верующих, в деле сохранения мира и стабильности в Дагестане» [6, с. 126].

Литература:

1. *Билалов М. И.* Суфизм и познавательная культура. — Махачкала, 2003. С. 76.
2. *Хисматулин А. А.* Суфизм. — СПб., 2008. С. 19.
3. *Идрис Шах.* Суфии. — М. 2020. С. 36.
4. *Билалов М. И.* Суфизм и познавательная культура. — Махачкала, 2003. С. 28.
5. *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний / Перевод с арабского языка на русский язык осуществлен дагестанским арабистом М.-С. Саидовым. — Махачкала, 1997. С. 28.
6. *Алиев А. К., Арухов З. С., Ханбабаев К. М.* Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. — М., 2007. С. 126.

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

*Магомедов Д. И.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. В статье проблематизируется региональная познавательная культура, региональная рациональность в контексте постмодернистской культурной парадигмы. Далее автор касается вопросов, связанных с культурной идентичностью региона в контексте евразийской большой культуры, которая, по нашему мнению, является попыткой ответа на идеологический кризис постсоветской России. Отмечается близость дискурса дагестанской философии новейшим рефлексиям отечественной философии относительно судьбы российского цивилизационного пространства.

Ключевые слова: культура, цивилизация, рациональность, постмодернизм, дискурс.

POSTMODERNISM AND COGNITIVE CULTURE

*Magomedov D. I.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. This article examines regional cognitive culture and regional rationality in the context of the postmodern cultural paradigm. The author then addresses issues related to the region's cultural identity in the context of the Eurasian Great Culture, which, in our opinion, represents an attempt to address the ideological crisis of post-Soviet Russia. The author also notes the closeness of Dagestan philosophical discourse to recent reflections in Russian philosophy regarding the fate of the Russian civilizational space.

Keywords: culture, civilization, rationality, postmodernism, discourse.

После крушения СССР начался процесс нарастающего кризиса дагестанской идентичности. Несмотря на то что концептуальное осмысление 1990-х годов произошло позже, можно сказать, что постмодерн в смысле потери общечеловеческих смыслов и идеалов обнаружил себя сразу после распада Советского Союза, крушения советского проекта, дагестанцы обнаружили себя в локальном состоянии «войны всех против всех». В широкой рамке можно говорить о том, что после падения СССР весь Ближний Восток «осиротел», не стало старшего брата в лице СССР. Далее экстремизм, терроризм и сепаратизм поспособствовали дальнейшему размыванию общих человеческих смыслов, провозглашенных проектом модерна, и усилению новых для Дагестана веяний с Ближнего Востока. В итоге все это привело к тому, что в эпоху развития глобальной массовой культуры, средств коммуникации и информационных технологий Дагестан потерял те фундаментальные смыслы и ценности, которые были заложены традиционным для Дагестана исламом в лице суфизма и модернистским советским проектом. Вследствие размывания культурных основ и влияния глобалистских тенденций дагестанская и шире кавказская идентичность претерпела значительные изменения. Мы полагаем, что структура чувства региональной идентичности совпадает с логикой развития позднего капитализма, о чем говорит в своих работах известный современный мыслитель Ф. Джеймисон и другие философы-постмодернисты. Американский философ указывает на то, что идентичность, субъектность современного человека лишена исторической глубины, причем утрачен не просто исторический взгляд в прошлое и будущее, а также утрачен сам механизм формирования историчности, разорвана связь поколений, разорвана линия времени, современный субъект живет здесь и сейчас, он уже не желает или неспособен усваивать информацию через традиционные источники, такие, как книги, газеты, журналы, посещение лекций и семинаров в учебных заведениях, а нацелен на картинки и короткие тексты и видео в социальных сетях. Еще одним важным маркером формирования в Дагестане постмодернистской гибридной идентичности

является то, что Джеймисон называет культурной шизофренией, это синтез западной и ближневосточной культур во внешнем виде, моде и поведении, это и есть феномен, фрагментации субъекта, децентрации субъекта. Этот феномен обнаруживающий себя в постколониальной действительности стран третьего мира, так называемой периферии, можно наблюдать и в кавказском регионе, свидетельствует о влиянии современного глобалистского дискурса власти — знания. Власть — знание это не отношение между властью и знанием, а некоторое необходимое единство, об этом очень убедительно сказано французским философом-постструктуралистом М. Фуко. Постмодернистский дискурс радикализирует тезис Маркса о том, что знание всегда служит какому-то классу, власть просто не может существовать, не производя дискурс некоторого знания. Знание как нечто абсолютное тоже не представляется возможным. Мы подозреваем, что выражением данного эпистемологического дискурса являются различные скоротечные тренинги личностного роста и осознанности, личного маркетинга и эффективности, косметологии, призванные создать неповторимую личностную индивидуальность, но на деле приводящие к прямо противоположному результату. В контексте кризиса больших нарративов, одним из которых был коммунизм, обещавший неизбежный прогресс, кульминацией которого стало бы бесклассовое общество, в региональной ментальности актуализируется так называемый дискурс «праведных предков», взывающий к консервативному образу жизни Ближнего Востока и который, по нашему мнению, свидетельствует о кризисе в дагестанском обществе. С одной стороны, данный дискурс является реакцией на культуру постмодерна, разрушающей старые структуры, с другой стороны, он призывает к «возврату к духовной чистоте», игнорируя, казалось бы, логически, социально и исторически оправданную необходимость в модернизации общества.

Следовательно, при отсутствии больших историй и универсального смысла региональная субъектность приобретает новые черты, а модернистские ценности советского проекта воспринимаются как заблуждение предыдущих поколений. Если

модернистские, советские ценности апеллировали к внутреннему миру человека, развитию его интеллектуальных, моральных качеств, то культура постмодерна апеллирует к внешнему, внешности, телу как единственному источнику смысла, и этой тенденции не может противостоять даже дискурс «праведных предков», так как последний разворачивается внутри постмодернистской культурной парадигмы. Следовательно, корректно говорить о региональной познавательной культуре в контексте трансформации под влияния массовой культуры постмодерна на дагестанскую идентичность и, соответственно, на «познавательную культуру», при такой формулировке проблемы встает вопрос сохранения культурной идентичности, при этом не выпадая из объективного процесса глобализации.

В этом отношении, на наш взгляд, приобретает особую значимость концепция «национальной познавательной культуры», исследующая возможности модернизации и глобализации на основе «базовых региональных ценностей» и которая, по нашему мнению, во многих характеристиках изоморфна постмодернистской концепции «смерти субъекта», так как одним из основополагающих тезисов постмодернистской философии является утверждение о невозможности классического субъекта, основанного на стратегии феноменологической редукции и сформулированного в формуле «мыслью, следовательно, существую». И так, М. Билалов определяет познавательную культуру как «срез культуры, который непосредственно детерминирует осуществление познавательной деятельности и предстает как причина существенных и необходимых познавательных процессов познания» [4, с. 8]. Цитированный текст указывает на следующие импликации: во-первых, познавательные стратегии индивида во многом являются отражением его культурных ценностей, что говорит о социальной природе познания, которое представляется сложным отделить от культурной идентификации; второе, трансформации культуры отражаются на познавательной культуре. И, следовательно, в связи с глобализацией культуры мы можем отметить две наиболее значимые тенденции, связанные с формированием гибридной

идентичности в регионе Дагестан. Первая тенденция связана с феноменом европоцентризма и его актуализации в европеизации стандартов красоты и как следствие моделей поведения, транслирующихся в медиа, ситуация усугубляется и фактом визуализации продукции массовой культуры, оказывающей воздействие в обход критической инстанции индивида, тут мы можем эмпирически пронаблюдать, как «машина желания» индивида связывается с «частичными объектами», в результате которого и результируется тот тип субъекта о котором мы ведем речь. С другой стороны, вторая тенденция связана с так называемым «дубайским исламом», гедонистическим и потребительским (термин Ханжана Курбанова). Ведомые «объектом малое «а»» и стремлением заполнить «первичную травму» дагестанцы слепо и некритично заимствуют культурные формы Востока. Вместе с тем, мы полагаем, данное явление имеет объективный характер, связанный с симуляцией, фрагментацией и визуализацией постмодернистской глобальной культуры, данный эмпирически подтвержденный феномен реализует так называемую «культурную шизофрению» современного дагестанца.

Такие очевидные изменения дагестанской культуры не могут не вызывать беспокойства интеллектуалов, в частности М. Билалов предлагает концепцию базовых региональных ценностей, которые дагестанский философ противопоставляет ценностям глобальной культуры. Основываясь на тезисе о региональных ценностях, можно заключить, что реформы и развитие общества должны происходить на собственном дагестанском или, если хотите, евразийском аксиологическом фундаменте. М. Билалов отмечает: «Намечаемая в стране и республике модернизация должна провести научно-техническую революцию в соответствии с ментальными ценностями народов» [3, с. 150]. Тут мы не будем касаться темы модернизации регионального общества, отметив лишь ее острую дискуссионность. В целом нам представляется, что концепции «познавательной культуры» и «базовых региональных ценностей» соответствуют той направленности исследований, которую можно поименовать

дискурсом дагестанской философии, транслирующей идею «национального согласия» как необходимого условия развития народов страны. Концепция «национального согласия» является стрелковой в философских рефлексиях Муху Гимбатовича Алиева, политического деятеля и философа, экс-руководителя Республики, Дагестан написавшего много работ на тему региональной проблематики в контексте общественного, культурного и государственного развития. М. Алиев, рассуждая об отношениях государства и гражданского общества, высказывает мысль о том, что «как правовое государство не может успешно функционировать в догражданском обществе, так и гражданское общество не может существовать в условиях неправового государства» [2, с 241]. Мы полагаем, что центральной идеей в структуре дискурса дагестанской философии является идея патернализма «государственной машины» в отношении институтов гражданского общества. На эту особенность обращает внимание М. Билалов, который полагает, что западная модель гражданского общества не соответствует «ценностной ментальности» народов, проживающих в евразийском цивилизационном пространстве, и считает, что гражданское общество должно строиться сверху. По нашему мнению, дихотомия государство — гражданское общество может быть успешно снята посредством реализации категории «согласия», которая является фундаментальной в контексте национальной политики для такой многонациональной и многоконфессиональной страны, как Россия.

Вопрос региональной идентичности и культурного статуса дагестанского и шире кавказских обществ является предметом рефлексий другого дагестанского философа М. Яхьяева, который критически рассматривает проблему дагестанской ментальности, в целом он отмечает отсутствие в дагестанском обществе качеств, свойственных народам-цивилизациям. М. Яхьяев отмечает, что Северный Кавказ «является не самобытной цивилизацией, но геополитическим регионом российской цивилизации со своей социокультурной спецификой» [5, с 398]. Мы согласны с тезисом М. Яхьяева в отношении республики

и северо-кавказского региона в целом как специфической части евразийского цивилизационного проекта и усматриваем возможность развития данного тезиса в отношении того, что регион Дагестан является частью заявленного проекта страны-цивилизации и, следовательно, весь модернистский, цивилизационный потенциал может быть аутентично реализован в том числе на региональном уровне. В этом вопросе мы придерживаемся советской национальной политики равных возможностей для всех этносов и народов в рамках единого государственного процесса. Мы полагаем, что культурное развитие региона возможно только в общем многонациональном и наднациональном пространстве, приобщаясь к его научным, культурным, идеологическим, технологическим достижениям, что успешно реализовывалось в советский период развития страны. В отношении развития региональной культуры в рамках общего социокультурного и общественно-политического пространства дагестанский философ А. Агаев отмечает: «Органическое сочетание национальных традиций и особенностей, унаследованных от прошлого, и общих черт, представляющих собой новые традиции современности, осуществляется на основе интернациональной политики» [1, с. 197]. По нашему мнению, дискурс дагестанской философии адекватно описывает специфику «власти — знания» постсоветской России в отношении национальной политики и призван консолидировать российское общество на основе структуры центр — регионы. Одной из значимых структур дискурса является то, что если рационализм эпохи модерна строился вокруг личности, индивида, а дальнейшее историческое развитие показало возможность модернизации общества на основе национальных и классовых интересов, то развитие России и Дагестана в частности может быть связано с типом рационализма на основе общего цивилизационного интереса, о котором возможно говорить через призму советского опыта общежития народов, объединенных в едином государственном, языковом, идеологическом и культурном пространстве.

Литература:

1. Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. — Махачкала: — Дагестанское книжное издательство, 1965.
2. Алиев М. Г. Согласие. Социально-философский анализ. М.: Издательство «Республика», 2001. С. 241.
3. Билалов М. И. Дагестан в культуре и цивилизации. — Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2010. С. 150.
4. Билалов М. И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2017. С. 8.
5. Яхьяев М. Я. Северный Кавказ в поисках социокультурной идентичности // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. — Махачкала: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 398.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДАГЕСТАНЕ

*Абдурахманова З. К.,
Махачкалинский финансово-экономический колледж —
филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации», г. Махачкала*

Аннотация. Цифровизация как глобальный процесс, охватывающий все сферы жизни, в последние десятилетия становится особенно актуальной для изучения в контексте этнической культуры. Республика Дагестан, обладая уникальным культурным наследием и многообразием этнических групп, представляет собой интересный объект для анализа влияния цифровых технологий на традиционные практики, языки и фольклор. В условиях стремительного развития информационных технологий и глобализации дагестанская культура сталкивается с новыми вызовами и возможностями, что делает исследование данного процесса особенно важным.

Актуальность работы заключается в необходимости осознания и анализа влияния цифровизации на сохранение и трансформацию этнической культуры в Дагестане. В условиях, когда традиционные формы культурного выражения могут подвергаться изменениям под воздействием новых технологий, важно понять, как именно цифровизация может как способствовать, так и угрожать сохранению культурных ценностей. В этом контексте особое внимание будет уделено тому, как современные технологии влияют на сохранение культурного наследия, а также каким образом они могут трансформировать традиции, создавая новые формы культурного выражения.

В рамках данной работы будет рассмотрено несколько ключевых тем. Во-первых, мы проанализируем влияние цифровизации на сохранение культурного наследия, исследуя, как цифровые технологии могут быть использованы для документирования и популяризации традиционных практик. Во-вторых,

мы обсудим риски трансформации традиций под воздействием технологий, включая возможные изменения в восприятии и интерпретации культурных ценностей. Третья тема будет посвящена цифровым платформам как средству интеграции культур, что позволит выявить, как они способствуют обмену и взаимодействию между различными этническими группами.

Кроме того, важным аспектом работы станет сохранение языкового разнообразия через технологии. Мы рассмотрим, как цифровизация может помочь в поддержании и развитии языков, находящихся под угрозой исчезновения. Роль социальных сетей в распространении фольклора также будет проанализирована, поскольку они становятся важным инструментом для передачи и популяризации традиционных историй и обычаев.

Не менее значимой является проблема нахождения баланса между сохранением идентичности и адаптацией к новым условиям. В условиях глобализации и цифровизации важно осознать, как сохранить уникальность дагестанской культуры, не отказываясь при этом от возможностей, которые предоставляет современный мир. Наконец, мы обсудим будущее цифровизации этнической культуры в Дагестане, рассматривая возможные сценарии развития и пути, которые могут быть выбраны для гармоничного сосуществования традиций и инноваций.

Таким образом, данная работа направлена на глубокое понимание многоаспектного влияния цифровизации на этническую культуру в Дагестане, что является важным шагом к сохранению культурного наследия и его адаптации к современным условиям.

Ключевые слова: культура, цифровизация, идентичность, традиции, фольклор, культурное наследие, познавательная культура, инновации, этническая идентичность.

*Abdurakhmanova Z. K.,
Makhachkala*

Abstract. Digitalization, as a global process covering all spheres of life, has become particularly relevant in recent decades for studying in the context of ethnic culture. The Republic of Dagestan, with its unique cultural heritage and diversity of ethnic groups, is an interesting object for analyzing the impact of digital technologies on traditional practices, languages and folklore. In the context of the rapid development of information technology and globalization, Dagestan culture is facing new challenges and opportunities, which makes the study of this process especially important. The relevance of the work lies in the need to understand and analyze the impact of digitalization on the preservation and transformation of ethnic culture in Dagestan. In an environment where traditional forms of cultural expression can undergo changes under the influence of new technologies, it is important to understand exactly how digitalization can both contribute to and threaten the preservation of cultural values. In this context, special attention will be paid to how modern technologies affect the preservation of cultural heritage, as well as how they can transform traditions by creating new forms of cultural expression. Within the framework of this work, several key topics will be considered. First, we will analyze the impact of digitalization on the preservation of cultural heritage, exploring how digital technologies can be used to document and popularize traditional practices. Secondly, we will discuss the risks of transformation of traditions under the influence of technology, including possible changes in the perception and interpretation of cultural values. The third topic will focus on digital platforms as a means of integrating cultures, which will reveal how they facilitate exchange and interaction between different ethnic groups. In addition, an important aspect of the work will be the preservation of linguistic diversity through technology. We will look at how digitalization can help maintain and develop endangered languages. The role of social media in the dissemination of folklore will also be analyzed, as they are becoming an important tool for transmitting and popularizing

traditional stories and customs. No less significant is the problem of finding a balance between preserving identity and adapting to new conditions. In the context of globalization and digitalization, it is important to realize how to preserve the uniqueness of Dagestan culture without giving up the opportunities offered by the modern world. Finally, we will discuss the future of digitalization of ethnic culture in Dagestan, considering possible development scenarios and ways that can be chosen for the harmonious coexistence of traditions and innovations. Thus, this work is aimed at a deep understanding of the multidimensional impact of digitalization on ethnic culture in Dagestan, which is an important step towards preserving cultural heritage and adapting it to modern conditions.

Keywords: culture, digitalization, identity, traditions, folklore, cultural heritage, cognitive culture, innovation, ethnic identity.

Влияние цифровизации на сохранение культурного наследия

Цифровизация становится важным инструментом для сохранения культурного наследия, особенно в многонациональных регионах, таких как Дагестан. Внедрение технологий создает возможности для архивирования и распространения традиционных практик и ценностей, позволяя новой генерации узнать о культурном наследии своих предков.

Одним из проектов, способствующих этому, является цифровая платформа «Виртуальный Дагестан», которая обеспечивает доступ к архивам, коллекциям и информации о культурном наследии [1]. Такие инициативы позволяют документировать и сохранять устные традиции и народные ремёсла, что особенно актуально для республики с ее богатым культурным самобытным разнообразием. Устные традиции записываются и транслируются через новые медиаформаты, что помогает не только сохранить их, но и привлечь молодежную аудиторию к изучению культурных ценностей [3].

Цифровизация также играет важную роль в популяризации культурного наследия через образовательные инициативы. Цифровые курсы, такие как «Культура и традиции народов

Дагестана», создают условия для изучения культурной идентичности и формируют интерес у молодежи к традициям родного региона [9]. Эти образовательные проекты помогают молодежи лучше осознавать и ценить культурное наследие, что в свою очередь способствует его сохранению.

Туризм, активно поддерживаемый цифровыми платформами, становится еще одним аспектом, способствующим сохранению культурного наследия. Цифровизация туристической индустрии не только привлекает туристов, но и помогает формировать привлекательный имидж Дагестана как культурного центра [1]. Интерактивные карты и информационные ресурсы позволяют путешественникам лучше понять местные традиции и культуру, что создает более глубокое взаимодействие.

Работа правовых органов также важна в этом процессе. Создание эффективных механизмов для защиты культурного наследия в условиях цифровизации необходимо для противодействия его утрате. Необходимы правовые механизмы, которые обеспечат защиту культурных ценностей и предотвратят возможные искажения [3].

Важно понимать, что цифровизация не просто модернизирует способы хранения и передачи культурных знаний, но и формирует новую культурную среду, где традиции могут сохраняться и развиваться. Рассмотрение этих аспектов необходимо для дальнейшего изучения влияния цифровизации на идентичность и культурное наследие Дагестана.

Цифровизация в Дагестане, несмотря на свои позитивные аспекты, несет в себе и значительные риски, связанные с трансформацией традиционных культурных практик. Один из наиболее острых вопросов касается утраты исконных традиций под воздействием современных технологий. Переход к цифровым платформам, а также распространение социальных сетей подвергает риску специфические культурные элементы, которые могут оказаться под влиянием внешних культурных потоков, зачастую более распространенных и коммерциализированных.

В первую очередь интернет и цифровые технологии способствуют гомогенизации культур, что приводит к унификации

локальных традиций. Такой процесс нередко приводит к тому, что народное творчество, фольклорные практики и устное наследие, которые сохранялись веками, становятся адаптированными к современным требованиям рынка. Это не только уменьшает их оригинальность, но и делает их менее доступными для более поздних поколений, которые могут никогда не узнать подлинного облика своей культуры [8].

Согласие на использование цифровых платформ также может привести к повреждению моральных и этических норм, существующих в традиционных сообществах. Некоторые формы искусства, такие как танец, песни и обряды, теряют свою священную природу и становятся объектами развлечения, теряя тем самым свою глубину и культурное значение [6].

Цифровизация несет угрозу и языковому разнообразию. Интернет зачастую доминирует на нескольких основных языках, что приводит к депопуляции меньшинств языков. Это особая проблема для Дагестана, где многообразие языков и диалектов является частью культурной идентичности [5]. Утрата родного языка может означать потерю уникального культурного контекста и понимания местных обычаев.

Большая часть дагестанской культуры охватывает обычаи, традиции и ритуалы, которые передаются через устную передачу. Переход на цифровые платформы угрожает исчезновению этого метода передачи знаний, поскольку многие молодые люди всё меньше интересуются традиционными формами культурного наследия [4].

Более того, массовое использование технологий часто способствует появлению новых трендов, которые могут оказаться несовместимыми с местными культурными практиками. Молодежь, имея доступ к глобальному контенту, начинает больше тяготеть к современным культурным явлениям, что может создать дисбаланс между поколениями и привести к конфликтам с более старшими, для которых традиции остаются важной частью жизни.

Вектор цифровизации ставит перед дагестанским обществом немалые вызовы, требуя разработки стратегий по сохранению

уникальных черт этнической культуры. На фоне глобальных трендов в развитие защиты культурных ценностей важно рассматривать вопросы интеграции, которые могут помочь сохранить уникальность и идентичность общин [10].

Цифровые платформы как средство интеграции культур

Цифровизация в Дагестане создает новейшие платформы, способствующие интеграции культурных ценностей различных этнических групп. Проект «Виртуальный Дагестан: Прошлое и Настоящее» является ярким примером использования цифровых технологий для сохранения и популяризации культурного наследия, что поможет документировать историю, язык и традиции различных народов региона [1].

Подобные платформы становятся инструментом для взаимодействия между этническими группами. Например, образовательные инициативы через онлайн-курсы позволяют жителям разных районов взаимодействовать, обмениваться опытом и знакомиться с культурными особенностями соседних народов [9]. Кроме того, цифровые решения привлекают молодое поколение, что создает потенциал для формирования перекрестной идентичности, основанной на уважении и понимании культурных традиций [5].

За счет создания единого пространства для представления культурного контента и мероприятий цифровые технологии могут способствовать интеграции ценных аспектов многообразия региональных культур. Это не только помогает сохранить уникальные традиции, но и способствует их трансформации в контексте современных реалий. Платформы, поддерживающие культурный обмен, становятся основой для создания новых совместных проектов, что в свою очередь формирует новые идентичности на основе культурного многообразия [5]. При этом значение цифровых технологий не ограничивается лишь сохранением культурных ценностей. Они играют важную роль в сфере туризма, упрощая доступ к информации о богатом культурном наследии Дагестана, что может увеличить потоки

туристов, интересующихся этническими традициями региона [1]. Это создаёт экономические возможности для местного населения и новых форм взаимодействия граждан с культурными институтами.

Используя интеграцию современных технологий, дагестанские культурные и образовательные проекты становятся доступнее для широкой аудитории, что открывает двери для более глубокого понимания и уважения к многообразию культурных идентичностей. Однако необходимо помнить, что несмотря на все преимущества важно сохранять критический подход к тому, как технологии влияют на традиционные культурные практики [7]. В конечном итоге успешная интеграция культур зависит от способности этнических групп использовать цифровые платформы как средство сохранения уникальных идентичностей, а не как инструмент их исчезновения. Взаимодействие культур через цифровые ресурсы может стать катализатором для взаимного обогащения и уважения, что в свою очередь укрепит общественную гармонию в многонациональном Дагестане.

Заключение

Цифровизация этнической культуры в Дагестане представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует внимательного анализа и осмысления. В ходе нашего исследования мы выявили, что современные технологии оказывают значительное влияние на сохранение и трансформацию культурного наследия региона. С одной стороны, цифровизация предоставляет уникальные возможности для документирования и распространения традиционных практик, языков и фольклора. С другой стороны, она также несет в себе риски, связанные с изменением и утратой аутентичности культурных ценностей.

Одним из ключевых аспектов, который мы рассмотрели, является влияние цифровых платформ на интеграцию различных культурных элементов. В условиях глобализации и быстрого распространения информации социальные сети и другие цифровые ресурсы становятся важными инструментами для обмена

культурными практиками. Они позволяют представителям различных этнических групп делиться своими традициями, что способствует взаимопониманию и уважению между ними. Однако, несмотря на положительные аспекты, существует опасность, что традиционные ценности могут быть искажены или адаптированы под современные тренды, что может привести к утрате их первоначального смысла.

Сохранение языкового разнообразия через технологии также является важной задачей. В Дагестане, где сосредоточено множество языков и диалектов, цифровизация может сыграть ключевую роль в их поддержании. Создание онлайн-ресурсов, приложений и курсов, направленных на изучение местных языков, может способствовать их популяризации среди молодежи. Однако необходимо учитывать, что без должного внимания к культурному контексту такие инициативы могут оказаться неэффективными.

Роль социальных сетей в распространении фольклора и традиционных историй также заслуживает отдельного внимания. Платформы, такие как Instagram и TikTok, становятся ареной для творчества, где молодые люди могут делиться своими интерпретациями народных сказаний, песен и танцев. Это создает новые формы культурного выражения, но также ставит под угрозу традиционные способы передачи знаний и опыта от поколения к поколению.

Важной проблемой, которую мы выделили, является поиск баланса между сохранением культурной идентичности и адаптацией к новым условиям. В условиях стремительных изменений, вызванных цифровизацией, необходимо разработать стратегии, которые позволят сохранить уникальность дагестанской культуры, одновременно используя преимущества современных технологий. Это требует активного участия как государственных структур, так и самих представителей этнических групп.

Будущее цифровизации этнической культуры в Дагестане зависит от того, насколько успешно удастся интегрировать традиционные ценности в цифровую среду. Важно, чтобы процесс

цифровизации не стал причиной утраты культурного наследия, а, наоборот, способствовал его сохранению и развитию. В этом контексте необходимо продолжать исследовать и анализировать влияние технологий на культурные практики, чтобы обеспечить устойчивое и гармоничное развитие этнической культуры в условиях цифровой эпохи.

Литература:

1. «Виртуальный Дагестан: Прошлое и Настоящее» — цифровая... [Электронный ресурс] // pt.2035.university — Режим доступа: <https://pt.2035.university/project/virtualnyj-dagestan-prosloe-i-nastoasee-cifrova-a-platforma-prirodnogo-i-kulturnogo-nasledia>, свободный.
2. «Леста Игры» будет сотрудничать с Дагестаном в цифровой сфере [Электронный ресурс] // companies.rbc.ru — Режим доступа: <https://companies.rbc.ru/news/olk3tubdnb/lesta-igryi-budet-sotrudnichat-s-dagestanom-v-tsifrovoy-sfere/>, свободный.
3. В ДГУ обсудили проблемы правового обеспечения сохранения... [Электронный ресурс] // riadagestan.ru — Режим доступа: https://riadagestan.ru/news/society/v_dgu_obsudili_problemy_ppravovogo_obespecheniya_sokhraneniya_kulturnogo_naslediya_rossii_v_tsifrovoy_srede/, свободный.
4. Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации... [Электронный ресурс] // docs.cntd.ru — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/406276852>, свободный.
5. Правительство Республики Дагестан [Электронный ресурс] // digital.gov.ru — Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/respublika-dagestan.pdf>, свободный.
6. *Гаджиев Г. Н.* Проблемы и направления развития цифровой экономики в Республике Дагестан // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. 2018. № 2. //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-napravleniya-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki-v-respublike-dagestan> (дата обращения 17.09.2025).

7. Проект «Цифровые платформы в отраслях социальной сферы»... [Электронный ресурс] // rutnov.ru — Режим доступа: <https://rutnov.ru/2025/06/16/proekt-czifrovye-platformy-v-otraslyah-soczialnoj-sfery/>, свободный.
8. Угрозы и риски экономической безопасности региона в условиях... [Электронный ресурс] // giefjournal.ru — Режим доступа: <https://giefjournal.ru/node/2458>, свободный.
9. Центр поддержки гражданских инициатив Республики Дагестан... [Электронный ресурс] // — Режим доступа: свободный.
10. Цифровизация Дагестана — опыт развития — Журнал... [Электронный ресурс] // rrmag.ru — Режим доступа: <https://rrmag.ru/2022/10/14/czifrovizacziya-dagestana-opyt-razvitiya/>, свободный.

ИСЛАМСКИЕ ЦЕННОСТИ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

*Султанова А. Р.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. В статье рассматривается значение исламских ценностей в познавательной культуре. Основным материалом для рассмотрения вопроса стали идеи одного из основных направлений ислама — суфизма.

Ключевые слова: ислам, суфизм, познавательная культура.

ISLAMIC VALUES IN EDUCATIONAL CULTURE

*Sultanova A. R.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. The article examines the significance of Islamic values in cognitive culture. The main material for considering this issue is the ideas of one of the main branches of Islam, Sufism.

Keywords: Islam, Sufism, cognitive culture.

Исламские ценности в познавательной культуре играют фундаментальную роль, они неразрывно связаны с развитием знания, образования и духовного самосовершенствования человека. В традиционной исламской цивилизации знание в первую очередь рассматривается как священная и глубокая ценность, где вера и разум интегрированы [3], [4], [5]. Ислам призывает к непрерывному обучению и развитию интеллекта, подчеркивая, что религия без образования губительна, как и образование без религии. Это проявляется в исторических исламских университетах, философии и научных открытиях, где знание понималось как путь к познанию Бога и улучшению мира.

Основные исламские ценности в познавательной культуре включают приоритет духовного над материальным, стремление к мудрости, справедливости и милосердию, а также воспитание нравственности и гуманизма. Исламская педагогика формирует молодежь в уважении к традиции и научному поиску, способствуя духовному и культурному суверенитету общества в условиях глобальных вызовов. Эти ценности обеспечивают прочную основу для межкультурного диалога и мирного сосуществования в многонациональных обществах.

Таким образом, исламская познавательная культура — это синтез веры и разума, религии и науки, где знание рассматривается как обязательное средство духовного и социального развития личности и общества. Современные исследования по суфизму и познавательной культуре показывают, что суфизм занимает значимое место в формировании специфической гносеологической традиции. Суфизм в познавательной культуре основывается на пантеистической концепции, где объект познания — Бог как единственная реальность, а материальный мир лишь его отражение. Важнейшей особенностью является любовь к Богу как основное средство постижения истины наряду с аскетизмом, молитвами, зикром и мистическим экстазом как вспомогательными познавательными средствами.

Суфизм культивирует созерцательный и многослойный характер познания, который включает в себя стадии, уровни и формы уверенности, а также традиции молчания, аллегоричности и многосмысленности. Однако его концепция субъекта познания одновременно индивидуалистична и созерцательна, что приводит к социальной замкнутости и умалению роли науки. Иррационализм и мистицизм присутствуют, но суфизм не создаёт самодостаточной агностической философии.

Исследования отмечают, что суфизм способствует формированию в обществе норм и идеалов творческой активности, но также порождает лицемерие и категоричность суждений в обыденном сознании. Суфийское учение представлено как сложный многоэтапный процесс, который требует интеллектуальной и духовной подготовки. Эти особенности суфизма оказывают важное

влияние на познавательную культуру как модифицирующую и развивающую её, налагая на познание религиозно-этические рамки и мистическую ориентацию [6].

Суфизм в современных исследованиях рассматривается как уникальная форма познавательной культуры, интегрирующая духовно-религиозные ценности с интеллектуальными практиками, что имеет значительные последствия для философии, социальной жизни и культуры мусульманских сообществ [1], [2].

Таким образом, можно заключить, что исламские ценности (на примере идей суфизма) имеют большое значение для познавательной культуры и несут в себе огромный философский потенциал.

Литература:

1. *Билалов М. И.* Познавательная культура и представления об истине // Вопросы философии. 2023. № 9. С. 45–49.
2. *Билалов М. И.* Влияние ислама и суфизма на познавательную культуру // Исламоведение. 2012. № 3.
3. *Зиннатуллина Г. Ф.* Культура повседневности: основные ценности мусульман // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-povsednevnosti-osnovnye-tsennosti-musulman>
4. *Солеймани Сара.* Особенности культурно-религиозной идентичности мусульман в России: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук // URL: https://www.rudn.ru/storage/media/science_dissertation/508a8388-b26a-4444-9e5d-18d730009bba/qZbf9FJo5KlFxeTTDGuGmtNncg2Rk6BimTkVMeqL.pdf
5. *Уракова Н. С.* Место ценностей ислама в духовной культуре народов Маверауннахра // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-tsennostey-islama-v-duhovnoy-kulture-narodov-maveraunnahra>
6. *Яхьяев М. Я.* Поливариативность исламской культуры: истоки и развитие // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 2. С. 109–121.

ДАГЕСТАН НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И МОДЕРНОМ

*Магомедов М. А.,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Аннотация. Данная статья исследует сложный и многогранный процесс трансформации дагестанского общества, находящегося в эпицентре столкновения традиционных устоев и вызовов современности. Анализируя исторические предпосылки, социокультурные, политические и экономические аспекты, можно прийти к выводу, что Дагестан переживает глубокий цивилизационный кризис идентичности. Разрешение этого кризиса видится не в отрицании одной из сторон, а в поиске аутентичного пути синтеза, позволяющего сохранить культурное ядро при интеграции в глобальный мир.

Дагестан является уникальным культурным и историческим феноменом, включая в себя сплав ошеломительного количества языков и народов и находясь на культурном перекрестке между Европой и Азией, югом и севером, западом и востоком. Через его территорию веками пролегали важнейшие торговые и военные пути, здесь сталкивались интересы Рима и Парфии, Хазарского каганата и Арабского халифата, Османской и Российской империй. Эта пограничность сформировала особый тип дагестанского социума — устойчивый, адаптивный, но и крайне сложный по своей внутренней структуре.

Ключевые слова: традиция, модерн, джамаат, идентичность, цивилизация.

*Magomedov M. A.,
Dagestan State University, Makhachkala*

Abstract. This article explores the complex and multifaceted process of transformation in Dagestan society, which is at the epicenter of the clash between traditional values and modern

challenges. By analyzing historical, sociocultural, political, and economic aspects, it can be concluded that Dagestan is experiencing a profound crisis of identity. The resolution of this crisis lies not in rejecting one side, but in finding an authentic path of synthesis that allows for the preservation of the cultural core while integrating into the global world.

Dagestan is a unique cultural and historical phenomenon, a melting pot of languages and peoples, located at the crossroads of Europe and Asia, the south and the north, and the west and the east. For centuries, Dagestan has been a vital trade and military route, where the interests of Rome and Parthia, the Khazar Khaganate and the Arab Caliphate, and the Ottoman and Russian empires collided. This borderland has shaped a unique type of Dagestan society, characterized by resilience, adaptability, and complexity.

Keywords: tradition, modernity, jamaat, identity, civilization.

На сегодняшний день перед Дагестаном стоит серьёзный исторический вызов. Речь идет не о внешнем завоевании, а о внутреннем, ценностном переформатировании народа. Процессы модернизации, глобализации и урбанизации обрушились на устоявшийся уклад по сути традиционного общества, веками жившего по законам горского этикета, джамаата и религии. Республика оказалась на острие противоречия между традицией и модерном, становясь живой лабораторией по изучению того, как небольшие, локальные цивилизации отвечают на вызовы глобального мира.

Дагестан на протяжении всей истории представлял из себя разрозненное общество родовых племен и по сути никогда не был единым целым. Его сила и слабость заключались в невероятном разнообразии: десятки этносов, языков, культурных очагов.

Общество было организовано вокруг двух полюсов — свободных горских общин (джамаатов) и феодальных владений (шамхальств, ханств). Отношения строились на сложном балансе обычного права (адата), племенной солидарности (тухум) и с распространением ислама, шариата. Этот период

сформировал ключевые архетипы дагестанского менталитета: свободолюбие, почитание старших, гостеприимство, кровная месть и коллективная ответственность.

Вхождение в состав Российской империи было первым масштабным столкновением с иной, европейской цивилизационной моделью. Имамат Шамиля стал ответной реакцией — попыткой создать единое теократическое государство на основе шариата, преодолев родовую и этническую раздробленность. Несмотря на поражение эта война закалила общедагестанскую идентичность и оставила глубокий след в исторической памяти.

В советский период была предпринята попытка модернизации и секуляризации региона. Были созданы промышленные предприятия, письменность для народов Дагестана, оформлена система светского образования. Гендерная эмансипация, борьба с религией и «пережитками прошлого» подорвали многие устои традиционного общества. Однако советская модель во многом была поверхностной: клановые и тухумные связи ушли в тень, но не исчезли, встроившись в партийную и хозяйственную номенклатуру. Нередко случалось так, что должности передавались родственникам и представителям своего тухума.

Это историческое наслоение — адата, шариата, имперской администрации и советской идеологии, а также вызовов современности с ценностями мирового сообщества — создало тот уникальный культурный гибрид, который является основой для современных противоречий.

Самой острой формой противостояния традиции и модерна является социокультурный раскол, проходящий по линиям «село — город» и «отцы — дети».

Традиционный джамаат, основанный на коллективизме, сакральном отношении к земле и четкой иерархии, переживает упадок. Молодежь, получившая образование в городах, не желает жить по старым правилам. Сельское хозяйство, бывшее основой жизни, становится экономически невыгодным. Это приводит к маргинализации сельского населения, для которого утрачиваются старые смыслы, а новые не обретаются.

Вследствие чего жители сёл всё чаще переезжают в города за лучшей жизнью. Что приводит к ещё большей эскалации проблемы города и села.

Махачкала и другие города стали «плавильными котлами», где стираются этнические различия, в городе больший акцент принимает идентичность человека как дагестанца, а не аварца, даргинца или кумыка, вследствие чего обостряется проблема сохранения родного языка. Помимо прочего обостряются социальные проблемы. Городская среда диктует новые правила: индивидуализм, конкуренция, анонимность. Это вступает в противоречие с коллективистской психологией горца. В городе ослабевают контроль старейшин, разрушается механизм передачи традиций.

Молодежь Дагестана сегодня живет в двух мирах одновременно. В виртуальном пространстве она часть глобального сообщества, потребляющая тот же контент, что и сверстники в Москве или Берлине. В реальной жизни она зачастую скована жесткими рамками семейных и родовых ожиданий (выбор профессии, брак, поведение). Этот разрыв порождает фрустрацию, экзистенциальную тревогу и поиск новых, зачастую радикальных форм самоидентификации.

Политическая жизнь Дагестана — наглядная иллюстрация конфликта формальных институтов и неформальных практик. Де-юре наша республика является субъектом РФ с конституцией, парламентом и правительством, построенными по образцу современного государства. На самом же деле у нас во многом сохраняется неотрадиционная модель управления, основанная на клановости, кумовстве и землячестве. Высшие посты и ресурсы часто распределяются по негласному принципу этнического и кланового представительства. Эта система, свойственная средневековым обществам, порождает коррупцию, кумовство и тормозит становление универсальных правовых институтов.

Вопрос политического управления привлекает всё большее внимание молодежи, воспитанной с помощью современной литературы, СМИ и политических деятелей, в логике правового государства и равных возможностей, все острее воспринимает

эту систему как несправедливую и «нецивилизованную», что является источником постоянной социальной напряженности.

Вопрос модернизации является одним из ключевых в проблематике бывшего Президента Республики Дагестан Муху Гимбатовича Алиева. Он стоит на умеренных позициях, считая, что нужно модернизировать экономику и политические структуры региона в согласии с традиционными духовно-нравственными ценностями Дагестана [2, с. 12].

На мой взгляд, Дагестан сегодня это не просто географическая территория, а живой организм, переживающий болезненную, но необходимую трансформацию. Противостояние традиции и модерна не является борьбой, где обязательно должна победить лишь одна сторона. Традиция без модерна ведет к изоляции, архаике и экономическому застою. Модернизация без учета традиций для Дагестана может обернуться разрушением социальных связей, потерей идентичности, культурным коллапсом и последующей ассимиляцией в рамках современного российского пространства.

Выход для Дагестана видится в поиске пути, который будет отражать интересы малых культурных групп и сочетать это с современными технологическими и мировоззренческими достижениями — аутентичной модели развития, которая предполагает не отрицание, а творческий синтез. Это означает:

— внедрение передовых технологий, развитие светского образования и правового сознания при бережном сохранении языка, культуры и позитивных элементов традиционной этики (уважение к старшим, коллективная взаимопомощь, гостеприимство);

— постепенное вытеснение неформальных клановых практик прозрачными, меритократическими институтами, где ценятся компетенции, умения и навыки, а не происхождение и кровно-родственные связи;

— ставку на уникальные конкурентные преимущества Дагестана — туризм (культурный, этнографический, горный), агропромышленный комплекс, ремёсла, создавая среду для малого и среднего бизнеса.

Судьба Дагестана в XXI веке зависит от того, сумеет ли он, пройдя через горнило современного цивилизационного кризиса, переплавить свои многовековые традиции в новую, жизнеспособную и динамичную форму, оставаясь собой в стремительно меняющемся мире.

Литература:

1. *Гаджиев К. С.* Геополитика Кавказа: Монография. — М.: Международные отношения, 2001. — 462 с.
2. *Алиев М. Г.* В поисках согласия: сборник. В 2 кн. 2-е изд., доп. — Махачкала: Эпоха, 2011. — 23 с.
3. *Билалов М. И.* Единая цивилизационная модель губительна для человечества // Вестник Дагестанского государственного университета. 2005. № 2. С. 129–130.
4. *Османов А. И.* Социальная структура народов Дагестана в XX веке. — Махачкала, 2008.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

*Халидов Ш. Д.,
Администрация городского округа «город Махачкала»,
г. Махачкала*

Аннотация. Рассматривается влияние процессов глобализации и модернизации на возникновение кризиса исторической и этнокультурной идентичностей. Определяются факторы, воздействующие на трансформацию этнокультурной идентичности. Анализируется, каким образом глобализация приводит к размыванию этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, модернизация.

GLOBALIZATION, MODERNIZATION, AND THE CRISIS OF NATIONAL IDENTITY

*Khalidov Sh. D.,
Administration of the City District «City of Makhachkala»,
Makhachkala*

Annotation. This article considers the influence of globalization and modernization processes on the development of the crisis of historical and ethnocultural identity and describes the factors affecting the ethnocultural identity transformation. The author analyses how globalization results in the blurring of ethnocultural identity.

Keywords: globalization, identity, modernization.

Стремительные изменения в мире в конце XX — начале XXI века, связанные в первую очередь с нарастающими и весьма

противоречивыми процессами глобализации, резко обострили проблему национальной идентичности.

Никогда ранее в мировой истории эта проблема не стояла столь судьбоносно, даже фатально. И никогда ранее она не охватывала практически все государства и народы мира. Кризис национальной идентичности приобрел такие формы и масштабы, что его преодоление для многих из них означает уже не только выбор адекватной конкурентоспособной стратегии развития, но и превратился в вопрос национального выживания.

Целый ряд процессов глобализации непосредственно влияет на обострение кризиса идентичности.

Эти процессы: демократизация, экономизация, информатизация, культурная стандартизация, ценностная универсализация и др. — неизбежно наталкиваются на национальную идентичность как на препятствие своему естественному развитию, как на центральное ядро, хранящее наиболее устоявшиеся, накапливающиеся порой тысячелетия, и потому наиболее прочные представления различных этнонациональных общностей о себе самих. При этом развиваются многообразные конфликты, исход которых зависит от прочности или рыхлости сложившихся национальных идентичностей, их бескомпромиссности и жесткости, невосприимчивости к новому или, напротив, их гибкости, способности к адаптивному изменению, обновлению без утраты культурных идентификационных ядер. Глобализация, стремящаяся перемолоть национальную идентичность, растворить ее в глобальных процессах, это, таким образом, своего рода квалификационный турнир для таких ядер.

Отдельно хотелось бы остановиться на двух последних из перечисленных факторов.

Культурная стандартизация, будучи в определенной степени следствием информационной открытости, взрывает некогда замкнутые культурные идентичности. При помощи сверхсовременных информационных технологий, сопротивление которым невозможно, глобализация раз и навсегда взламывает казавшиеся ранее незыблемыми, как скала, барьеры между различными культурами, вовлекая их в водоворот всемирной конкуренции.

В этом водовороте выживают лишь те культуры, которые оказываются способными к адаптации к стремительно меняющемуся миру, воспринимать новейшие достижения мировой цивилизации, при этом не теряя своей самобытности. Яркий пример такой адаптации — страны Восточной Азии. Впрочем противоположных примеров стран, не выдержавших столкновения с натиском культурной унификации, порожденной глобализацией, гораздо больше. Массовая культура глобализации в этих случаях оказалась сильнее культурного ядра национальных идентичностей, которые в условиях глобализации сохранились лишь как культуры фольклорные: испанская коррида, турецкий ислам, мексиканская кухня, аргентинское танго.

Во всех этих случаях глобализация перемолола культурные ядра национальных идентичностей, сделав граждан этих стран «гражданами мира», и оставила от этих ядер лишь некий набор туристических курьезов. Сопротивляются в первую очередь те страны, которые имеют большую «историческую» культурную глубину. Одни из самых устойчивых в этом отношении это Китай, Индия и Россия, имеющие более чем тысячелетнюю культурную историческую традицию. Однако слишком уповать на это обстоятельство не стоит: глобализация перемелет и их, если культурные ядра национальных идентичностей этих стран не окажутся достаточно адаптивными к происходящим стремительным переменам в экономике, технологиях и социальной жизни. До нынешнего момента все эти три культуры — и это признают все серьезные наблюдатели — демонстрируют свои высокие адаптационные способности.

Сказанное, однако, не означает, что эти три страны абсолютно гарантированы от угрозы культурной стандартизации и обладают стопроцентно надежными культурными иммунными системами, способны противостоять вызову культурной стандартизации. Решающая битва за национальную идентичность еще впереди. И ее исход главным образом зависит от того, смогут ли эти три культуры противопоставить глобализации более мощные и убедительные национальные проекты. Очевидно также, что на данном этапе исторического развития

самым слабым и уязвимым звеном из этой «тройки» является Россия [1].

Наконец, глобализация настаивает на универсализации **ценностных ориентиров**. При помощи тех же массовых информационных технологий (в первую очередь телевидения и интернета) она наглядно демонстрирует преимущества в первую очередь западной модели развития и, соответственно, западных ценностей: индивидуальная свобода, права человека, демократические механизмы, рыночная экономика, правовое государство, гражданское общество, нанимающее это государство. Это, однако, означает, что многие ценности, которым традиционно следовали, например Китай, Индия и Россия, а именно коллективизм, государственный патернализм, авторитарные (а порой и тоталитарные) механизмы управления, община как институт гражданского общества, государственный дирижизм в экономической жизни и т. п. в условиях глобализации как минимум поставлены под сомнение. С другой стороны, пока остается далеко не ясным, будут ли традиционные западные ценности «работать» в условиях быстро наступающей посткапиталистической эпохи. Вполне возможно и даже вероятно, что в этой эпохе будут более востребованы ценности незападного типа.

Следует также отметить, что национальная идентичность в современном мире размывается не только процессами глобализации, но и мощнейшим натиском **постмодернистской** культуры. Утверждая «плюрализм смыслов», равнозначность (а следовательно, сомнительность) морально-нравственных ценностей, осмеивая национальные традиции, ставя под вопрос религиозные догмы, этические императивы, а теперь и гуманистические идеи эпохи Просвещения, наконец, торжественно провозглашая конец проекта «Человек» и конец самой Всемирной истории, постмодерн по существу пытается выхолостить национальную идентичность, убить ее содержание, вообще снять вопрос об идентичности с повестки дня. В этом смысле постмодерн наиболее опасен для национальной идентичности. При этом глобализация, будучи, как говорилось

выше, противницей, борется против идентичности на стороне постмодерна [2].

Эпоха посткапитализма и эволюция глобализационных процессов — ценностный и культурный аспекты

На выходе из капитализма и входе в посткапитализм, свидетелями которого мы с вами являемся, значение борьбы за традиционные ценности выходит далеко за рамки культурно-религиозной сферы. Реализуемая ныне экономическая модель эксизма (от англ. слова access — доступ) как платформы, в которой совпадают производственные и классовые характеристики, — это превращение капитала в чистую власть, обеспечивающую отчуждение у человека **социальных** (контроль над общественным поведением групп и индивидов) и **духовных** (понятия, образы, представления, ценности, целеполагание) факторов производства. Главным объектом присвоения в посткапиталистическом мире в том виде, в каком его планируют архитекторы нового мира, будут не вещественные факторы производства (капитал), а социальные и духовные, которые присваиваются, как правило, вместе.

В сегодняшнем мире духовная сфера всё ещё выступает в большей степени как непроеизводственный фактор — ценности, культура, мораль (в том числе религиозная), идентичность. Превращение всего этого в отчуждаемый объект присвоения в новом посткапиталистическом обществе требует предварительной трансформации-модификации ценностей — как традиционных, так и модерна, который за несколько столетий тоже уже стал традицией. По сути это означает трансформацию-модификацию человека, обнуление старых ценностей и навязывание таких, которые могут превратить человека в объект присвоения, «заточенный», «обструганный» под это превращение. Существующие ныне ценности и идентичности не просто не годятся в объекты присвоения посткапиталистического строя, но противостоят ему, блокируя сам процесс превращения не вещественного в объект производственных отношений.

Поэтому нынешняя борьба за ценности, нормы и идентичности традиции и модерна есть не что иное, как формирующаяся социальная, классовая борьба по поводу таких объектов, которые не являются внешними для человека, а представляют самого человека как персонификатора воли, социальных связей и идентичностей.

Упор верхушек пост-Запада на права различных меньшинств, на изменение половой, расово-этнической, национальной, культурно-религиозной, исторической идентичности, семейных норм (отношения «муж—жена», «родители—дети»), «флюидный гендер», внедрение толерантности (которая в точном значении слова есть не что иное, как патологическая неспособность системы противостоять вредоносному или даже смертоносному воздействию на неё) — всё это суть средства установления нового строя, нового типа производственных отношений, где человек отчуждается в его целостности. Это средства подготовки к строю, превращающему человека в человека, в объект эксплуатации и депривации (последняя есть лишение человека возможности удовлетворять основные базовые социальные потребности или, если угодно, социальные инстинкты (не путать с биологическими)).

В связи с этим на роль одного из важнейших средств борьбы с этими процессами выходит самопроизвольное выращивание информации и её структурирование, поскольку СМИ ультраглобалистов **систематически разрушают именно структурированную целостную память отдельных людей, групп и целых обществ**. Их цель, помимо прочего, хаотизировать, запутать, дерационализировать сознание. В противостоянии этому императивом также является создание реальной картины мира, способной к саморазвитию, и модели мира, используя которую, можно работать с различным материалом. Одна из целей — выработка опережающего понимания действительности и способности противостоять информационной хаотизации [3].

Порядок, планируемый нынешней мировой верхушкой и её страновой агентурой, требует расчеловечивания человека, которое подаётся как стимулирование человеческого

разнообразия — diversity. Если капитализм опредмечивал, ове­ществлял человека, отчуждал от продукта труда, то посткапи­тализм, планируемый хозяевами эксизма и финансиализма, расчеловечивает человека как социально, этнически и куль­турно (идентичность, пол) определённого существа, отчуждает его от самого себя как социального и биологического существа; и это суть именно производственных отношений планируемого нового строя.

Поэтому сопротивление в сфере культуры, в духовной сфере созданию этого порядка есть новая форма социальной и био­антропологической борьбы, в которой не может быть компро­мисса.

Литература:

1. *Федотова В. Г.* Модернизация и глобализация. — М.: Кни­га по Требованию, 2013. — 208 с.
2. *Албакова Ф. Ю.* Роль символов в национально-этническом сознании — М., 2000 // URL: <http://www.dissercat.com/content/rol-simvolov-v-natsionalno-etnicheskom-soznanii> (дата обращения: 15.08.2025). — 13 с.
3. *Фурсов А. И.* Капитализм, антикапитализм и судьбы мира: жизнь и смерть самой загадочной системы в исто­рии человечества и её антипода // Изборский клуб, 2021 // URL: <https://libfl.ru> (https://izborsk-club.ru/21367?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения 11.09.2025)).

РЕЗОЛЮЦИЯ

Всероссийской научно-практической конференции «МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ»

(К 85-летию первого Президента РД, почетного профессора ДГУ,
главного научного сотрудника
Института философии РАН М. Г. Алиева)
18–19 сентября 2025 года, Махачкала

Организаторами Всероссийской научно-практической конференции «Между философией и политикой» являются Администрация Главы и Правительства Республики Дагестан, Институт философии РАН, Российское философское общество, Дагестанский государственный университет и Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН. В ее работе приняли участие более 100 ученых и научных работников, общественных и государственных деятелей, журналисты, представители институтов гражданского общества из регионов России, в том числе 16 докторов и 18 кандидатов наук, а также студенты, магистранты и аспиранты вузов Дагестана.

Участники конференции в докладах, выступлениях высоко оценили жизнь и деятельность видного государственно-го и общественно-политического, научного деятеля страны, непосредственного участника многих ключевых событий 80–90-х годов XX века в России и Дагестане, руководителя обкома КПСС, Народного Собрания, позже и первого Президента РД, а в настоящее время главного научного сотрудника Института философии РАН, доктора философских наук, профессора Муху Гимбатовича Алиева.

На конференции были обсуждены следующие фундаментальные философские, культурологические, религиозно-политические и этнонациональные проблемы: **философия как методология цивилизационного развития** (философия гражданского, национального и конфессионального согласия и ее значение для многонациональной России, методология

экономической, социокультурной и образовательной стратегии Дагестана, этническое многоязычие в сохранении ценностей традиционной культуры Дагестана); **этнические и религиозные ценности в структуре многонациональной культуры** (этническое, религиозное и национальное в эволюции российской культуры, христианство и ислам в культуре дагестанских народов, суфийские ценности в региональной культуре, современные средства и методы преодоления идеологии экстремизма и терроризма); **социально-философские аспекты цивилизационных исследований** (противоречия и тенденции развития российской цивилизации, национальное в цивилизационной идентичности, цивилизационный статус северокавказских и дагестанских народов в составе России).

Научное сообщество, философы страны, региона, сформулированные вопросы, имеющие большую научно-теоретическую и практическую значимость, изучают целенаправленно, основательно. А потому в выработке рекомендаций учтены результаты и выводы ряда проведенных в России, Дагестане в последние десятилетия научных форумов, конструктивные предложения, реализация которых способствует единению многонациональной российской нации, многочисленных этносов дагестанского народа в составе России и формированию общих базовых аспектов его самосознания, основанного на этнокультурных и гражданских ценностях.

Заслушав и обсудив доклады, выступления, положения, высказанные на Всероссийской научно-практической конференции «Между философией и политикой», участники конференции выработали **следующие выводы и рекомендации**:

1. Ученые, философы страны успешно осуществляют поиск философских, политологических оснований консолидации, единства многонационального российского народа. Современная национальная политика страны нацелена на формирование общероссийской гражданской идентичности и солидарности на основе многонациональной и поликонфессиональной культуры. Эта значительная культура многолика, многологична (академик А. Смирнов), но целостна и объединяет процессуальную

и субстанциальную логики, европейское и азиатское мышление. Общие духовные истоки России подтверждены в Указе Президента РФ от 09.11.2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором перечислены 17 ценностей, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности, в их числе осознание гражданами их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственность за судьбу страны, необходимость соблюдения гражданских прав и обязанностей. И эти положения предполагают глубокое теоретико-методологическое осмысление.

2. В отечественном обществознании успешно обосновывается принадлежность России как государства-цивилизации к евразийскому геополитическому и социокультурному пространству. Общей целью российских народов с языковым, этническим, религиозным разнообразием, устремленных к федеративному государственному устройству, является освоение огромного геополитического пространства путем построения единого современного цивилизованного государства. Для народов ценна идея Бога традиционных мировых религий — христианства, ислама, буддизма и иудаизма, лежащих в основе духовности, терпения, добра и нравственности людей.

3. В нашей стране следование либеральным ценностям десятилетиями подвергло размыванию национальные религии, культуры, подорвало коллективистские традиции граждан. При всей определенности культурных и религиозных тенденций, доминировании евразийского духа в стране, регионах не сложилась общественнозначимая национальная идея, способная консолидировать и гармонично вписать их в евразийскую цивилизацию. Методологически значимым фактором здесь представляется то, что духовное пространство российской нации образуется не просто пересечением, но и взаимодействием, творчеством этнокультур, влияющими на формирование национальной идеи, осознание движения к современной постиндустриальной цивилизации, глобальному гражданскому обществу с региональными базовыми ценностями.

4. Эволюция российской культуры сопряжена с последовательным воздействием этнического религиозного и национального факторов, особо значимы в ней православие, ислам и буддизм. На Северном Кавказе, в Дагестане многие значительные политические и социальные движения новейшей истории основываются на исламе как объединяющей и мотивирующей силе, предстающий более поздним детерминантом культурной реальности, входящим в основу идентичности этносов. Происходит усиление этой роли ислама в жизни дагестанского общества, очень важно установить в нем преобладание принципов гуманизма и приоритета общечеловеческих идеалов и российских традиционных духовно-нравственных ценностей. Тяготеющий к ценностной рациональности ислам, трансформированный на Северном Кавказе в его мистическую версию — суфизм, созидает социум в духовной оппозиции целерациональной западной культуре.

5. Опыт истории, в том числе недавний опыт социалистического союза этносов и наций, показал существование у них единого соборного и коллективистского, джамаатского духа. В противовес западному менталитету и его целевой рациональности в евразийском содружестве превалирует ценностный рационализм и иррационализм. Приоритету прав и свобод личности в западном либерализме противостоит приоритет прав этноса и нации, уважения семьи, старших, традиций, согласующихся с эгалитаризмом — равноправием и социальным равенством.

6. Эпоха глобализации вносит коррективы в понимание образования: оно не может более оставаться ограниченным исключительно рамками собственной культуры. Недостаточно передавать лишь свои национальные, этнические ценности и традиции; методология социального конструктивизма формирует культурную идентичность на свободном выборе индивидов, позволяющем им постоянно реконструировать социальную реальность, принять образующие ее цели, смыслы и значения. Сосуществование досовременных, современных и постсовременных социальных систем в регионах России допускает

конвергенцию модерна и постмодерна. Решению этих задач должно способствовать образование, играющее главную роль в воспитании, подготовке человека к успешному функционированию в обществе. Эта универсальная миссия должна быть возложена на национально-ориентированное образование, которое допускает принципиальные различия в образовательных тактиках и методах, обусловленных временными и культурными особенностями.

7. Для многонациональной России и ее цивилизационного будущего значима философия гражданского, национально-го и конфессионального согласия. Философские размышления о перспективах веры, этики и основных традиционных ценностей для исследования национальных культур народов результативны в ходе их анализа, их связях и контактах с русской и западной культурами, а также в изучении влияния религиозной — православной, буддистской и исламской культуры на этнонациональные культуры. Особняком в силу значимости и неисследованности стоит вопрос о роли философии в национально-государственном развитии Северного Кавказа, Дагестана. Философское мировоззрение народов России, и в особенности Северного Кавказа, в том числе народов Дагестана, формируется преимущественно на иррациональной составляющей культуры, хотя ему не чужды глубинные экзистенциальные проблемы мистико-иррациональной русской мыслительной традиции в противовес европейской рациональности. Его оригинальная перспектива — аккумулировать на теоретическом уровне фундаментальные идеи западной, восточной и мусульманской форм философствования, что способно приблизить его к столбовой дорожке развития мировой философии.

8. Философские исследования в Дагестане важно нацеливать на обоснование его цивилизационной перспективы, выявляя его плюсы и минусы развития в эпоху постглобализации, будущее его этносов с принципиальным осознанием их бытия в единстве и в составе Российской Федерации. Осмысление роли философии в национально-государственном

строительстве и развитии Дагестана должно иметь конечной целью формирование методологии социокультурной и национальной стратегии в основных направлениях, средствах и сроках реализации управленческих решений руководством Дагестана. Их практический результат — устойчивое развитие, определение экономических и экологических путей и механизмов его духовного возрождения.

Учитывая позитивный вклад Дагестанского отделения РФО и коллектива отделения философии ДГУ за 20 лет в реальные достижения в поиске и нахождении мировоззренческих ориентиров дагестанских народов, в теоретически подготовленных обществоведах по философии культуры, философии ислама, философии образования и политики, участники конференции обращаются к Министерству науки и образования РФ, к руководству Республики Дагестан, Министерству науки и образования РД, ректору ДГУ с просьбой обеспечить ежегодный устойчивый бюджетный набор в ДГУ по специальности «Философия».

Участники конференции надеются, что выводы и рекомендации будут полезны государственным и общественным структурам, министерствам и ведомствам в реализации политического, экономического и социокультурного курса России, Республики Дагестан, направленного на обновление общества в его цивилизационных перспективах в современном мироустройстве.

*Рекомендации приняты на заключительном заседании
конференции в Дагестанском государственном университете
19 сентября 2025 г.*

**Список участников Всероссийской научно-практической
конференции "Между философией и политикой"**

К 85-летию первого Президента РД М. Г. Алиева
18–19 сентября 2025 года, Махачкала

Абакарова Райганат Магомедовна — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории религии и культуры Дагестанского государственного университета. (С. 125–132)

Абдулагатов Заид Магомедович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. (С. 143–149)

Абдулкадыров Юсуп Нурмагомедович — доктор философских наук, профессор Дагестанского государственного технического университета. (С. 118–125)

Абдурахманова Зарема Курбанисмаиловна — соискатель кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета. (С. 250–261)

Агаева Шемси Ахедовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного медицинского университета. (С. 226–242)

Алилова Калимат Мухтаровна — доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета. (С. 138–143)

Акаев Вахит Хумидович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, академик АН ЧР. (С. 55–65)

Алжанбеков Мурад Гаджимурадович — доктор педагогических наук, профессор кафедры общей и социальной педагогики Дагестанского государственного университета. (С. 187–204)

Алиев Муху Гимбатович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. (С. 10–22)

Аскендеров Заур Асегович — Председатель Народного Собрания Республики Дагестан. (С. 4–8)

Ахмедов Исмаил Ахметуллаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета. (С. 169—187)

Багамаева Индира Омаровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики Дагестанского государственного университета. (С. 187—204)

Беляева Людмила Александровна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. (С. 36—50)

Билалов Мустафа Исаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета. (С. 28—36)

Гезалов Ариз Авязоглы — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (С. 111—118)

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович — доктор философских наук, профессор, врио директора Института философии РАН. (С. 2—4)

Денисов Николай Григорьевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры. (С. 75—81)

Залибекова Айгуль Залибековна — кандидат культурологии, доцент кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета. (С. 214—221)

Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, заместитель заведующего сектором социальной философии Института философии РАН. (С. 65—75)

Кафаров Тельман Эмиралиевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного медицинского университета. (С. 100—111)

Курбанов Муса Гасангусейнович — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук Дагестанского государственного университета. (С. 149—156)

Магомедов Джамирза Исмаилович — руководитель философско-интеллектуального клуба «Эпохе», аспирант кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета. (С. 242–250)

Магомедов Мурад Абдулкаримович — магистрант кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета. (С. 264–270)

Магомедова Муслимат Алхилаевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. (С. 221–226)

Меликов Сергей Алимович — Глава Республики Дагестан. (С. 2)

Муртазалиев Абулмуслим Магомедович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Дагестанского государственного университета. (С. 50–55)

Омарова Загидат Умаргаджиевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Дагестанского государственного университета. (С. 156–163)

Рабданов Муртазали Хулатаевич — доктор физико-математических наук, профессор, ректор Дагестанского государственного университета. (С. 8–10)

Саркарова Наила Ахедовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Дагестанского государственного университета. (С. 163–169)

Сеидова Гюльчохра Надировна — кандидат философских наук, доцент, академик Международной гуманитарной академии «Европа-Азия», заведующая отделением кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, спецификации их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу, проректор по научной работе и международным связям ИДНК. (С. 204–209)

Султанова Аида Руслановна — соискатель кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета. (С. 261–264)

Ташлинская Елена Шамильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ульяновского государственного технического университета. (С. 209—214)

Фаттахов Рифат Ахметович — кандидат философских наук, доцент, Казанский государственный институт культуры, директор Общественного фонда татарской культуры Республики Татарстан им. Рашида Вагапова. (С. 132—138)

Халидов Шахрудин Деньгаевич — сотрудник Администрации городского округа «город Махачкала». (С. 270—277)

Чижков Николай Сергеевич — кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН, главный ученый секретарь РФО. (С. 94—100)

Шевченко Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора философии и политики Института философии РАН. (С. 22—28)

Яхьяев Мухтар Яхьяевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-политических наук Дагестанского государственного университета. (С. 81—94)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Об авторах и ключевых идеях сборника</i>	3
<i>Приветствия</i>	10
Меликов С. А., Глава Республики Дагестан	10
Аскендеров З. А., Председатель Народного Собрания РД.	11
Гусейнов А. А., директор Института философии Российской академии наук	12
Рабаданов М. Х., ректор Дагестанского государственного университета	16
«Обгонять не догоняя».	18
Интерес как движущая сила современной политики: скрытое и явное: философский анализ.	30
Цивилизационный статус северокавказских и дагестанских народов в составе России	36
Ресурсы общего цивилизационного пути регионов России	44
Противоречия и тенденции развития российской цивилизации: государственно-правовой аспект.	57
Цивилизационное развитие народов Северного Кавказа в контексте современных российских модернизационных процессов	62
Достижение справедливости в российском обществе как фактор цивилизационной консолидации	72
Идеология в контексте ценностного пространства полиэтнической России	82
Цивилизационная и социокультурная идентичность Дагестана: история и современность	88

Философско-исторические основания цивилизационного развития Российского государства и общества в начале XIX века	100
Об этнических и надэтнических механизмах человеческой идентификации	106
Этническое и культурное в идентичности в эпоху социальных перемен	117
Проблемы и перспективы развития цивилизационной идентичности в современной России.	125
Коды, символы и знаки в этнокультуре	132
Интегративные достоинства православия, ислама и суфизма в российской культуре	139
Экологические проблемы современной цивилизации. . .	146
Несколько слов о Муху Гимбатовиче Алиеве, философе и политике	151
К цивилизационным основам развития ценностей молодежи.	157
Роль этнокультурных процессов в современном образовании и воспитании.	164
Сущность народности и ее проявление в этнических признаках	170
Роль ислама в духовной культуре Дагестана	176
Диалектика процесса развития и безопасности российского общества и государства	183
Социокультурные и духовно-нравственные ценности как методологическая основа патриотического воспитания обучающихся.	193
Межкультурный и межрелигиозный диалог — путь к гражданскому согласию	210

Русская цивилизация: противоречия и перспективы развития	215
Традиционные ценности России в исламском истолковании	221
Проблемы роста социальной и конфессиональной напряженности на Северном Кавказе как угрозы межнациональному согласию	227
Родной язык как этнический признак народности	233
Суфийские ценности в региональной культуре	242
Постмодернизм и познавательная культура	248
Цифровизация ценностей этнической культуры в Дагестане	256
Исламские ценности в познавательной культуре	267
Дагестан на перекрестке цивилизаций между традицией и модерном	270
Глобализация, модернизация и кризис национальной идентичности	276
<i>Резолюция</i>	283

Администрация Главы и Правительства
Республики Дагестан
Институт философии РАН
Российское философское общество
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
ФГБУН «Дагестанский федеральный
исследовательский центр РАН»

Между философией и политикой
К 85-летию первого президента РД М. Г. Алиева

Сборник научных статей

Под редакцией
доктора философских наук,
профессора М. И. Билалова

Составитель
К. М. Магомедалиева

Подписано в печать _____.2025.
Формат 60 x 84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Source Serif Pro». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,2. Тираж 250 экз.
Заказ № 1204

Издательский дом «Дагестан»
367018, Махачкала, пр-кт Насрутдинова, 1а
Тел.: (8722) 65-00-65, 65-00-50
E-mail: ph.daghestan@gmail.com